

ДЕМИС. Демографические исследования.

2021. Том 1. № 3

DEMIS. Demographic research.

2021. Vol. 1. No 3

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI: 10.19181/demis.2021.1.3

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI: 10.19181/demis.2021.1.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС 77-78699 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 30 июля 2020 г.

Media registration certificate PI No. FS 77-78699 issued on July 30, 2020, by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access
Authors are not charged for publication
Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия

- Рязанцев Сергей Васильевич**, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Безвербный Вадим Александрович**, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Вирккунен Йони**, доктор наук, профессор, Университет Восточной Финляндии, Куопио, Финляндия
- Воробьева Ольга Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Гаврилова Наталья Сергеевна**, кандидат биологических наук, научный сотрудник Центра по проблемам старения, Университет Чикаго, Чикаго, США
- Гейгер Мартин**, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада
- Джалал Мохаммад Аббаси-Шавази**, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран
- До Кармо Роберто Луиз**, доктор наук, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия
- Жуков Василий Иванович**, академик РАН, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права РАН, Москва, Россия
- Иванова Алла Ефимовна**, доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Инглис Кристине Бренда**, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия
- Карачай Айсем Бириз**, доктор наук, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция
- Ким Сейонджин**, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея
- Леденева Виктория Юрьевна**, доктор социологических наук, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Мартин Филип**, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США
- Марушиакова-Попова Елена Андреевна**, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фольклора Болгарской академии наук, София, Болгария
- Молодикова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, руководитель проекта по миграции и безопасности на постсоветском пространстве, Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия
- Пизарро Синтия Александра**, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина
- Ростовская Тамара Керимовна**, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Рыбаковский Леонид Леонидович**, доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Хорие Норие**, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония
- Шенк Каресс**, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbnny**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Joni Virkkunen**, PhD, Professor, University of Eastern Finland, Kuopio, Finland
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Analyst, Academic Research Centers, Centre on Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasily I. Zhukov**, Member of the RAS, Chief Researcher of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economics, Professor, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociology, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, Ph.D, Project Lead on Migration and Security in the Post-Soviet Space, Environmental science and policy department, Central European University, Budapest, Hungary
- Cynthia Alexandra Pizarro**, Ph.D., Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Leonid L. Rybakovsky**, Doctor of Economics, Professor, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Norio Horie**, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Caress Schenk**, Ph.D., Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

<i>Иванов С. Ф.</i> ДЕМОГРАФИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА: КОММЕНТАРИИ К ТЕОРИЯМ	5
<i>Безвербный В. А., Бардакова Л. И.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В СТРАНАХ СНГ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ	11

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Топилина А. В.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	23
<i>Микрюков Н. Ю.</i> ИММИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН АЗИИ В РОССИЮ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	37
<i>Драгун М. В.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	53

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Макеева С. Б.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КНР ПО РАЗВИТИЮ ГОРОДОВ (1949–2020 ГГ.): ИСТОРИКО-РЕГИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	67
<i>Кулага М. В.</i> ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	78
<i>Москалевич Г. Н.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПАНДЕМИИ COVID-19	91

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

<i>Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н., Клименко В. А.</i> НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	101
<i>Друзьяка А. В.</i> СИСТЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1991–2020 ГГ.)	114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Рязанцев С. В., Храмова М. Н.</i> НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН ПО РЕГИОНАМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	130
<i>Фомин М. В.</i> СИБИРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН	138

CONTENT

THEORY OF DEMOGRAPHY AND MIGRATIONOLOGY

<i>Sergey F. Ivanov.</i> DEMOGRAPHICS OF THE MODERN WORLD: COMMENTS ON THEORIES	5
<i>Vadim A. Bezverbny, Lidia I. Bardakova.</i> DEMOGRAPHIC TRANSITION IN THE CIS COUNTRIES: TRENDS AND PRELIMINARY RESULTS	11

DEMOGRAPHICS OF FOREIGN COUNTRIES

<i>Anna V. Topilina.</i> DEMOGRAPHIC AND ECONOMIC POTENTIAL OF MIGRATION FROM LATIN AMERICA.....	23
<i>Nikolay Yu. Mikryukov.</i> IMMIGRATION FROM ASIAN COUNTRIES TO RUSSIA: A REGIONAL ASPECT	37
<i>Maria V. Dragun.</i> TRENDS IN INTERNAL MIGRATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS.....	53

POLITICAL DEMOGRAPHY

<i>Svetlana B. Makeeva.</i> STATE POLICY OF THE PRC ON URBAN DEVELOPMENT (1949-2020): HISTORICAL, REGIONAL AND SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS	67
<i>Maksim V. Kulaga.</i> CONSEQUENCES IF THE RADICALIZATION OF MIGRATION POLICY IN WESTERN EUROPE: SOCIO-ECONOMIC ASPECT	78
<i>Galina N. Moskalevich.</i> LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION AND THE COVID-19 PANDEMIC.....	91

DEMOGRAPHIC REGIONAL STUDIES

<i>Viktor V. Fauzer, Andrey V. Smirnov, Galina N. Fauzer, Valerii A. Klimenko.</i> POPULATION OF URBAN SETTLEMENTS: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN NORTH AND THE REPUBLIC OF BELARUS	101
<i>Andrey V. Druzyaka.</i> THE SYSTEM OF REGULATION OF EXTERNAL MIGRATION IN THE FAR EAST OF THE RUSSIAN FEDERATION (1991-2020)	114

SCIENTIFIC LIFE

<i>Sergey V. Ryazantsev, Marina N. Khramova.</i> SCIENTIFIC EXPEDITION OF EMPLOYEES OF THE IDR FCTAS RAS TO THE REGIONS OF THE FAR EAST	130
<i>Maxim V. Fomin.</i> SIBERIAN EXPEDITIONS OF EMPLOYEES OF THE IDR FCTAS RAS.....	138

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

ДЕМОГРАФИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА: КОММЕНТАРИИ К ТЕОРИЯМ

Иванов С. Ф.,

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: serguey.ivanov@yandex.com

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.1

Для цитирования: Иванов С. Ф. Демография современного мира: комментарии к теориям // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 5–10. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.1

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ключевых причин и факторов изменения тенденций демографического развития стран Севера и Юга в контексте основополагающих демографических теорий. Проанализированы механизмы перестройки репродуктивного поведения и их влияние на динамику рождаемости в регионах мира. Рассмотрены особенности демографического перехода в странах Африки, Азии и Латинской Америки, а также даны авторские прогнозы о вероятной динамике численности населения в указанных регионах. В Африке к югу от Сахары быстрый рост населения продолжается и будет продолжаться по крайней мере до конца столетия. Если траектория рождаемости в Африке повторит ее снижение в других регионах мира, то к концу столетия средний суммарный коэффициент рождаемости снизится там до уровня простого воспроизводства, а численность населения вырастет с нынешнего 1 миллиарда до 2,1 млрд человек в середине столетия и 3,8 млрд чел. в конце века. Проведен критический анализ первой и второй теории демографического перехода в условиях современного общества и специфических национальных особенностей стран мира. В заключение приводится теоретический и практический анализ семейной и демографической политик, а также их перспективы в современных условиях.

Ключевые слова: демографический переход, рост населения, репродуктивное поведение, страховое поведение, рождаемость, образование, урбанизация, семейная политика, демографическая политика.

Введение

Население Земли находится в разных фазах демографического развития. Вот уже полвека как демографический переход завершен в странах Севера. В последние десятилетия к ним присоединились три десятка стран Азии, Латинской Америки и Северной Африки; другие страны этих регионов «на подходе». Африка к югу от Сахары значительно отстает.

Главным механизмом перехода является снижение детской смертности, влекущее за собой такую перестройку репродуктивного поведения, когда становится рациональным целенаправленное и управление числом рождений и интервалами между ними, а впоследствии – снижение числа рождений. Этот универсальный демографический механизм действует в разных социокультурных средах, которые формируют различные уровни рождаемости и траектории ее снижения, что отчетливо проявилось в давней демографической истории развитых стран Севера и недавнем прошлом развивающихся стран Юга. Среди этих факторов урбанизация, распространение образования, структура семей и домохозяйств.

На первой стадии перехода темпы роста населения всегда растут; впоследствии они снижаются. Общества, страны, регионы проходят демографический переход в разное время и с разной скоростью. В Азии и Латинской Америке пик темпов роста населения был пройден четыре десятилетия назад и ожидается стабилизация численности населения этих регионов в ближайшие десятилетия. В этих регионах грозный феномен демографического взрыва преодолен. В Африке к югу от Сахары быстрый рост населения продолжается и будет продолжаться по крайней мере до конца столетия. Если траектория рождаемости в Африке повторит ее снижение в других регионах мира, то к концу столетия средний суммарный коэффициент рождаемости снизится там до уровня простого воспроизводства, а численность населения вырастет с нынешнего 1 миллиарда до 2,1 млрд человек в середине столетия и 3,8 млрд чел. в конце века. Однако демографический переход в Африке «буксует», что позволяет предположить, что рождаемость в конце столетия будет как минимум на 0,5 ребенка выше уровня простого воспроизводства, а население региона приблизится к 5 млрд. Такая динамика активизирует опасения полувекковой давности, сформулированные в докладе «Пределы роста», оказавшем огромное влияние на международное сообщество [Медоуз, Рандерс, Медоуз, 2007].

Можно ли ускорить демографический переход в Африке? Да, и для этого можно и нужно воспользоваться тремя рычагами, каждый из которых имеет самостоятельную – внедемографическую – ценность: форсировать снижение детской смертности (сейчас он составляет 72 промилле по сравнению с 27 в Азии и 5 на развитом Севере); ускорить развитие национальных систем образования и вдохнуть новую жизнь в программы планирования семьи.

Обзор литературы

Термин «демографический переход», предложенный в 1945 г. американским демографом Ф. Нотештейном, обозначает эволюцию демографического поведения в процессе его исторического развития. В рамках теории демографического перехода выделяются различные подходы: социально-экономический; социально-политический; социально-психологический; социально-территориальный [Notestein, 1945].

К числу демографических теорий, основу которых составляет экономический подход, относятся ранние теории демографического развития, в которых демографические процессы рассматривались как одна из переменных экономического процесса. Так, первые теории, отражавшие взаимосвязь демографических процессов с социально-экономическими и социально-политическими процессами, принадлежали классическим теориям демографического перехода (А. Ландри, К. Блеккером, У. Томпсоном, Ф. Нотештейна и др.).

Современное видение демографической ситуации характерно для концепции демографического перехода австралийского ученого Дж. Колдуэлла, который дает общее представление о последнем этапе развития Теории демографического перехода. Основная идея этой концепции заключается в детерминированности режима воспроизводства населения социальными отношениями, формирующимися на основе экономической выгоды, в том числе и в семье. В настоящее время, несмотря на эффективность методологической основы для анализа эволюции демографических процессов на макроуровне, некоторые ученые (С. П. Капица, М. А. Клупт и др.) [Капица, 1999; Клупт, 2008] считают, что сегодня Теория демографического перехода

является недостаточно объективной в анализе закономерностей демографических процессов современного общества.

Среди зарубежных теорий репродуктивного поведения современности можно отметить исследования таких ученых, как Сирони, Баси, Стокс, Паттерсон, Вэстоф, Потвин и др. [Arnstein, 2011]. Теоретические воззрения в их исследованиях строятся на понимании фамилистских тенденций в разных обществах через раскрытие сущности понятия «социализации населения». Под понятием «социализация населения», в отличие от традиционного классического представления, понимается становление, развитие населения через призму эволюции семьи.

Второй демографический переход

Концепция демографического перехода не может объяснить тенденции и вариативность рождаемости в постпереходных странах и не претендует на это. Заимствованное из концепции (первого) перехода представление о том, что динамика будет описываться траекторией замедляющегося маятника, т. е. рождаемость когда-то и как-то вернется к уровню простого воспроизводства, не подтверждается фактами.

Признание того, что в постпереходных обществах действуют разнообразные новые тонкие механизмы, определяющие репродуктивное поведение, и объединение всех или хотя бы главных факторов в общую непротиворечивую картину, объясняющую низкую и, в особенности, сверхнизкую рождаемость, являются перспективным подходом. Главной идеей такого подхода является второй демографический переход. Центральными становятся вопросы: почему в развитых обществах рождаемость низка; что определяет различия суммарной рождаемости, когда она ниже уровня простого воспроизводства и что можно сделать, чтобы ее довести до этого уровня.

Эти вопросы как правило не формулируются эксплицитно, потому что концепция второго перехода слабо вооружена для количественного прогнозирования. Это связано не с незнакомством авторов с аппаратом статистического анализа и не с дефицитом данных, а с тем, что очень трудно, если вообще возможно, адекватно структурировать проблемы во всей полноте релевантных взаимосвязей.

Вообще к концепции второго перехода предъявлено много претензий, особенно в сопоставлении с классической концепцией (первого) перехода. Теория демографического перехода проста и элегантна, в то время как концепция второго перехода запутанна и рыхла. Хорошо объясняемые ею календарные сдвиги не вписываются в принятую методологию демографического прогнозирования, а вклад в другие области количественного анализа очень ограничен.

Отвечая на критику, следует иметь в виду в два принципиальных различия предметов этих двух концепций. Первый переход охватывает динамику рождаемости в широком диапазоне от восьми до двух детей на женщину, а второй переход – репродуктивное поведение в узком диапазоне от бездетности до двух детей на женщину. При этом механизм детерминации в допереходных обществах прост, он усложняется в течение (первого) перехода, а в современных постпереходных обществах становится очень сложным.

Концепция первого демографического перехода занималась уникальным в истории человечества сюжетом: как улучшение условий жизни однозначно и решительно улучшило выживаемость человека как биологического вида, что, в свою очередь, привело к универсальному и однозначному изменению стратегии репродуктивного поведения всего вида [Вишневыский, 2014]. Взаимосвязи рождаемости с детской

смертностью достаточно для объяснения и даже прогнозирования демографического перехода. Институциональные, культурные, экономические факторы, действующие в человеческих обществах, видоизменяют действие этой взаимосвязи, объясняют, почему в одних популяциях переход начался раньше, чем в других, почему он был быстрее или медленнее, но генеральное изменение стратегии репродуктивного поведения остается универсальным.

Концепция второго перехода имеет дело с поведением, которое не просто вписано в контекст современных обществ, а полностью, но необязательно однозначно, определяется их сложной тканью, в то время как демографический механизм воспроизводства оказывается подорванным. Второй переход перемещает репродуктивное поведение из просто популяции в социум, и его объяснение сразу становится чрезвычайно трудной задачей. Эта задача выходит далеко за пределы измерения разницы между желаемым и реальным числом детей или определения объема пособия, необходимого для компенсации механического падения жизненного уровня в результате рождения ребенка. Это, по существу, не концепция в том строгом смысле, каковой является концепция (первого) перехода, и она не может и не стремится дать твердые количественные ориентиры демографического будущего. Второй демографический переход – это парадигма сложнейшей амальгамы процессов и взаимосвязей, пронизывающих современные общества. Ее важными эвристическими характеристиками являются открытость, структурная сложность и вместе с тем аморфность.

Парадигма второго демографического перехода позволяет, в частности, понять, что бездетность и малодетность в принципе порождены не недостатком финансовых средств для реализации некоего универсального идеального числа детей, а принципиальным антагонизмом между деторождением и необходимостью для семьи иметь два дохода для того, чтобы соответствовать стандартам общества массового потребления. Другим проявлением антидетности современного общества является, особенно в среднем классе, противоречие между деторождением и карьерными возможностями женщин. Это – общие характеристики развитых обществ. Но есть и национально-специфические срезы реальности, оказывающие большое воздействие на репродуктивное поведение. Так, в Италии культурный феномен «*tata i pasta*» в сочетании со спецификой рынка наемного жилья являются сильными факторами сверхнизкой рождаемости. С другой стороны, в США не расовые различия, а развитие субурбии и ее превращение в ролевую модель для других социальных групп является, вероятно, веским объяснением, почему в стране, где никогда не было семейных пособий, а детские ясли и сады за пределами дороги и плохи, самая высокая на глобальном Севере рождаемость. Именно в нюансах такого рода следует искать объяснения устойчивых различий национальных типов репродуктивного поведения, выражающихся в «комфортной» рождаемости на уровне 1,8-1,9 или сверхнизкой рождаемости (<1,5).

Пронаталистская политика

Есть значительная теоретическая и практическая разница между семейной и демографической политикой. Семейная политика направлена на помощь семьям с детьми. Демографическая политика преследует цель воздействовать на воспроизводство населения, а в реальности сводится к мерам, направленным на повышение рождаемости путем компенсации части затрат на деторождение, уход за детьми и их воспитание. На поверхности кажется, что демографическая политика в пост-

переходных обществах направлена против общего направления второго перехода, закрепляющего малодетность. (Демографическая политика до и во время первого перехода направлена на обеспечение широкого доступа к современной контрацепции и однонаправленна с самим переходом. Она не является предметом рассмотрения здесь и ниже). Может показаться, что эти сферы деятельности государства тождественны. Это не так, причем различие не исчерпывается тем, что семейная политика шире демографической.

Идеологическое обоснование необходимости помогать семьям с детьми естественно для «социальных государств», в то время как другие государства считают правильным создавать для всех равные стартовые возможности. Впрочем, в реальной жизни граница идеологий не так прямолинейна и подвижна. Идеологическим обоснованием демографической политики является уверенность в том, что естественным правом и обязанностью государства является управление всеми общественными процессами, особенно важными, а воспроизводство населения несомненно таким важным процессом является.

Государственная помощь семьям с детьми в разных формах проводится абсолютным большинством постпереходных стран, но в настоящее время очень мало где называется демографической, потому что либеральный подход не предполагает за государством права целеполагания в области семейного строительства. Есть и дополнительные причины непопулярности выражения «демографическая политика» (population policy) в этом контексте. Во-первых, многие, а уж во всяком случае политики и аналитики, которые этими вопросами занимаются профессионально, хотели бы избежать аллюзий к демографической политике фашистских Германии и Италии. Во-вторых, пока еще многим кажется, что рождаемость сама собой вернется к приемлемым уровням, а логическая цепочка «сверхнизкая рождаемость > старение населения > депопуляция > неминуемые последствия» недостаточно осознана обществом. Вполне вероятно, что в недалеком будущем «демографическая политика» будет реабилитирована. Но гораздо важнее другое. Предположим, что возобладает представление о том, что со сверхнизкой рождаемостью надо что-то делать. Тогда наступит бифуркация: надо ли усиливать помощь семьям с детьми до масштабов французской, исходя из того, что она оказалась демографически эффективной, или надо придумывать нетривиальные подходы. Это – вполне реальная перспектива, причем общим знаменателем обоих подходов являются большие затраты госбюджета и, следовательно, масштабное перераспределение доходов.

Список литературы

- Медоуз Д, Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя / Пер. с англ. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. – 342 с.
- Notestein F.* Population: the long view / F. Notestein // Food for the World / ed. T. Schultz. – Chicago, 1945. – P. 36–57.
- Капица С. П.* Общая теория роста человечества: сколько людей жило, живет и будет жить на Земле / С. П. Капица. – Москва: Наука, 1999. – 190 с.
- Клупт М. А.* Демография регионов Земли / М. А. Клупт. – СПб.: Питер, 2008. – 347 с.
- Arnstein A.* Explaining Attitudes Towards Demographic Behaviour / A. Arnstein, M. Sironi, V. Bassi // European sociological review. – 2011. – Vol. 29, № 2. – P. 316–333.
- Вишневецкий А. Г.* Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 6–33. DOI: 10.17323/demreview.v1i1.1825

Сведения об авторе:

Иванов Сергей Феликсович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sergey.ivanov@yandex.com; ORCID ID: 0000-0001-7525-699X; РИНЦ Author ID: 1078042.

Статья поступила в редакцию 13.05.2021; принята в печать 02.07.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHICS OF THE MODERN WORLD: COMMENTS ON THEORIES

Sergey F. Ivanov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: sergey.ivanov@yandex.com

For citation: Sergey F. Ivanov. Demographics of the modern world: comments on theories. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No 3. P. 5–10. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.1

Abstract. The article is devoted to the consideration of the key causes and factors of changing trends in the demographic development of the countries of the North and South in the context of fundamental demographic theories. The mechanisms of adjustment of reproductive behavior and their impact on the dynamics of fertility in the regions of the world are analyzed. The features of the demographic transition in the countries of Africa, Asia and Latin America are considered, as well as the author's forecasts about the likely dynamics of the population in these regions are given. In sub-Saharan Africa, rapid population growth continues and will continue at least until the end of the century. If the trajectory of fertility in Africa repeats its decline in other regions of the world, then by the end of the century the average total fertility rate will fall to the level of simple reproduction there, and the population will grow from the current 1 billion to 2.1 billion people in the middle of the century and 3.8 billion people at the end of the century. The critical analysis of the first and second theories of demographic transition in the conditions of modern society and specific national characteristics of the countries of the world is carried out. The conclusion provides a theoretical and practical analysis of family and demographic policies, as well as their prospects in modern conditions.

Keywords: demographic transition, population growth, reproductive behavior, insurance behavior, birth rate, education, urbanization, family policy, demographic policy.

References

Donella H. Meadows, Randers J., Dennis L. Meadows. Beyond the Limits. The 30-years update. Chelsea Green Publishing Company White River Junction, Vermont. 2007. 342 p.

Notestein F. Population: the long view. F. Notestein. *Food for the World*. ed. T. Schultz. Chicago, 1945. P. 36–57.

Kapitsa S.P. Obshchaya teoriya rosta chelovechestva: skol'ko lyudei zhilo, zhivet i budet zhit' na Zemle [General Theory of Humanity Growth: How Many People Lived, Live and Will Live on Earth]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 190 p. (In Russ.).

Klupt M. A. Demografiya regionov Zemli [Demography of the world regions]. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 347 p. (In Russ.).

Arnstein A. Explaining Attitudes Towards Demographic Behaviour. A. Arnstein, M. Sironi, V. Bassi. *European sociological review*. 2011. Vol. 29, No. 2. P. 316–333.

Vishnevskiy A. G. The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo sapiens. *Demographic Review*. 2014. Vol. 1, No. 1. Pp. 6–33. DOI: 10.17323/demreview.v1i1.1825. (In Russ.)

Bio note:

Sergey F. Ivanov, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sergey.ivanov@yandex.com; ORCID ID: 0000-0001-7525-699X; RSCI Author ID: 1078042.

Received on 13.05.2021; accepted for publication on 02.07.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В СТРАНАХ СНГ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Безвербный В. А.,

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Бардакова Л. И.,

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: bardakova.lidia@gmail.com

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.2

Для цитирования: Безвербный В. А., Бардакова Л. И. Демографический переход в странах СНГ: тенденции и предварительные итоги // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 11–22. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.2

Аннотация. Представленная работа посвящена рассмотрению тенденций и эффектов демографического перехода в странах Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Основная цель исследования – рассмотреть влияние демографического перехода на динамику народонаселения как в странах постсоветского пространства, так и в мировом масштабе. Для более системного понимания глубины демографических изменений на современном этапе развития общества были рассмотрены исторические тенденции развития народонаселения и ключевые положения теории демографического перехода. Были проанализированы тенденции демографического развития стран СНГ в период 1992–2020 гг., включая динамику численности населения, значения показателей рождаемости и смертности, а также показатели, характеризующие изменение возрастной структуры населения. С целью получения информационной базы для исследования тенденций демографического развития стран СНГ применялся статистический метод: были использованы данные международных организаций ООН и Статкомитета СНГ, характеризующие демографические тенденции стран СНГ, включая данные национальной статистики, а также данные Интернет-проекта «Our World in Data» для получения исторических данных о динамике мирового населения. Метод системного анализа применялся для оценки тенденций и характеристик демографических процессов в странах СНГ в контексте теории демографического перехода. В исследовании был также применен аналитический метод. На основании значений общих коэффициентов рождаемости и смертности, коэффициента естественного прироста, суммарного коэффициента рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни, а также медианного возраста в странах СНГ авторы делают предположение: какая стадия демографического перехода характерна для указанной группы государств. В заключение авторами приводятся гипотезы о возможных направлениях демографического развития стран постсоветского пространства в контексте теории демографического перехода.

Ключевые слова: демографический переход, естественное движение населения, рождаемость, смертность, миграция населения, ожидаемая продолжительность жизни, страны СНГ, постсоветское пространство.

Введение

Закономерности роста численности населения минувших веков и тысячелетий остаются одними из наиболее уникальных исследовательских вопросов в демографической науке. Их уникальность связана с неравномерностью тенденций демографического роста человечества до XVIII в. и его резким ускорением с момента начала промышленной революции. Понимание ключевых особенностей демографических тенденций прошлого и настоящего лежит в основе такой современной демографической теории, как демографический переход.

Согласно общепринятым научным положениям, демографический переход – это «совокупность концептуальных положений, используемых современной демографической наукой для объяснения механизмов детерминации демографических процессов, лежащих в основе смены типов воспроизводства населения» [Рыбаковский, 2003].

Характерно, что демографический рост до XIX в. был очень медленным и устойчивым по сравнению с сегодняшним днем, достигнув первых ста миллионов примерно ко второму тысячелетию до нашей эры и первого миллиарда к началу девятнадцатого века. Одно из самых минимальных значений для мирового населения было характерно для 10 000 года до н. э. и соответствовало примерно 4 млн чел. во всем мире. Далее последовал долгий период с небольшим изменением численности населения (с 1 до 1000 года н.э.), в течение которого оно достигло пика в 415 млн чел. в конце второго тысячелетия. Затем население быстро росло, удвоившись примерно до 6 млн в 5000 году до н. э., и впоследствии удваивалось примерно каждое тысячелетие (за исключением третьего тысячелетия до н. э.), достигнув 188 млн к 1 году до н. э.¹

С XX вв. до н. э. к XVIII вв. н. э. рост численности населения планеты происходил крайне медленно, в среднем на 0,04% в год. В результате в 1000 году до н. э. численность населения составляла всего 50 млн и достигла 500 млн чел. лишь к началу XVII в., то есть спустя 2600 лет. Незначительные темпы прироста населения обусловили и относительно небольшую численность к началу XVIII в. (около 600 млн чел.). В XIX в. произошел существенный перелом демографических тенденций, в результате чего численность населения мира с XIX по XX в. увеличилось более чем на 65% (с 990 млн до 1,65 млрд чел.). В следующее столетие для удвоения населения потребовалось уже 65 лет, а общая численность населения в период с XX по XXI в. увеличилась на 4,5 млрд или практически в три раза² (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности мирового населения в период новой эры

Table 1

World population dynamics during the new era

Год	Численность населения (млн чел.)	Темпы прироста к предыдущему периоду, в %
2000	6143	142
1950	2536	53
1900	1654	84
1800	900	49
1700	603	9
1600	554	20
1500	461	56
1000	295	40
500	210	12
1	188	

Источник: составлено авторами на основе данных https://ourworldindata.org/uploads/2013/05/WorldPopulationAnnual12000years_interpolated_HYDEandUNto2015.csv

Темпы роста мирового населения достигли исторического максимума в XX в. Максимальное значение темпов прироста было характерно для второй половины XX в. Как итог, за первые 12000 лет население мира выросло меньше, чем за последние пятьдесят лет. Первыми демографический взрыв пережили страны Западной Европы. Так, в Великобритании в конце XVIII в. (в эпоху промышленной революции)

¹ Max Roser, Hannah Ritchie and Esteban Ortiz-Ospina (2013) – “World Population Growth”. Published online at Our World In Data.org. URL: <https://ourworldindata.org/world-population-growth> (accessed on 22.04.2021).

² Ibid.

население росло в 7 раз быстрее, чем население остального мира, естественный прирост населения повысился до 20–30 человек на 1000 жителей.

Экспоненциальный рост населения, который произошел за последние пятьдесят лет, во многом обусловлен достижениями современной медицины и увеличением продолжительности жизни. Можно с высокой степенью вероятности спрогнозировать, что к концу XXI в. темпы роста населения упадут, а численность населения после достижения пика на уровне 10,5–11 млрд чел. начнет сокращаться.

Предпосылкой экспоненциального роста или любого другого роста в этом отношении является высокий естественный рост. Другими словами, рождается больше людей, чем умирает, что в разные периоды истории не было устойчивым явлением. До относительно недавнего времени (в эволюционном смысле) человеческие популяции были подвержены очень высоким уровням смертности из-за таких вещей, как болезни, войны, нехватка ресурсов (особенно нехватка продовольствия) и стихийные бедствия.

В динамике мирового населения с 1900 г. демографически устойчивыми были лишь два других коротких периода в истории: время неолитической и промышленной революции.

Население мира в настоящее время растет экспоненциальными темпами, с которыми мир никогда раньше не сталкивался. В 1950 г. на Земле было 2,5 млрд чел. – это число увеличилось примерно вдвое до 5 млрд в 1990 г., а сейчас составляет 7,8 млрд (по состоянию на начало 2020 г.). По оценкам ООН, к 2050 г. численность населения мира составит от 9 до 10,5 млрд чел., в зависимости от различных факторов таких, как уровень рождаемости и текущий уровень смертности.³

Обзор литературы

Основы теории демографического перехода были заложены в 1929 г. американским ученым У. Томпсоном (1802–1891), проанализировавшим глобальные тенденции динамики рождаемости и смертности первой четверти XX в. в книге *Danger Spots in World Population* [Thompson, 1930] и статье *Population* [Thompson, 1929]. Томпсон выявил демографические закономерности и классифицировал исследованные страны на три группы:

- (А) Северная и Западная Европа, США – переход от высоких темпов к очень низким темпам естественного прироста, близким к уровню депопуляции;
- (В) Италия, Испания и «славянские» народы Центральной Европы – тенденции снижения как рождаемости, так и смертности, но сохранение естественного роста населения в течение некоторого времени;
- (С) Остальной мир – практически неконтролируемый уровень рождаемости и смертности (75% мирового населения).

Значительный вклад в развитие теории демографического перехода был осуществлен французским демографом А. Ландри (1874–1956), исследовавшим в работе *La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population* (1934) тенденции развития народонаселения с 18 в. до периода начала Второй мировой войны. Ландри выделил три стадии демографического развития, последней из которых была стагнация или депопуляция, во многом предсказав демографические измене-

---

³ The 2019 Revision of World Population Prospects // United Nations. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on 22.04.2021).

ния конца XX в., а также актуальность реализации семейно-демографической политики в европейских странах в будущем [Landry, 1982].

В 1945 году американским ученым Ф. Нотштейном (1902–1983) был предложен окончательный вариант теории демографического перехода, объясняющей долгосрочные тенденции к снижению рождаемости и смертности, ведущие к существенному изменению возрастного состава населения [Notestein, 1945]. Согласно этой теории, возрастная и гендерная структура населения в основном зависит от показателей рождаемости и смертности, а также от таких факторов, как миграция, социально-экономическая ситуация, войны, политические изменения, голод и стихийные бедствия. Нотштейн выделяет уже четыре стадии смены типов воспроизводства населения:

1. «Традиционный» (Pre-transition) – высокие, близкие к естественным значениям показатели рождаемости и смертности.
2. «Переходный» (Early transition) – сокращение показателей смертности в условиях высокой рождаемости, быстрый рост населения.
3. «Стабилизационный» (Late transition) – уровень рождаемости начинает сокращаться, темпы роста населения снижаются.
4. «Старение» (Post-transition) – увеличение доли пожилых людей в результате снижения рождаемости и смертности и увеличения продолжительности жизни, прирост населения незначителен и стремится к снижению.

Среди современных авторов, внесших существенный вклад в понимание механизма реализации демографического перехода и его влияния на режимы воспроизводства населения в различных странах мира, необходимо отметить А. В. Топилина, А. Г. Вишневого, Л. Л. Рыбаковского, А. Б. Синельникова, А. И. Антонова, Н. В. Звереву, М. А. Клупта, С. Ф. Иванова, С. В. Захарова, В. А. Ионцева, Ю. А. Прохорову, Н. М. Римашевскую, А. И. Кузьмина, В. Г. Доброхлеб, К. А. Шестакова и др.

Таким образом, теорию демографического перехода можно рассматривать как универсальную модель, обосновывающую исторический процесс смены типов воспроизводства населения и фактически отвечающую на вопрос: почему в одних регионах естественный прирост уже давно прекратился, в то время как другие страны и регионы все еще демонстрируют его положительное значение. Демографический переход можно с высокой эффективностью использовать для прогнозирования демографических тенденций в развивающихся странах.

Методы исследования и источники информации

При подготовке статьи использовались несколько методов. С целью получения информационной базы для исследования тенденций демографического развития стран СНГ применялся статистический метод: были использованы данные международных организаций ООН и Статкомитета СНГ, характеризующие демографические тенденции стран СНГ, включая данные национальной статистики, а также данные Интернет-проекта «Our World in Data» для получения исторических данных о динамике мирового населения. Метод системного анализа применялся для оценки тенденций и характеристик демографических процессов в странах СНГ в контексте теории демографического перехода. В исследовании был также применен аналитический метод – на основании значений общих коэффициентов рождаемости и смертности, коэффициента естественного прироста, суммарного коэффициента рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни, а также медианного возраста

в странах СНГ авторы делают предположение – какая стадия демографического перехода характерна для указанной группы государств.

Результаты и обсуждение

Демографический переход в постсоветском обществе – сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, ряд государств СНГ уже прошел его основные стадии, с другой стороны, немалое количество постсоветских республик все еще находится в процессе трансформации. С осторожностью можно говорить о том, что демографический переход стал характерен для рассматриваемых стран и регионов (имеется в виду период существования Российской Империи) еще в конце XIX в., когда было обнаружено, что определенные социально-экономические условия (индустриализация, урбанизация, более высокий уровень образования) соответствуют более низким уровням рождаемости и смертности. Как уже было сказано выше, теория демографического перехода утверждает, что для каждого общества, переживающего индустриализацию, неизбежны три стадии: 1) высокие показатели рождаемости и смертности; 2) промежуточные уровни, когда смертность начинает снижаться, а рождаемость остается высокой; 3) низкий уровень смертности при низком уровне рождаемости. При этом в указанных случаях изменения определялись социально-экономическим развитием и меняющейся социальной структурой населения, в условиях набирающего скорость процесса урбанизации.

Также необходимо отметить, что скорость завершения демографического перехода для разных государств отличается, исходя из разных уровней социально-экономического развития, специфики половозрастного состава населения и этнокультурных особенностей страны.

Тенденции демографического развития стран СНГ в период 1990–2020 гг.

Для системного и более релевантного понимания особенностей демографического перехода в странах постсоветского пространства разумно обратиться к историческим предпосылкам глубоких социальных преобразований 1990-х гг., в значительной степени повлиявших и на демографическую ситуацию стран Содружества. Распад Советского Союза и последующее за этим значительное ухудшение социально-экономической ситуации и уровня жизни населения оказали существенное влияние на параметры демографического развития бывших республик СССР.

Отрицательные эффекты дезинтеграции союзного государства, связанные с демографической динамикой, можно увидеть на примере изменения темпов роста населения в 15 постсоветских республиках. Как уже было проанализировано в предыдущей публикации одного из авторов настоящей статьи [Безвербный, 2015: 75], если в период 1981–1991 гг. общий темп роста населения в социалистических республиках, по данным Всемирного банка, составил 1,2%, то в период 1992–2002 гг. он ознаменовался отрицательным ростом, где за указанный период темп роста приобрел отрицательный характер и составил уже -0,03%. В этот же период 11 из 15 постсоветских республик характеризовались отрицательным ростом населения, в среднем теряя от 1,3 до 0,2% населения ежегодно, за исключением Азербайджана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Отрицательная демографическая динамика в постсоветских республиках привела к тому, что в период с 1992 по 2012 гг. т. е. за 20 лет суммарная численность населения пятнадцати республик практически не изменилась и выросла лишь на 127 тыс. человек или на 0,04 %.

Наиболее существенно численность населения в период 1992–2012 гг. сократилась в Латвии (-22,2%), Литве (-19,2%), Армении (-13,9%), Эстонии (-13,5%), Украине (-12,5%), Грузии (-7,8%), Беларуси (-7,3%), Молдове (-4%) и Российской Федерации (-3,7%). При этом в абсолютном выражении наиболее критическая ситуация сложилась в Украине, где численность населения в указанный период снизилась на 6,5 млн, и в России, где население уменьшилось на 5,5 млн чел.

Всего же с 1990 по 2020 гг. численность населения значительно всего сократилась в Армении (-16%), Украине (-15%), Молдове (-8%), Беларуси (-7%) и России (-1%). Лидерами же среди стран по уровню прироста стали Таджикистан (+81%), Узбекистан (+64%), Туркменистан (+64%), Кыргызстан (+49%), Азербайджан (+40%) и Казахстан (+15%) (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности населения стран СНГ в 1990–2020 гг., в %
Fig. 1. Dynamics of the population of the CIS countries in 1990–2020, in %

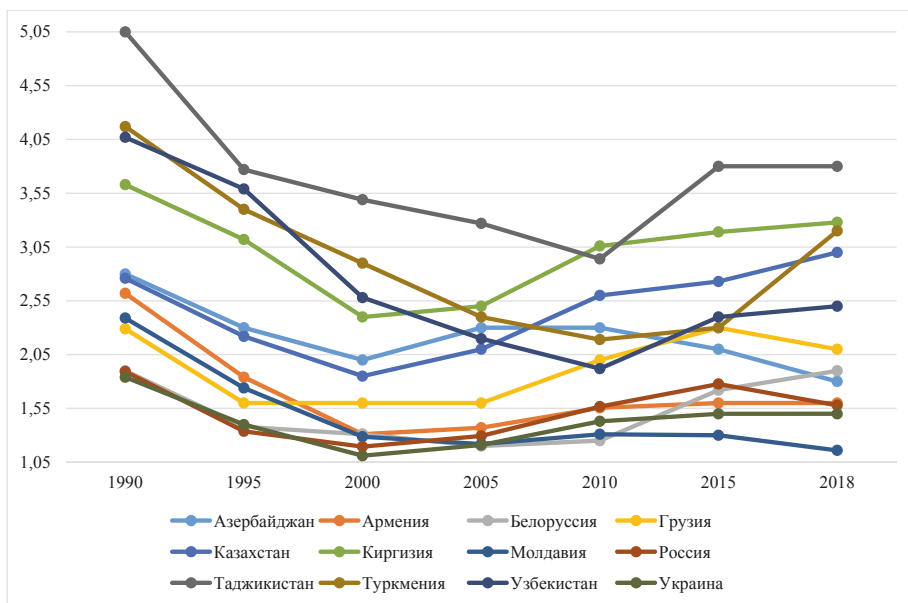
Однако, по мнению авторов данной статьи, отрицательная динамика численности населения является скорее индикатором социально-экономического кризиса, а в случае с восточноевропейскими странами и странами Балтии еще и следствием интенсивного миграционного оттока населения, нежели долгосрочного изменения модели репродуктивного поведения в контексте демографического перехода. В этой связи гораздо более репрезентативным показателем изменения модели репродуктивного поведения населения является Суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР).

Здесь возникает ключевой вопрос настоящего исследования: как отделить объективные социально-экономические и политические факторы ухудшения демографической ситуации в странах постсоветского пространства, обусловленного распадом СССР и болезненным переходом к рыночной экономической модели, от неизбежных эволюционных процессов демографической модернизации вследствие демографического перехода? По мнению авторов, одним из методологических инструментов решения данного противоречия может стать более пристальное внимание к динамике показателя СКР как минимум в среднесрочном периоде.

В период 1992–2002 гг. СКР во всех пятнадцати постсоветских республиках снизился на 28,6 %. При этом Азербайджан, Армения, Казахстан и Молдова, имевшие

к 1992 г. расширенный режим воспроизводства населения, уже ко второй половине 90-х гг. совершают переход к суженному воспроизводству, демонстрируя снижение суммарного коэффициента рождаемости в среднем до 1,8 детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в постсоветских республиках в 1990–2018 гг.

Fig. 2. Dynamics of the total fertility rate in the post-soviet republics in 1990–2018

Причем наиболее значительно за последующие после распада СССР десять лет СКР снизился в Литве (-37,5%), Узбекистане (-37%), Украине (-36%), Азербайджане (-34,3%) и Туркменистане (-32,6%). Кроме того, с 1992 г. стал значительно увеличиваться коэффициент смертности населения, особенно повысившийся к 2002 г. в Казахстане (45,6%), Беларуси (30,9%) и Российской Федерации (26,2%). Эти же три государства стали лидерами по сокращению ожидаемой продолжительности жизни (далее – ОПЖ), сократившейся в период 1992–2002 гг. в среднем на 1,8 лет. Мало того, Россия стала лидером по уровню сокращения ОПЖ мужчин среди других республик, где в указанный период данный показатель снизился на 3,5 лет.

Обращает на себя внимание факт, что первый этап резкого сокращения уровня рождаемости в двенадцати странах СНГ приходился на 1992–1996 гг., когда в среднем значение суммарного коэффициента рождаемости сократилось на 0,62 пункта или на 23%. Учитывая то, что пик серьезных экономических потрясений в странах СНГ происходил именно в 1991–1999 гг., столь стремительное падение демографического потенциала действительно можно считать следствием событий 1990-х гг. Однако дальнейший анализ показывает, что минимальные значения СКР за период 1992–2018 гг. стали характерны для стран Содружества (за исключением Молдовы) в 1999–2005 гг., что плохо коррелирует с положительными структурными преобразованиями, оживлением экономической активности и ростом ВВП в странах СНГ. Более того, в период 2008–2012 гг. в большинстве стран Содружества начинается неуклонный рост уровня

рождаемости и естественного прироста населения, что приходится на время негативных последствий мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., в значительной степени затронувшего и страны постсоветского пространства. Стоит отметить, что в этот период времени Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Узбекистан вернулись к режиму расширенного воспроизводства населения, а Белоруссия, Грузия, Казахстан и Россия не просто вернулись к значению СКР 1992 г., но даже достигли более высокого уровня рождаемости в сравнении с началом рассматриваемого периода.

В этом отношении можно говорить о наличии гораздо более глубинных социально-культурных и этнорелигиозных факторов, формирующих стандарты репродуктивного поведения, но не находящихся в прямой зависимости от показателей экономического положения государства.

Этапы прохождения демографического перехода в странах СНГ

Несмотря на то, что рядом исследователей уже разработаны и представлены концепции «второго» [Lesthaeghe, van de Kaa, 1986], «третьего» [Coleman, 2006] и даже «четвертого» [Ионцев, Прохорова, 2011] демографического переходов, по нашему мнению, еще далеко не все страны планеты завершили демографический переход в классическом понимании этой теории [Notestein, 1945]. Более того, сегодня можно вполне успешно найти страны, все еще находящиеся на втором этапе демографического перехода. Например, Конго, Сомали, Нигер, Буркина Фасо, где высокий уровень рождаемости (примерно 5–6 детей на одну женщину 15–49 лет) сочетается с высоким уровнем смертности и низкой продолжительностью жизни. В этом контексте одними из наиболее любопытных и сложных для понимания стран и регионов остаются государства постсоветского пространства.

По нашему мнению, распад СССР и последующий социально-экономический кризис создал существенные предпосылки к снижению рождаемости и повышению смертности в течение последующих 10 лет. Но данное событие не сильно повлияло на скорость прохождения демографического перехода и не могло заменить его, что доказывает достаточно быстрое возвращение демографических показателей значительного числа стран СНГ к уровню начала 1990-х гг.

При рассмотрении тенденций демографического развития стран СНГ за последние пять лет (2015–2020 гг.) обращает на себя внимание высокая дифференциация показателей естественного движения населения (см. рис.3). Здесь можно выделить как минимум три группы стран:

- страны с высокими темпами естественного роста – Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан и Азербайджан;
- страны с низкими темпами естественного роста – Армения, Грузия, Россия;
- страны с отрицательными темпами естественного роста – Беларусь, Молдова, Украина.

Для анализа актуальной стадии демографического перехода для группы стран СНГ были использованы следующие показатели: общие коэффициенты рождаемости и смертности, коэффициент естественного прироста, суммарный коэффициент рождаемости, показатель ожидаемой продолжительности жизни и медианный возраст (см. табл. 2).

По мнению авторов, Таджикистан, как и другие среднеазиатские страны СНГ, находится на третьем этапе демографического перехода, наравне с такими странами, как Индия, Мексика, Венесуэла, ЮАР. Об этом свидетельствует высокая

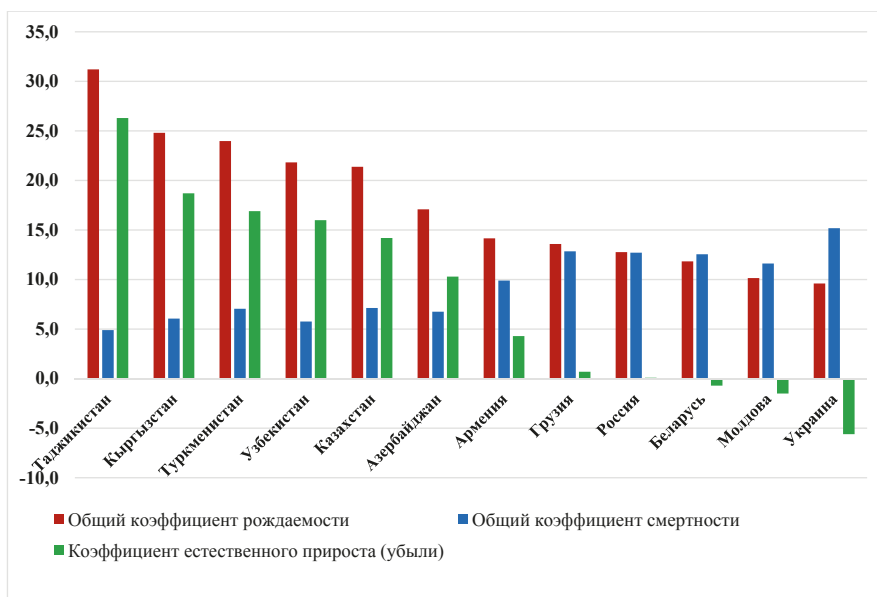

Рис. 3. Показатели естественного движения населения в странах СНГ в 2015–2020 гг.
 Fig. 3. Indicators of natural population changes in the CIS countries in 2015–2020

Таблица 2

Показатели демографического развития стран СНГ в контексте этапов прохождения демографического перехода

Table 2

Indicators of demographic development of the CIS countries in the context of the stages of demographic transition

Страна	Показатели естественного движения населения (на 1000 чел., 2015-2020)			СКР (2015-2020)	ОПЖ (2015-2020)	Медианный возраст (2020)	Этап демографического перехода
	ОКР	ОКС	ЕП				
Таджикистан	31,2	4,9	26,3	3,61	70,8	22,4	III этап
Кыргызстан	24,8	6,1	18,7	3,00	71,2	26,0	
Туркменистан	24,0	7,1	16,9	2,79	68,0	26,9	
Казахстан	21,4	7,1	14,2	2,76	73,2	30,7	
Узбекистан	21,8	5,8	16,0	2,43	71,5	27,8	
Азербайджан	17,1	6,8	10,3	2,08	72,8	32,3	IV этап
Армения	14,2	9,9	4,3	1,76	74,9	35,4	
Грузия	13,6	12,8	0,7	2,06	73,5	38,3	
Россия	12,8	12,7	0,1	1,82	72,3	39,6	завершение демографического перехода
Беларусь	11,8	12,6	-0,7	1,71	74,5	40,3	
Украина	9,6	15,2	-5,6	1,44	71,8	41,2	
Молдова	10,2	11,6	-1,5	1,26	71,7	37,6	

Источник: World Population Prospects 2019⁴

⁴ World Population Prospects 2019.

рождаемость (31,2 на 1000 чел.), низкая смертность (4,9 на 1000 чел.) и высокие темпы прироста населения (26,3 на 1000 чел.). Схожие показатели демографического развития демонстрируют Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан и Казахстан. Хотя в Казахстане при высоком уровне рождаемости наблюдается постепенное «постарение» половозрастной структуры населения, что также демонстрирует последовательное движение к «четвертому» этапу перехода.

В свою очередь Азербайджан, Армения и Грузия в большей степени соответствуют «четвертой» стадии перехода. Демографическое развитие Азербайджана характеризуется стабильным ростом численности населения. Только в 2020 г. население Азербайджана увеличилось более чем на 140 тыс. чел., однако рождаемость и смертность в республике отражают тенденцию к снижению, также актуален процесс увеличения доли населения в старших возрастных группах. Рассматривая показатели демографического развития Армении – низкий уровень рождаемости (12,3 на 1000 чел. в 2020 г.), растущие показатели смертности населения (11,9 на 1000 чел. в 2020 г.), «затухание» естественного роста населения и стабильное сокращение численности населения, мы можем сделать вывод о завершении четвертого этапа демографического перехода и постепенном движении к этапу депопуляции. Очень похожие тенденции и практически нулевое значение естественного прироста характерны для Грузии.

Россия, Беларусь, Украина, Молдова, как и почти все страны Европы, не просто находятся на «четвертой» стадии, они, по сути, уже завершили демографический переход. Учитывая то, что в указанных странах наблюдаются тенденции сокращения численности населения и усиление процесса старения в демографии, мы условно называем эту стадию «пятой» (decline или депопуляция). Данный этап характеризуется серьезными изменениями в модели семьи и рождаемости. Суженный тип воспроизводства, который фиксируется в последние годы, формируется под влиянием не только системных социально-демографических факторов (таких, как изменение репродуктивного поведения, падение значимости института брака др.), но также является следствием «постаревшей» возрастной структуры населения.

Заключение

Теория демографического перехода не вполне полно объясняет тенденции демографического развития стран СНГ после распада СССР. Однако, как показало данное исследование, роль социально-экономических факторов также нельзя переоценивать. Более того, поскольку в период 2008–2012 гг. в большинстве стран СНГ уровни рождаемости и естественного прироста населения не просто вернулись к значению начала 1990-х гг., но даже продемонстрировали более высокие значения. Именно теория демографического перехода способна объяснить более сложные и глубокие причины формирования моделей репродуктивного поведения, не находящихся в прямой зависимости от показателей экономического развития.

В этом контексте актуальны современные исследования влияния этноконфессиональных характеристик на уровень рождаемости, т. к. помимо стран СНГ, впечатляющий естественный рост населения, например, характерен для Израиля (СКР>3), и, по мнению авторов статьи, он во многом обусловлен именно религиозным фактором (также, как и довольно высокий для ЕС уровень рождаемости, к примеру, в Ирландии, во многом связан с высокой ролью церкви в жизни общества).

Список литературы

Демографический понятийный словарь / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М.: Центр социального прогнозирования, 2003. – 352 с.

Danger Spots in World Population by Warren S. Thompson. – New York: Alfred A. Knopf, 1930. – 343 p.

Warren S. Thompson. Population // American Journal of Sociology. – Vol. 34, No. 6 (May, 1929). – P. 959–975.

Landry A. La révolution démographique: études et essais sur les problèmes de la population / Adolphe Landry; réédition, préf. Alain Girard. – Paris: Presses Universitaires de France, 1982. – 231 p.

Notestein Frank W. Population–The Long View. In Food for the World, ed. Theodore W. Schultz. – Chicago: University of Chicago Press, 1945.

Безвербный В. А. Демографическое развитие России после распада СССР: тенденции, факторы, прогнозные сценарии // Новые Векторы Миграции на Евразийском Пространстве. – Москва: Экон-Информ, 2015. – С. 71–89.

Вардомский Л. Б., Пылин А. Г. Структурно-экономические изменения в странах СНГ в 1991–2012 гг.: тенденции и перспективы // РСМ. – 2014. – № 1 (82) – С. 102–115.

Lesthaeghe R., Kaa D. Twee demografische transitities? [Second Demographic Transition]. Bevolking: groei en krimp [Population: growth and shrinkage]. – Deventer: Van Loghum Slaterus, 1986. – P. 9–24.

Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition // Population and Development Review. – Vol. 32, No. 3. – 2006. – P. 401–446.

Ионцев В. А., Прохорова Ю. А. Мифы и реальность четвертого демографического перехода в России // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. – № 12 (166). – С. 3–11.

Сведения об авторе:

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, заместитель директора по стратегическому развитию и кадровой политике, заведующий Отделом геOURBANИСТИКИ и пространственной демографии Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID 0000-0002-3148-7072.

Бардакова Лидия Ивановна, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lbardakova@hotmail.com; ORCID ID 0000-0002-5734-0773.

Статья поступила в редакцию 18.04.2021; принята в печать 05.07.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC TRANSITION IN THE CIS COUNTRIES: TRENDS AND PRELIMINARY RESULTS

Vadim A. Bezverbny

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Lidia I. Bardakova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: bardakova.lidia@gmail.com

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.2

For citation: Vadim A. Bezverbny, Lidia I. Bardakova. Demographic transition in the CIS countries: Trends and preliminary results. DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No. 3. P. 11–22. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.2

Abstract. The presented work is devoted to the consideration of trends and effects of demographic transition in the countries of the Commonwealth of Independent States (hereinafter-the CIS). The main purpose of the study is to consider the impact of the demographic transition on the population dynamics both in the post-Soviet countries and on a global scale. For a more systematic understanding of the depth of demographic changes at the present stage of society's development, historical trends in population development and key provisions of the theory of demographic transition were considered. The trends of demographic development of the CIS countries in the period 1992–2020 were analyzed, including the dynamics of the population, the values of birth and death rates, as well as indicators characterizing the change in the age structure of the population. In order to obtain an information base for the study of trends in the demographic development of the CIS countries, a statistical method was used: data from international organizations of the United Nations and the CIS Statistical Committee were used to characterize the demographic trends of the CIS countries, including national statistics data, as well as data from the Internet project-Our World in Data to obtain historical data on the dynamics of the world population. The method of system analysis was used to assess the trends and characteristics of demographic processes in the CIS countries in the context of the theory of demographic transition. The analytical method was also used in the study. Based on the values of the total fertility and mortality rates, the natural growth rate, the total fertility rate, life expectancy, as well as the median age in the CIS countries, the authors make an assumption – which stage of the demographic transition is characteristic of this group of states. In conclusion, the authors present hypotheses about possible directions of demographic development of the post-Soviet countries in the context of the theory of demographic transition.

Keywords: demographic transition, natural movement of the population, birth rate, mortality, population migration, life expectancy, CIS countries, Post-Soviet states.

References

- Demograficheskiy ponyatiynyy slovar. Pod red. L. L. Rybakovskogo [Demographic Conceptual Dictionary. Ed. by L. L. Rybakovsky. Socioprognosis]. Moscow: TSSP, 2003. – 352 p. (In Russ.)
- Warren S. Thompson. Danger Spots in World Population. New York: Alfred A. Knopf, 1930. – 343 p.
- Warren S. Thompson. Population. *American Journal of Sociology*. – Vol. 34, No. 6 (May, 1929). P. 959–975.
- Landry A. La révolution démographique: études et essais sur les problèmes de la population. Adolphe Landry; réédition, préf. Alain Girard. Paris: Presses Universitaires de France, 1982. 231 p.
- Notestein Frank W. Population–The Long View. In Food for the World, ed. Theodore W. Schultz. Chicago: University of Chicago Press, 1945.
- Bezverbny V. A. Demograficheskoe razvitiye Rossii posle raspada SSSR: tendencii, faktory, prognozny'e scenariy [Demographic development of Russia after the collapse of the USSR: trends, factors, forecast scenarios]. *New Vectors of Migration in the Eurasian Space*. Moscow: LLC «Ekon-Inform Publishing House», 2015. P. 71–89. (In Russ.)
- Vardomsky L. B., Pylin A. G. Strukturno-e'konomicheskie izmeneniya v stranax SNG v 1991–2012 gg.: tendencii i perspektivy [Structural and economic changes in the CIS countries in 1991–2012: trends and prospects]. *RSM*. 2014. No. 1 (82) P. 102–115. (In Russ.)
- Lesthaeghe R., Kaa D. Twee demografische transitities? [Second Demographic Transition]. *Bevolking: groei en krimp [Population: growth and shrinkage]*. Deventer: Van Loghum Slaterus, 1986. – P. 9–24.
- Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition. *Population and Development Review*. Vol. 32, No. 3. 2006. P. 401–446.
- Iontsev V. A., Prokhorova Yu. A. Mify i real'nost' chetvertogo demograficheskogo perexoda v Rossii [Myths and reality of the fourth demographic transition in Russia]. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2011. No. 12 (166). – P. 3–11. (In Russ.).

Bio note:

Vadim A. Bezverbny, Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director, Head of the Department of Geo-Urban Studies and Spatial Demography of the Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID 0000-0002-3148-7072.

Lidia I. Bardakova, leading researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: lbardakova@hotmail.com; ORCID ID 0000-0002-5734-0773.

Received on 18.04.2021; accepted for publication on 05.07.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Топилина А. В.,

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: spring6@yandex.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.3

Для цитирования: Топилина А.В. Демографический и экономический потенциал миграции из стран Латинской Америки // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 23–36. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.3

Аннотация. В статье рассматривается демографический и экономический потенциал организации нового миграционного потока из стран Латинской Америки в Россию. В условиях демографического кризиса, в котором находится Россия, и низкой фертильности российских женщин, ученые видят миграцию, как единственный способ сохранить и увеличить численность населения Российской Федерации. Однако качество и уровень миграции, существующей сегодня в России, представляются проблемными. Мигранты из бывших республик СССР образуют этнические анклав, не желают ассимилироваться, наносят ущерб экономике России за счет вывода средств за пределы РФ. В этих условиях автором предлагается организовать безвозвратную миграцию из стран Латинской Америки, которая решит демографическую проблему за счет натурализации ментально близких россиянам латиноамериканцев и стабилизирует экономику России за счет притока рабочих рук, а также значительного снижения переводов денег за границу в силу низкого курса рубля по отношению к доллару и, в связи с этим, непривлекательностью России как донора материальных средств. В то же время организация данного миграционного потока «разгрузит» регион. Россия примет мигрантов, которые желают покинуть свои страны, находящиеся в политическом и экономическом кризисе, но въезд которых на территорию соседних государств и в США затруднен. Организация данного миграционного потока также поможет Российской Федерации получить геополитических партнеров в проблемном регионе. Автор рассматривает все положительные и отрицательные стороны организации такого потока миграции, представляет прикладные технологии организации миграции из Латинской Америки. Автором используются статистические материалы, данные научных исследований и публикации в СМИ, отражающие содержание изучаемых проблем. Материал данной статьи является проектом, организация которого потребует дальнейшего изучения и значительных методических усилий. Предложенная концепция организации безвозвратной миграции из стран Латинской Америки может стать выходом из сложившегося и в России, и в латиноамериканских странах комплексного кризиса.

Ключевые слова: миграция, Латинская Америка, ассимиляция, демографический кризис, безвозвратная миграция, миграционный поток.

Введение

Сегодня мир находится в состоянии комплексного кризиса. Для России настоящий кризис осложнен специфическими факторами – за несколько лет до пандемии полуостров Крым вошел в состав Российской Федерации, что спровоцировало шквал санкций, сказавшихся на всех сферах жизни россиян. Следствием этих санкций стало падение уровня жизни, снижение рождаемости, а с введением на территории РФ ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19, – и отток мигрантов, компенсирующих недостаток россиян в экономике и демографии.

В данной статье мы предлагаем проанализировать потенциал организации миграционного потока из стран Латинской Америки. Методология, используемая в исследовании, опирается, прежде всего, на методы статистического анализа, индукции, сравнения и абстрактного моделирования.

Обзор научной литературы. Методы исследования и источники информации

Степень изученности проблемы исследования может быть представлена тремя группами источников.

Первая группа представляет собой статистические исследования, проведенные ООН и Росстатом, касающиеся демографических прогнозов для населения России. На основе полученных результатов делается вывод о необратимости негативного демографического прогноза и, как следствие, о необходимости компенсации убыли населения РФ при помощи мигрантов. При работе с данными источниками используется метод статистического анализа.

Вторая группа источников включает литературу, касающуюся демографической ситуации в России, а также состояния миграции в стране. Приводятся выводы, полученные на основе изучения работ С. В. Захарова и С. В. Рязанцева, в также данные о миграции и ее экономических последствиях, приведенные в ведущем отечественном журнале «Демоскоп Weekly» и публикациях в отечественных СМИ. Опираясь на указанные исследования, автор анализирует ситуацию, сложившуюся в настоящее время в миграционной сфере и делает вывод о том, что потоки миграции из Средней Азии, преобладающие в России на сегодняшний день, недостаточно эффективны и, что намного важнее, имеют негативные последствия для РФ из-за вывода значительных сумм за ее пределы, а также низкого уровня ассимиляции мигрантов из стран Средней Азии.

Третья группа источников представляет собой работы, касающиеся демографического кризиса в Латинской Америке. Ввиду узости темы на данный момент не существует большого количества отечественных исследований по этому вопросу. Автор опирается на статью О. Г. Леоновой о миграционном кризисе в Латинской Америке, опубликованную в журнале «Iberoamerica», а также на работы зарубежных авторов, представленные журналом «World Politics Review», и данные, содержащиеся в докладе для агентства Reuters. Следует отметить работы – М. Чарльз, А. Молони, К. Уэйд.

Методы, используемые при работе со второй и третьей группой источников, – это классификация, анализ, индукция и обобщение. Автор анализирует полученную информацию, классифицирует данные, подвергает их индукции и обобщению и, в конечном счете, делает выводы и предположения.

Таким образом, достаточно разработанными являются только отдельные направления исследования, представляющие собой опорные точки для моделирования. Проблема, исследуемая автором, в такой формулировке представлена впервые, что означает малую степень ее разработанности. Это говорит о высоком уровне новизны исследования.

Исходя из данных, полученных в результате анализа литературы, делается предположение о взаимной выгоде организации миграционного потока из стран Латинской Америки в Российскую Федерацию. В данном разделе автор прибегает к методам абстрактного моделирования, сравнения и индукции, рассматривая возможные механизмы организации миграции и их последствия.

Демографическая ситуация в Российской Федерации

В настоящее время в Российской Федерации сложилась очень сложная демографическая ситуация. Естественная убыль, несмотря на федеральные программы, проводимые Правительством, не превращается в естественный прирост. После кратковременной положительной динамики прироста населения в 2011–2012 гг. произо-

шло возвращение тенденции к депопуляции. Существует значительная вероятность того, что данная отрицательная динамика будет сохраняться, став демографическим трендом России.

Численность населения формируется за счет двух составляющих: естественного прироста, убыли и миграции. Соотношение этих двух факторов может быть различным, но задачей любого государства является сохранение или увеличение численности населения. Это вопрос, прежде всего, национальной безопасности, поддержания экономической стабильности и, как следствие, участия государства в политическом процессе.

В последние пять лет демографическая ситуация стала резко ухудшаться. Если в 2014 г. было рождено 1,94 миллиона детей, то в 2019 г. – всего 1,48 миллиона, что составляет разницу почти в полмиллиона. Ежегодная отрицательная динамика прироста населения является показателем неэффективности мер по поддержанию рождаемости, а также кризиса экономики. Резкое падение рождаемости началось после введения санкций в отношении России вследствие присоединения Крыма. В 2015 г. родилось 1940579 чел., в 2016 г. – 1888729 чел., в 2017 г. – 1690307 чел., в 2018 г. – 1604344 чел. В 2019 г. наблюдалась незначительная положительная динамика: число родившихся составило 1648954 чел., таким образом, естественный прирост составил всего -213594 чел. против -224566 чел. в 2018 г. Однако это кратковременное незначительное улучшение сошло на «нет» в 2020 г. За первые шесть месяцев 2020 г. в России родилось на 38,7 тыс. детей (что на 5,4%) меньше, чем за аналогичный период 2019 г., в то время как смертность, напротив, выросла на 28 тыс. (что на 3,1% больше) человек.¹ В условиях пандемии новой коронавирусной инфекции, растет число отложенных беременностей и увеличивается смертность, что продолжает осложнять демографическую ситуацию.

Вторая составляющая численности населения, миграционный поток, который до 2017 г. компенсировал естественную убыль, сохраняя население России на стабильном уровне, стал иссякать с 2018 г. Это связано с ужесточением миграционной политики, с одной стороны, и с потерей Российской Федерацией миграционной привлекательности – с другой. Экономический кризис, санкции, снижение курса рубля – все эти факторы лишают Россию значительного числа потенциальных мигрантов. Экстраординарная ситуация с пандемией COVID-19 увеличивает пессимистические прогнозы. Из-за ограничений, связанных с пандемией, экономика России замедлилась, миграционные потоки приостановились, невыгодный курс рубля заставил мигрантов перенаправить свой интерес на другие страны. В 2020 г. ситуация усугубилась закрытием границ. По данным Росстата, в первом полугодии 2020 г. миграционный приток составил лишь 48,8 тыс. чел., а в аналогичный период 2019 г. – 134 тыс. чел.²

Таким образом, демографическая ситуация на данный момент представляется исключительно сложной. Росстат представил варианты прогноза изменения численности населения на ближайшие 15 лет. В низком варианте прогноза Российская Федерация потеряет 12 млн чел. (8,3%), в среднем варианте потери составят 365 тыс. чел. (2,5%), и высокий прогноз дает оптимистичную цифру в 324 тыс. чел. (2,2%) прироста

¹ Росстат [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 10.10.202).

² Там же.

населения. Однако во всех вариантах прогнозов мы можем наблюдать отрицательную динамику естественного прироста населения.³

Таблица 1

Изменение численности населения по вариантам прогноза (тысяч чел.)

Table 1

Population change by forecast options (thousands of pers.)

Годы	Низкий вариант прогноза			Средний вариант прогноза			Высокий вариант прогноза					
	Население на начало года	Изменения за год			Население на начало года	Изменения за год			Население на начало года	Изменения за год		
		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
2021	146412,8	-424,2	-554,1	129,9	146650,1	-113,2	-374,9	261,7	146888,2	190,6	-156,1	346,7
2022	145988,6	-567,9	-662,9	95,0	146536,9	-164,5	-423,4	258,9	147078,8	203,1	-148,7	351,8
2023	145420,7	-657,0	-724,6	67,6	146372,4	-236,5	-493,2	256,7	147281,9	163,0	-192,8	355,8
2024	144763,7	-731,5	-776,6	45,1	146135,9	-277,6	-532,5	254,9	147444,9	137,5	-221,3	358,8
2025	144032,2	-788,2	-823,5	35,3	145858,3	-318,8	-572,2	253,4	147582,4	131,4	-230,4	361,8
2026	143244,0	-831,7	-859,9	28,2	145539,5	-328,6	-583,2	254,6	147713,8	132,4	-232,3	364,7
2027	142412,3	-856,6	-883,5	26,9	145210,9	-328,0	-583,5	255,5	147846,2	144,3	-223,5	367,8
2028	141555,7	-876,2	-901,6	25,4	144882,9	-313,8	-570,4	256,6	147990,5	169,2	-201,5	370,7
2029	140679,5	-892,0	-916,1	24,1	144569,1	-295,1	-552,5	257,4	148159,7	201,3	-172,6	373,9
2030	139787,5	-904,1	-926,7	22,6	144274,0	-276,8	-535,3	258,5	148361,0	227,6	-149,2	376,8
2031	138883,4	-915,1	-936,3	21,2	143997,2	-257,3	-516,8	259,5	148588,6	250,9	-127,8	378,7
2032	137968,3	-920,6	-940,5	19,9	143739,9	-233,2	-493,7	260,5	148839,5	277,2	-103,5	380,7
2033	137047,7	-922,8	-941,3	18,5	143506,7	-205,3	-466,7	261,4	149116,7	306,7	-76,1	382,8
2034	136124,9	-923,2	-940,2	17,0	143301,4	-173,2	-435,6	262,4	149423,4	337,4	-47,4	384,8
2035	135201,7	-924,5	-940,2	15,7	143128,2	-134,9	-398,5	263,6	149760,8	365,5	-21,3	386,8
2036	134277,2				142993,3				150126,3			

Исследования состояния семьи и фертильности российских женщин не позволяют делать положительных прогнозов. Согласно данным демографического прогноза ООН 2019 г., общий коэффициент рождаемости в России с 2020 до 2100 гг. будет находиться в диапазоне от 1,82 до 1,84 рождений на одну женщину⁴. Для естественного прироста необходимо, чтобы фертильность женщин составляла 2,1 ребенка на одну женщину.

Таким образом, складывается тенденция, в которой население Российской Федерации не может самовоспроизводиться собственными силами. В такой ситуации только грамотная организация миграционной политики может позволить сохранить или увеличить численность населения РФ. Сегодня демографы практически единодушны во мнении, что только масштабная миграция может улучшить демографическую ситуацию в России. Однако в современных реалиях является большим вопросом, насколько вероятно возобновление традиционных потоков миграции после окончания пандемии.

³ Изменение численности населения по вариантам прогноза [сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.htm (дата обращения 12.05.2021).

⁴ Сайт ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Динамика численности населения. URL: <https://population.un.org/wpp/DataQuery/>

Миграционный кризис в Латинской Америке

Ведущий российский специалист в области демографии и миграции населения доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН С. В. Рязанцев указывает на иммиграцию как на «подушку демографической безопасности» России [Рязанцев, 2019]. Внешняя миграция, действительно, является единственной надежной альтернативой естественному приросту. В настоящее время налажены миграционные потоки из бывших союзных республик и других соседних государств с нестабильной экономической и политической системой. Однако еще перед закрытием границ, вызванным распространением новой коронавирусной инфекции, поток мигрантов из бывших союзных республик стал снижаться вследствие ухудшения экономической ситуации в Российской Федерации. Остается только предполагать, будет ли возобновлен миграционный поток из этих регионов в прежнем объеме после окончания пандемии, или потенциальные мигранты выберут другие направления миграции. К примеру, в настоящее время Турция прилагает немалые усилия для привлечения мигрантов из Средней Азии, обещая им привилегии при переселении в Турцию. В связи с этим Российской Федерации необходимо искать альтернативные страны-доноры, способные наладить стабильные миграционные потоки.

Мы предлагаем обратить внимание на регион, географически более удаленный, однако не менее перспективный с точки зрения восполнения демографических ресурсов Российской Федерации – Латинскую Америку.

Несомненно, все страны Латинской Америки содержательно очень различаются: они имеют различные экономические и политические системы, разные достижения и проблемы. На сегодняшний день население только четырех стран Центральной Америки, как нам представляется, может быть заинтересовано в иммиграции в Россию.

К 2019 г., до начала пандемии COVID-19, в Латинской Америке существовал беспрецедентный миграционный кризис. В условиях эпидемии можно было бы ожидать снижения объемов миграционных потоков, однако, напротив, нелегальные каналы перевозки людей стали работать в условиях безработицы и массового исхода населения, вызванных карантином, более интенсивно. Очевидно, что страны-реципиенты, и до пандемии встревоженные уровнем миграции, начнут вводить ограничительные меры, и потокам миграции понадобятся новые направления.

Миграционный кризис в Латинской Америке локализован в трех зонах: Центральноамериканский Северный Треугольник, Никарагуа и Венесуэла. Каждая из этих зон имеет специфические причины для исхода населения и уникальные маршруты миграции. Каждый из этих миграционных потоков не связан с другими, и только случайное совпадение во времени трех потоков миграции с настолько большой плотностью дает в сумме миграцию такого масштаба, который провоцирует кризис во всем регионе.

Центральноамериканский Северный Треугольник также называют Центральноамериканским Треугольником насилия. Страны, составляющие этот треугольник – Сальвадор, Гондурас и Гватемала, имеют самые высокие показатели насилия во всем полушарии. Число убийств в Северном треугольнике значительно превышает уровень, который определен Всемирной организацией здравоохранения (далее – ВОЗ) как эпидемия убийств (10 убийств на 100 тысяч жителей). В частности, число убийств в Сальвадоре в 2017 г. составило 81,2 на 100 тыс. чел., в Гондурасе – 59,1, а в Гватемале – 27,3 соответственно. В других странах Латинской Америки, например, в Венесуэ-

эле и Ямайке, количество убийств составляет около 50 случаев на 100 тыс. жителей. Только в октябре 2017 г. в Сальвадоре за 72 часа было убито 76 чел.⁵ За последние годы 500 тыс. сальвадорцев были вынуждены покинуть свои дома из-за угрозы насилия и невозможности жить в постоянном страхе. В некоторых городах целые кварталы были опустошены⁶. Несмотря на все сказанное, плотность населения в этой стране продолжает оставаться чрезвычайно высокой: на территории, немногим меньше Республики Крым, проживает почти 6 млн чел. (для сравнения, в Республике Крым живет лишь около 2 млн чел.). Отсутствие возможностей для работы и постоянная угроза жизни провоцируют ежедневное увеличение количества эмигрантов. Почти аналогичная ситуация складывается в других странах Центральноамериканского Северного Треугольника.

Поток мигрантов из этого региона устремлен на север. Ежегодно десятки тысяч мигрантов пересекают границу с Мексикой, направляясь в США. К 2017 г. число мигрантов из Северного Треугольника на территории США достигло трех миллионов. Это породило популистские меры, предпринятые Д. Трампом и направленные на сокращение числа мигрантов из Латинской Америки.

Избрание президентом США Дж. Байдена, реализующего либеральную миграционную политику, поставило регион перед новым миграционным кризисом. С начала 2021 г. мексиканскую границу пересекают около 150 тыс. латиноамериканских мигрантов ежемесячно. Люди, прибывающие из всех латиноамериканских стран, скапливаются у границы США в г. Тихуане, чтобы ждать своей очереди на переправу в страну с помощью «койотов» – проводников, помогающих нелегалам. При этом с каждого нелегального мигранта «койоты» берут плату за пересечение американской границы в размере 10 тыс. долл. США. Южные штаты Америки уже наполнены мигрантами более чем наполовину, что создает серьезные проблемы для местного населения.⁷ Вторая зона локализации миграционного кризиса – Республика Никарагуа. В 2018 г. эта страна оказалась на грани гражданской войны, вызванной экономическими реформами, предложенными правительством Д. Ортеги.⁸ В апреле 2018 г. начались протесты против режима президента, которые затем переросли в кровавые конфронтации с полицией, в результате чего погибло более трехсот человек.⁹ Правительство приняло жесткую политику репрессий против оппозиции, вынудив десятки тысяч никарагуанцев, в основном студентов, практически бежать от насилия

---

⁵ Wade Christine. Trump's Restrictions on Central Americans Seeking Asylum Could Destabilize the Region. *World Politics Review*. October 26, 2017. [site] URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/23455/trump-s-restrictions-oncentral-americans-seeking-asylum-could-destabilize-the-region> (accessed 17.07.2019).

⁶ Wade Christine. The U.S. Contributed to Central America's Migrant Crisis. It Must Help Fix It. *World Politics Review*. November, 13, 2018. [site] URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/26734/the-u-s-contributed-to-central-america-s-migrant-crisis-it-must-help-fix-it> (accessed 17.07.2019).

⁷ «Мы к дедушке Джо!» Тысячи нелегалов каждый день прорываются в США. Как Америка переживает острейший миграционный кризис? // Lenta.ru Интернет-издание. 19.06.2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/19/south_border/?from=RCM-22DC (дата обращения 20.06.2021).

⁸ A Persistent Crisis in Central America. The Editors. *World Politics Review*. June 12, 2019. [site] URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/insights/27939/a-persistent-crisis-incentral-america> (accessed 17.07.2019).

⁹ Moloney Anastasia. Latin America grapples with migrant exodus that looks set to worsen in 2019. *Reuters*. December 27, 2018. [site] URL: <https://www.reuters.com/article/us-latam-immigration-forecast-analysis/latinamerica-grapples-with-migrant-exodus-that-looks-set-to-worsen-in-2019-idUSKCN1OQ0DO> (accessed 26.06.2019).

и репрессий в соседнюю Республику – Коста-Рику. В результате этой волны миграции на сегодняшний день в Коста-Рике соотношение костариканцев и никарагуанцев составляет 10:1. Экономика Коста-Рики, и до 2018 г. достаточно слабо развитая, получила огромный дефицит бюджета, т. к. резкий рост иммигрантов истощает ресурсы этого небольшого государства. Таким образом, Коста-Рика также оказывается в зоне политической и экономической нестабильности.

Третья зона миграционного кризиса – Венесуэла. Экономика страны находится на грани краха. Согласно прогнозам, инфляция в этой стране может приобрести беспрецедентный размах от 1000000% до 10000000%, что станет абсолютным мировым рекордом. Это порождает также политические проблемы. Как следствие, в среднем только за последние три года уже 10% граждан Венесуэлы покинули свою страну. По данным на 2019 г., миллион из них находится в Колумбии, 500 тысяч в Перу, 222 тысячи в Эквадоре, 130 тысяч в Аргентине и 85 тысяч в Бразилии, десятки тысяч живут в странах Карибского бассейна¹⁰. Однако, как нам видится, организация миграции из Венесуэлы бесперспективна, так как венесуэльцы предпочитают мигрировать в соседние экономически более развитые страны Южной Америки.

Миграционный кризис в Латинской Америке имеет как сходство с аналогичными процессами в других регионах мира, так и уникальные черты. Общие причины, которые становятся катализатором миграции, – это сложная экономическая ситуация, отсутствие перспектив в жизни, безработица, бедность, отсутствие доступа к медицинской помощи, низкий уровень образования и т. д.

Специфические только для стран Центральной Америки причины, побудившие массовую миграцию, это – насилие, нарушения прав человека, незаконный оборот наркотиков. Насилие является одной из основных причин эмиграции из стран Северного Треугольника Центральной Америки. Ситуация с организованной преступностью остается довольно сложной. Волна убийств мирного населения захлестнула Латинскую Америку, ставшую самым опасным континентом в мире. Нарушения прав человека и коррупция являются еще одним фактором, заставляющим людей покидать свои страны. Коррупция часто связана с преступными картелями, участвующими в торговле наркотиками. Политические системы страдают от практики взяточничества, которая сохраняется, несмотря на протесты граждан и усилия отдельных гражданских лидеров¹¹. В некоторых регионах Центральной Америки 95% преступлений остаются безнаказанными¹². Еще одним фактором, провоцирующим эмиграцию, является незаконный оборот наркотиков. В большинстве случаев насилие в латиноамериканских городах связано с незаконным оборотом наркотиков, поскольку объемы производства кокаина в Колумбии растут (с 2013 по 2017 гг. его производство почти утроилось).

---

¹⁰ Moloney Anastasia. Latin America grapples with migrant exodus that looks set to worsen in 2019. Reuters. December 27, 2018. [site] URL: <https://www.reuters.com/article/us-latam-immigration-forecast-analysis/latinamerica-grapples-with-migrant-exodus-that-looks-set-to-worsen-in-2019-idUSKCN10Q0DO> (accessed 26.06.2019).

¹¹ A Persistent Crisis in Central America. The Editors. World Politics Review. June 12, 2019. [site] URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/insights/27939/a-persistent-crisis-in-central-america> (accessed 17.07.2019).

¹² Charles, Mathew. A Split Emerges in Latin America Over How to Deal With Rising Violence. World Politics Review. January 8, 2019. [site] URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/27122/a-split-emerges-in-latin-america-over-how-to-deal-with-rising-violence> (accessed 26.06.2019).

Учитывая экономическое состояние стран-реципиентов, довольно скоро Центральная Америка окажется в ситуации, когда десятки и сотни тысяч трудоспособных людей детородного возраста очутятся на улицах городов, не имея средств к существованию, что в свою очередь будет порождать новые волны миграции, которые будут локализоваться в пределах одного региона, продолжая дестабилизировать ситуацию.

Взаимная привлекательность миграции из Латинской Америки в Россию

Очевидно, что иммиграция из стран Латинской, и особенно Центральной Америки будет продолжаться. В таких условиях мы предлагаем организовать новый взаимовыгодный поток миграции – из Латинской Америки в Россию, в которой усугубляется демографический кризис.

Необходимо проанализировать факторы, которые могут позитивно или негативно отразиться на обоих участниках данного миграционного потока.

В чем состоит привлекательность мигрантов из Латинской Америки для Российской Федерации?

Во-первых, фертильность. В отличие от россиянок, которые по самым оптимистичным прогнозам не готовы рожать больше 1,84 ребенка, латиноамериканки довольно чадолюбивы: фертильность сальвадорок составляет 2,09 рождений, гондурасок – 3,2 рождений, гватемалок – 2,74 рождений, никарагуанок – 2,5 рождений. Учитывая, что латиноамериканские женщины имеют такие показатели в условиях экономической и политической нестабильности, можно предположить, что их фертильность в благополучных условиях вырастет.

Во-вторых, христианство. Не стоит преуменьшать роль культурного фактора при адаптации мигрантов в принимающем сообществе. Христиане, пусть даже католики, в стране, имеющей в основе своей культуры также христианские и консервативные ценности, будут адаптироваться быстрее, чем представители других конфессий. Уровень адаптации мигрантов является одной из важных составляющих формирования их правосознания и, как следствие, позволяет снижать криминогенный потенциал мигрантского сообщества.

В-третьих, желание работать. Как показывают наблюдения, в миграции участвуют люди, которые имеют высокую мотивацию и настроены на достижение результата собственным трудом. Мигранты будут способствовать развитию экономического потенциала России. Не будем забывать, что Российская Федерация не поощряет программы экономической поддержки мигрантов, поэтому наличие работы является единственным условием существования любого человека, желающего жить на территории нашей страны. По подсчетам, на 2018 г. в Российской Федерации приблизительно 82 млн чел. из 146 млн находились в трудоспособном возрасте, но реально осуществляющих трудовую деятельность было и остается намного меньше. Трудоспособным возраст в РФ считается с 16 лет, однако значительная часть молодых людей стремится окончить школу и получить высшее образование, прежде чем начинать трудовую деятельность. Таким образом, эта часть населения выпадает из общего числа занятых. Кроме того, инвалиды и работающие нелегально граждане также являются группой населения, которая не участвует в формировании бюджета посредством уплаты налогов. В конце 2020 н. число работающих россиян составляло всего 70,77 млн чел¹³. Таким образом, привлечение и легализация трудоспособного насе-

¹³ «Ведомости»: число работающих россиян достигло минимума с 2011 года // Российская газета. URL: <https://tvk6.ru/publications/news/56101> (дата обращения 20.06.2021).

ния позволят увеличить налоговые выплаты в бюджет. Представляется возможным привлечь крестьян из Латинской Америки в Краснодарский край, где традиционно мигранты задействованы в сельскохозяйственных работах. Однако такая структура занятости имеет сезонный характер, и это значит, что в осенне-зимний период необходимо обеспечить занятость мигрантов в другом секторе экономики, предлагать им возможность осваивать рабочие специальности и приобретать новые профессии.

Итак, чем привлекательна Россия для представителей Латинской Америки? Во-первых, экономической стабильностью. Для представителей стран со слаборазвитой экономикой экономическая стабильность, даже с относительно невысоким уровнем дохода, может быть серьезным аргументом. Обычно мигранты из Центральной Америки стремятся уехать в США или другие экономически развитые страны, предполагая, что часть заработанного дохода они будут отправлять родственникам, оставшимся на родине. В этом смысле Россия не представляет для них интереса, так же, как подобная трудовая миграция, когда часть капитала будет выводиться за пределы страны, невыгодна России. Так, по данным Центробанка, в 2019 г. физические лица отправили в страны ближнего зарубежья почти 13 млрд долл. денежных переводов¹⁴. Это наносит значительный ущерб российской экономике. Нам представляется, что организация безвозвратной миграции, при которой граждане других государств захотят привезти в Россию всю свою семью, здесь жить, работать и рожать детей, а не выводить из нее капитал, является более перспективной для обеих сторон.

В-вторых, фактор безопасного проживания в другом государстве. Современные россияне, сами того не подозревая, живут в очень безопасной стране. Мы не боимся выходить из дома в любое время суток, мы не видим вооруженных людей на улицах и не слышим стрельбу на перекрестке. Полицейские и военные могут идти по городу в униформе, не опасаясь быть убитыми в первые пять минут своего появления. В Центральноамериканском Северном Треугольнике ситуация прямо противоположная. Уровень организованной преступности, к примеру, в Сальвадоре, настолько высок, что на одного преступника приходится 100 мирных сальвадорцев. Полицейские и военные вынуждены скрывать свою профессию, потому что вооруженные бандиты ведут охоту за представителями власти. Подростков насильно вербуют в банды, поэтому простая возможность спокойно ходить по улицам и вырастить детей, не опасаясь увидеть их в тюрьме или в морге, может стать важнейшим аргументом при принятии решения об миграции в Россию.

В-третьих, доступность образования. Конституцией России закреплено всеобщее обязательное образование для граждан Российской Федерации. Уровень грамотности взрослого населения в РФ – 99,8%, в то время, как в странах Центральной Америки данный показатель колеблется в пределах 80%. Возможность получения бесплатного общего образования в России также является достаточно привлекательной возможностью для латиноамериканцев.

В-четвертых, государственные программы поддержки. В России существует широкий спектр государственных программ, направленных на поддержку слабозащищенных групп населения, ипотечные программы, программы, направленные на повышение рождаемости и т. п. Само существование таких программ мигрантам из стран Центральной Америки покажется чудом. Экономика и государственный сектор в рассматриваемых странах оставляют население на грани выживания.

¹⁴ Сколько денег выводят из России трудовые мигранты // Электронное издание. URL: <https://journal.tinkoff.ru/perevod-stat/> (дата обращения 20.06.2021).

Таким образом, при организации миграционного потока из Центральной Америки в Россию мы видим выгоды для обеих сторон. С одной стороны, Россия получит новых трудоспособных и фертильных граждан, что позволит в перспективе улучшить экономику и обеспечить национальную безопасность. С другой стороны, страны Центральной Америки в любом случае теряли этих мигрантов, но, оседая в соседних слаборазвитых странах, мигранты только ухудшали экономическую и политическую ситуацию. Миграция в Россию позволит «разгрузить» эту область, и, что самое важное, Россия получит лояльный геополитический регион недалеко от США.

Такая стратегическая задача привлечения политически лояльных партнеров в Латинской Америке осознавалась руководством нашей страны на протяжении всего XX в. «Холодная» война замедлилась, но противостояние между двумя сверхдержавами продолжается, в связи с чем России необходимы новые геополитические партнеры.

Несомненно, возникает вопрос об угрозе национальной безопасности, связанной с прибытием большого числа мигрантов из неблагополучного региона. Но, во-первых, мигрируют в основном те жители Центральной Америки, которые хотят скрыться от насилия и нестабильности и организовать свою жизнь в пределах социально приемлемых моделей. И во-вторых, привычные формы преступности – наркотрафик, торговлю людьми, грабежи – невозможно осуществлять в межконтинентальных масштабах. Центральноамериканские преступники, живущие благодаря транзиту наркотиков из Колумбии в США и сопутствующим преступлениям, не будут иметь возможности вести криминальную деятельность в государстве с таким высоким уровнем национальной безопасности, каким является Россия. И, если быть откровенными, преступники могут приезжать в Россию с равным успехом из бывших союзных республик. На этот случай в нашей стране существует разветвленная система эффективно работающих правоохранительных органов.

Организация миграционного потока из Латинской Америки

При организации миграционного потока из стран Центральной Америки необходимо осуществить ряд задач:

1. Популяризация имиджа России. Население стран указанного региона либо не знает о России ничего, либо имеет негативную информацию, которая тиражируется западными СМИ. Поставка в страны Латинской Америки российских фильмов, пророссийская пропаганда, тиражирование позитивной информации о жизни в России создадут положительный запрос на миграцию. Латиноамериканские студенты, проходящие обучение в Российской Федерации, подтверждают, что проблема России – в первую очередь в негативном имидже. Антироссийская пропаганда, существующая как внутри страны, так и за ее пределами, распространяет информацию о России как о мировом агрессоре, холодной и жестокой стране. На проверку же оказывается, что Россия – страна очень спокойная и безопасная, миролюбивая, но сильная. Этой информации не хватает иностранным обывателям.

2. Изучение русского языка. Русский язык – второй в мире по сложности. Изучение языка и уровень владения им зачастую становятся препятствием для миграции. Необходимо организовать вечерние курсы по изучению русского языка в столицах указанных государств. Люди с высокой мотивацией к миграции будут иметь возможность сертифицироваться по русскому языку в стране проживания, что позволит им начать трудовую деятельность сразу по приезду в Россию и значительно облегчит адаптацию.

В данный момент в странах Латинской Америки работают Русские Центры, популяризирующие русский язык и русскую культуру в рамках деятельности фонда «Русский мир». Русские центры работают либо при университетах (например, в Никарагуа Русский Центр осуществляет свою деятельность в университете Манагуа), либо при посольствах РФ. Нам представляется перспективным организовать бесплатные курсы русского языка для всех желающих, параллельно предлагая программы трудовой и студенческой миграции. На Русских Центрах также лежит задача по популяризации России и улучшению ее имиджа. В результате мероприятий, проводимых Русскими Центрами, иностранцы узнают больше положительной информации о России и русской культуре, они смогут убедиться, что Россия не представляет собой мирового агрессора, как это пишут проамериканские СМИ, а является сегодня оплотом консерватизма и традиционных ценностей, в отличие от США.

Другая возможность – обучение русскому языку на территории РФ, как это осуществляется сейчас для всех иностранцев, желающих жить и работать в России.

3. Программы бесплатного обучения. Россия ежегодно теряет студентов-россиян, и большое количество мест в российских вузах остается невостребованным. Обучение иностранцев в России осуществляется преимущественно на коммерческой основе, что в значительной мере снижает приток иностранных студентов. Перевод части специальностей в высших и средних профессиональных учебных заведениях на бесплатную основу для иностранцев позволит России в дальнейшем получить несколько десятков тысяч специалистов. Если последовать инициативе С. В. Рязанцева и предложить каждому иностранцу по завершении курса обучения получить российское гражданство [Рязанцев, 2019], наша страна только выиграет и в отношении демографии, и в отношении занятости населения.

4. Трудовые программы. Мы предлагаем использовать имеющийся опыт в организации трудовой миграции, но облегчить возможности получения гражданства. Россия не может позволить себе недружелюбную миграционную политику, мы находимся на таком этапе развития страны, когда фертильность продолжит оставаться на уровне менее 2,0 рождений на одну женщину. Со временем мигранты из Латинской Америки, так же, как и все другие мигранты, диаспоризируются и займут какую-то экономическую нишу, но на первых этапах осуществления данной программы российское Правительство может направлять этот процесс. К примеру, при предоставлении мест в высших и особенно средних профессиональных учебных заведениях Министерство образования может предлагать профессии, наименее востребованные россиянами. Не секрет, что в нашей стране остаются невостребованными некоторые рабочие профессии, в то время как в странах Центральной Америки уровень безработицы не просто ограничивает выбор сферы занятости, а зачастую не предоставляет людям никакого выбора. В то же время уровень дохода представителей рабочих профессий достаточно высок, что позволит семьям рабочих иметь большое количество детей.

5. «Фильтры». Очень важным условием организации миграции, и в особенности миграции из стран Центральной Америки, является соблюдение интересов национальной безопасности России. Учитывая уровень преступности в Центральноамериканском Северном Треугольнике, существует высокий риск, что среди мирных мигрантов в нашу страну могут иммигрировать преступники. Такая вероятность высока всегда, при организации миграции из любой страны, т. к. часть мигрантов может быть правонарушителями, скрывающимися от закона. В таком случае необходимо установить «фильтры» для мигрантов, особенно из стран с высоким уровнем преступности.

Еще несколько лет назад преступников легко было отличить по криминальным татуировкам. В последнее время представители ОПГ не делают татуировок и даже посещают университеты. В подобных условиях только качественная работа и взаимодействие специальных служб могут остановить потенциальный приток преступников в нашу страну.

Сложности в организации миграции из Латинской Америки

Искусственное формирование миграционного потока на первых порах – очень сложная задача. Люди в большинстве своем конформны, они предпочитают видеть преимущества в уже известных и проверенных способах организации жизни, даже в тех случаях, когда эти проверенные способы показывают свою неэффективность или опасность.

Первоначально, вероятнее всего, придется прибегать к особым программам упрощенной миграции, переселять фокус-группы и описывать их жизнь в России. Можно организовать съемки реалити-шоу о жизни мигрантов из Латинской Америки в России. Программа шоу должна быть строго выверенной: вместе с естественными сложностями, которые появляются у мигрантов вскоре после переселения, важно показывать позитивные стороны жизни в России – безопасность, красоту российских городов, приобщение к русской культуре, знакомства с русскими семьями и русскими традициями. Показ подобного видеоконтента в странах Латинской Америки заставит местное население по-новому взглянуть на Россию, продемонстрирует выгодные стороны жизни в нашей стране.

Мы не случайно используем прилагательное «русский», а не «российский». Несомненно, России не нужны анклавы латиноамериканцев, которые не желают ассимилироваться, поэтому необходимо выбрать культурный паттерн, который станет образцом для мигрантов. Русские в России составляют более 80% населения, и логично, если будущие мигранты будут ассимилироваться именно в русскую культуру. Мы видим, к чему привела политика мультикультурализма в Европе и в США, поэтому предлагаем делать акцент на ассимиляцию в русскую культуру. В течение нескольких поколений ассимиляция, как показывает практика, произойдет.

Латиноамериканцы уже имеют опыт по большей части нелегальной миграции в США или соседние страны, где они маргинализируются и оказываются «за бортом» нормальной жизни. В подобном реалити-шоу они увидят альтернативную возможность. Живя в России, они не смогут значительно помогать своим семьям денежными переводами, однако они будут иметь возможность перевезти свои семьи в Россию, жить и честно работать здесь, являясь полноценными членами общества.

Проблема ассимиляции – самая острая проблема после легализации, которая стоит перед Правительством РФ, когда речь заходит о мигрантах. К сожалению, далеко не все группы мигрантов желают ассимилироваться в российское общество. В России плохо ассимилируются мигранты из бывших республик СССР, в то время как мигранты из Латинской Америки, в свою очередь, плохо ассимилируются в американское общество.

Причины кроются как в самом процессе миграции, когда значительные потоки миграции формируют многочисленные диаспоры, замыкающиеся в себе, так и в менталитете мигрантов. Мигранты, прибывающие в Россию, в большинстве своем исповедуют ислам, и их вероисповедание в значительной степени закрывает им возможности ассимиляции в России – стране, где 80% населения – это русские,

традиционно исповедующие православное христианство. В г. Москве по подсчетам экспертов «Русского мира», проживает 1,5 млн мусульман (и это только легально), т. е. практически каждый десятый житель, по этой причине существует большая проблема, связанная с ассимиляцией мигрантов. Россияне в целом, и москвичи, в частности, воспринимают приезжих с отличным менталитетом как «чужих», маргинализируя их, что, в свою очередь, не способствует росту желания мигрантов интегрироваться и ассимилироваться. Вместе с тем существуют страны, традиционно исповедующие ислам и в последние годы начавшие «переманивать» среднеазиатских мигрантов. Так, Турция создает программы по переселению населения из республик Средней Азии, таким образом решая не только экономические, но и геополитические задачи, тогда как Россия этих мигрантов теряет.

В то же время мигранты-католики из Латинской Америки, живущие в южных штатах США, не принимают либерально-демократические ценности современной Америки, продолжая воплощать ценности консервативные. Менталитет католиков, как нам видится, имеет гораздо больший потенциал для интеграции в российское общество и ассимиляцию в нем, чем любой другой, в связи с чем привлечение католического населения будет иметь хорошие перспективы с точки зрения ассимиляции.

Но главное – характер миграции. Миграция из бывших республик Советского Союза носит временный характер. Люди знают, что скоро покинут страну, и им не нужно учить язык и стараться стать частью общества. Безвозвратная миграция ставит перед мигрантом задачу по освоению русского языка и ценностей русской культуры, необходимости ассимилироваться.

В данной связи, на наш взгляд, необходимо сразу создавать установку на безвозвратную миграцию. Сложности, которые будет испытывать первое поколение мигрантов, проходили все миграционные потоки, главное – дать старт этому процессу.

Цена вопроса – в буквальном смысле – это вопрос риторический. Сумма, которую латиноамериканцы платят «койотам» за пересечение американской границы, чтобы потом жить нелегально, – 10 тыс. долл. США. Стоимость авиабилета в Россию в любой сезон будет меньше одной тысячи долларов. Если Россия готова наладить такой миграционный поток, то единственной проблемой является популяризация данного направления.

Таким образом, организация миграционного потока из Латинской Америки в Россию может стать одной из альтернатив при решении современного демографического кризиса. Россия может приобрести население, готовое воспроизводиться и трудиться, со сходным менталитетом. В то время, как движение BLM набирает обороты в США, латиноамериканцы продолжают тихо и нелегально работать, не требуя для себя особых прав, не вспоминая о геноциде индейцев или европейской колонизации. Если дать им возможность жить и работать легально, Россия может получить новое законопослушное население.

Несомненно, тезисы, изложенные в настоящей статье, требуют верификации, однако, как нам видится, они заслуживают рассмотрения и дискуссии.

Список литературы

Рязанцев С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. – 2019. – № 9. – С. 117–126. DOI: 10.31857/S013216250006666-5.

Сведения об авторе:

Топилина Анна Васильевна, кандидат философских наук, доцент, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: spring6@yandex.ru; РИНЦ Author ID: 832673; ORCID ID 0000-0002-7811-3633.

Статья поступила в редакцию 10.03.2021; принята в печать 21.06.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC AND ECONOMIC POTENTIAL OF MIGRATION FROM LATIN AMERICA

Anna V. Topilina,

*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don,
Russian Federation.*

E-mail: spring6@yandex.ru

For citation: Anna V. Topilina. Demographic and economic potential of migration from Latin America. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 3. P. 23–36. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.3

Abstract. The article examines the demographic and economic potential of organizing a new migration flow from Latin America to Russia. In the context of the demographic crisis in which Russia is located, and the low fertility of Russian women, scientists see the only way to preserve and increase the population of the Russian Federation – migration. However, the quality and level of migration that exists in Russia today is problematic. Migrants from the former Soviet republics form ethnic enclaves, do not want to assimilate, and damage the Russian economy by withdrawing funds outside the Russian Federation. Under these conditions, the author proposes to organize an irrevocable migration from Latin American countries, which will solve the demographic problem by naturalizing Latinos who are mentally close to Russians, and stabilize the Russian economy due to the influx of workers, as well as a significant reduction in money transfers abroad due to the low exchange rate of the ruble against the dollar, and, in this regard, the unattractiveness of Russia as a donor of material resources. At the same time, the organization of this migration flow will “unload” the region. Russia will accept migrants who want to leave their countries that are in political and economic crisis, but whose entry into the territory of neighboring states and the United States is difficult. The organization of this migration flow will also help the Russian Federation to gain geopolitical partners in the problematic region. The author examines all the positive and negative aspects of the organization of this migration flow, presents applied technologies for organizing migration from Latin America. The author uses statistical materials, scientific research data and publications in the media that reflect the content of the studied problems. The material of this article is a project, the organization of which will require further study and significant methodological efforts. The proposed concept of organizing irrevocable migration from Latin American countries can be a way out of the complex crisis that has developed in Russia and in Latin American countries.

Keywords: migration, Latin America, assimilation, demographic crisis, irrevocable migration, migration flow.

References

Ryazantsev S. V. Modern migration policy of Russia: challenges and approaches to improvement. *Sociological Studies*. 2019. No. 9. P. 117–126. DOI: 10.31857/S013216250006666-5. (In Russ.)

Bio note:

Anna V. Topilina, candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Contact information: e-mail: spring6@yandex.ru; RSCI AuthorID: 832673; ORCID ID 0000-0002-7811-3633.

Received on 10.03.2021; accepted for publication on 21.06.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ИММИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН АЗИИ В РОССИЮ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Микрюков Н. Ю.,

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: esogo@mai.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.4

Для цитирования: Микрюков Н.Ю. Иммиграция из стран Азии в Россию: региональный аспект // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 37–52. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.4

Аннотация. В статье рассматривается пространственное распределение по регионам России мигрантов тех стран Азии, из которых происходит основной приток трудовой миграции. Целью работы является выявление пространственных закономерностей распределения миграционного потока. Гипотетически предполагалась высокая привлекательность для мигрантов крупнейших в стране агломераций (Московской, Санкт-Петербургской), а также ресурсных регионов (Ханты-Мансийского автономного округа). Информационной базой для исследования послужили данные Росстата, представленные в Единой межведомственной информационно-статистической системе. В работе применялись методы описания, сравнительного анализа, графический, типологический, статистический, районирование. Выявлены пространственное распределение и динамика миграции из стран Средней Азии: Республики Таджикистан, Киргизской Республики, Республики Узбекистан, Республики Туркменистан. Установлены страны Дальнего Зарубежья, характеризующиеся максимальными показателями иммиграции в Россию, а именно: Китайская Народная Республика, Республика Индия, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Афганистан, Сирийская Арабская Республика, Турецкая Республика. Для каждой из стран указана специфика территориального распределения мигрантов в России, определены закономерности их пространственного распространения. Отражена динамика процесса миграции по территории, выявлены новые точки миграционного прироста и регионы с затухающим ростом. Процесс иммиграции в Россию снизился, но не прекратился в период действия максимальных ограничений в 2020 г., в неполном 2021 г. наблюдается восстановительный рост миграционного притока. Установлены основные районы наибольшего притяжения мигрантов: обширный Урало-Сибирский регион, Московская столичная агломерация с прилегающими регионами, регионы Юга России. Результаты работы могут быть использованы органами государственной власти и бизнес-сообществом для прогнозирования социальных процессов в регионах, косвенной оценки экономической ситуации в них, ситуации на региональных рынках труда. Перспективные исследования могут быть направлены на определение закономерностей внутрорегионального, муниципального распределения миграционного потока, на дальнейшее отслеживание динамики и пространственного распределения миграции с учетом актуальных статистических данных.

Ключевые слова: демография, региональная демография, миграция, мигранты, миграционный поток, региональное распределение мигрантов.

Введение

Одним из важнейших вопросов международной миграции является ее пространственное распределение. Как и любое явление, миграция неравномерно распределяется по территории: в одних местах имеет место бо́льшая интенсивность миграционного потока, в других – меньшая. Региональное распределение миграционных процессов обусловлено целым рядом социальных, экономических, политических факторов, которые иногда удается раскрыть в научном исследовании. Региональное распределение миграции говорит не только о текущей ситуации в местах выхода и приема мигрантов, но и позволяет прогнозировать дальнейшее развитие общественных процессов. Гипотетически предполагается, что максимум иммиграции будет приходиться на крупнейшие в стране агломерации (Московскую, Санкт-Петербургскую), а также на регионы, богатые природными ресурсами, прежде всего нефтегазовыми (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа).

Наиболее интенсивная иммиграция в Россию наблюдается из стран Содружества Независимых Государств. Миграция из Украины и Казахстана является наибольшей

по численности мигрантов, но отличается от миграции из других стран Средней Азии прежде всего тем, что из последних прибывает значительное количество трудовых мигрантов. Рассматривая миграцию из стран Средней Азии, мы исключим из рассмотрения Казахстан, поскольку миграция из него имеет свою специфику: в миграционном потоке преобладают переселенцы на постоянное место жительства, по всей видимости, в рамках программы переселения соотечественников.

Обзор научной литературы

Иммиграция, вообще, и из азиатских стран, в частности, рассматривалась во многих научных работах. Трудовая миграция из Китая и Кореи имела место уже в самом начале XX в., что нашло отражение в работах ученых [Дин, 2014: 1]. Привлечение вьетнамских мигрантов для работы на советских промышленных предприятиях имело место уже в конце 1980-х гг., как это указывается в соответствующих работах исследователей. Разворот тенденций с эмиграции на иммиграцию в 1970-е гг. со странами Средней Азии, находившимися тогда в составе СССР, наглядно иллюстрируется в работе Ж. А. Зайончковской [Зайончковская, 1999: 3]. В национальном демографическом докладе за 2019 г. [Рязанцев, 2019: 4] говорится о дальнейшей трансформации характера иммиграции: окончании иммиграции этнических русских из стран Средней Азии к началу 2000-х гг. и начале переезда в Россию представителей титульных наций стран Средней Азии. В нескольких докладах Института национальной стратегии рассматриваются ключевые проблемы, связанные с иммиграцией во многих странах мира, и предлагаются пути их решения [Институт национальной стратегии, 2014: 5].

Специфика миграции из стран Средней Азии рассматривалась в отдельных научных трудах [Рязанцев, Хорие, 2011: 6; Чеховских, 2019: 7]. Особые исследования посвящены специфике миграции из отдельных азиатских стран [Рязанцев, Письменная, Мирязов, Дудина, 2019: 8; Рязанцев, Храмова, 2020: 9]. Аналогично в зарубежных исследованиях рассматривались, например, проблемы миграции из стран Азиатско-Африканского региона в Европу [Van Mol, de Valk, 2016: 10].

Подробный анализ особенностей статистического учета мигрантов приведен в статье российских ученых-демографов [Рязанцев, Письменная, Перемышлин, 2020: 11]. В ней разъяснена разница в подходах к учету мигрантов в статистических формах различных ведомств: Росстата, Министерства Внутренних Дел, МИД России. Приведена численность мигрантов на 2019 г. по тем регионам, где их число наибольшее. Дана приблизительная количественная оценка числа нелегальных мигрантов.

Источники и методы

В настоящей работе применялись данные Росстата, представленные в Единой межведомственной информационно-статистической системе, взятые с официального сайта ЕМИСС. Данные Росстата учитывают мигрантов согласно их официальной регистрации. Для анализа взят показатель миграционного прироста как разница между числом прибывших и выбывших мигрантов. Для оценки динамики показатель брался по регионам с 2015 г по начало 2021 г., для оценки миграции по стране в целом брался показатель прироста за 2007–2020 гг. (по данным бюллетеней «Численность и миграция населения Российской Федерации» за соответствующий год).

Путем сравнительного статистического анализа выявлялись страны наибольшего миграционного прироста в Россию. Для наглядности и удобства анализа на осно-

ве статистических данных были выстроены графики. Путем сравнительного анализа определялись регионы максимального притяжения мигрантов, выявлялся тип региона, оценивались динамика процесса миграции, его количественное значение. Регионы объединялись в более крупные районы, выполнялось типологическое районирование. Были определены районы максимальной концентрации миграционного потока с объяснением причин, выявлением факторов ситуации на основе характеристик территории (специализации, населенности, географического положения).

Миграция из азиатских стран Содружества Независимых Государств

Интересны для рассмотрения миграционные тенденции последних лет. Как видно из рисунка 1, до 2014 г. преобладала иммиграция из Республики Узбекистан, а с 2015 г. лидером иммиграции является Республика Таджикистан. Миграционный прирост из этой страны в Россию динамично нарастал до 2019 г.

Рис. 1. Сальдо миграции со странами Средней Азии – лидерами миграционного прироста¹²

Fig. 1. The balance of migration with the countries of Central Asia – the leaders of migration growth

Источник: составлено автором по данным Росстат

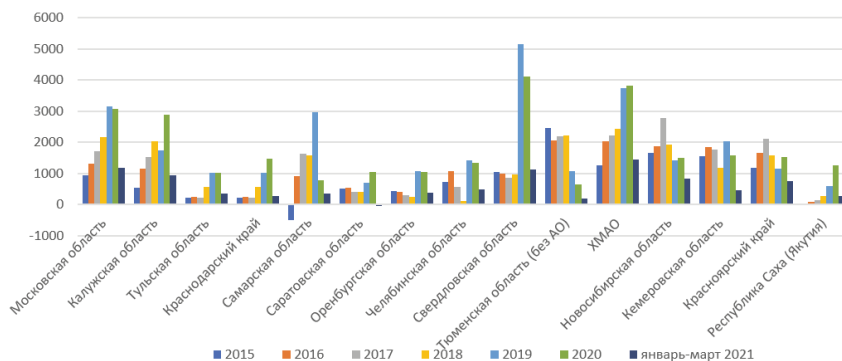
В 2019 г. наблюдался значительный рост регистрируемой иммиграции в Россию, отмеченный в том числе в научных работах [Мкртчян, Флоринская, 2019: 12]. В 2020 г. ввиду ограничений на перемещения миграционный поток несколько снизился, однако в случае с Республикой Таджикистан – снизился незначительно.

Выделяются два основных центра притяжения таджикских мигрантов: Урало-Сибирский регион (Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская, Новосибирская, Кемеровская области, Красноярский край), а также

¹ Миграционный прирост. Единая межведомственная информационно-статистическая система [сайт]. URL: fedstat.ru/indicator/46162 (дата обращения: 15.03.2021)

² Численность и миграция населения Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения: 15.03.2021)

Московский столичный регион и прилегающая к Новой Москве Калужская область (см. рис. 2). В Калужской области прирост связан в том числе с новыми сборочными производствами (Самсунг), использующими трудовых мигрантов. По всей видимости, таджикских мигрантов привлекали города-миллионники с их крупными стройками (г. Москва, г. Екатеринбург, г. Красноярск, г. Самара), а также ресурсные регионы с работой на месторождениях (нефтегазовый Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край, угледобывающий Кузбасс).

Рис. 2. Регионы-лидеры по величине миграционного прироста с Республикой Таджикистан в 2015 г. – начале 2021 г., чел.

Fig. 2. The leading regions in terms of migration growth with the Republic of Tajikistan in 2015-early 2021, pers.

Источник: составлено автором по данным Росстат

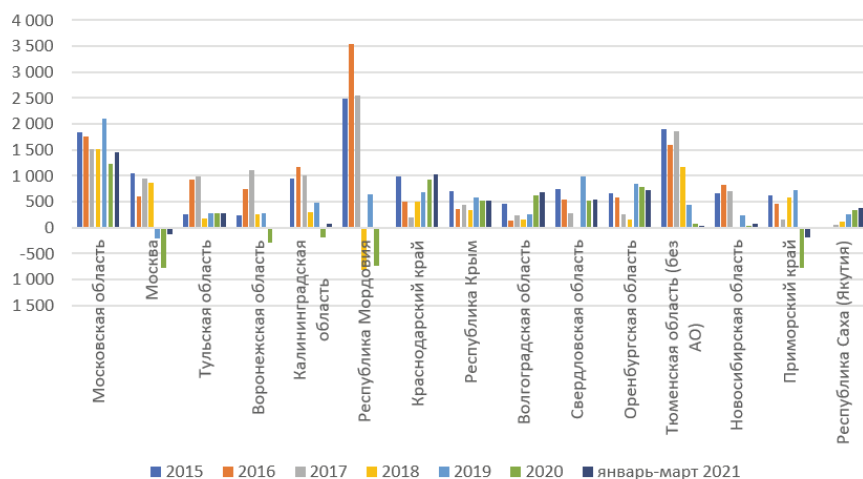
В последние годы происходит расширение пространственного распределения таджикской иммиграции – к традиционным центрам притяжения мигрантов в Сибири добавляются новые. Бурный рост привлечения таджикских мигрантов отмечается в Свердловской области на Урале, в нефтегазовом Ханты-Мансийском автономном округе, а также в Московском столичном регионе и Калужской области. Формируются новые центры притяжения таджикских мигрантов, где миграционный прирост в 2020 г. уже превысил 1000 чел.: примыкающая к Московскому столичному региону Тульская область, Краснодарский край на Юге России, Оренбургская, Челябинская области на Урале, ресурсно-сырьевая Республика Саха (Якутия) на Дальнем Востоке.

Вторым по приросту мигрантов среди среднеазиатских республик является Республика Узбекистан. Бывшая главным поставщиком трудовых мигрантов в Россию до 2014 г., она затем уступила место Республике Таджикистан (см. рис. 1). В настоящее время, несмотря на ограничения, прирост все же сохраняется, наблюдается ярко выраженная перемена в региональном распределении узбекской миграции за последние годы (см. рис. 3).

«Старый» регион-лидер прироста мигрантов из Узбекистана (Республика Мордовия) показал разворот тенденций на убыль. Сохраняют с некоторым снижением свое значение в привлечении узбекских мигрантов Тюменская, Новосибирская области в Западной Сибири. В то же время выявляются новые регионы-лидеры, в которых миграционный прирост узбекских мигрантов устойчиво растет: Краснодарский

край, Республика Крым, Волгоградская область на Юге России, Свердловская, Оренбургская области на Урале, Республика Саха (Якутия) на Дальнем Востоке. Традиционно высокий прирост мигрантов из Узбекистана сохраняет Московская область, выделяется и примыкающая к ней Тульская область.

Рис. 3. Регионы-лидеры по величине миграционного прироста с Республикой Узбекистан в 2015 г. – начале 2021 г., чел.³

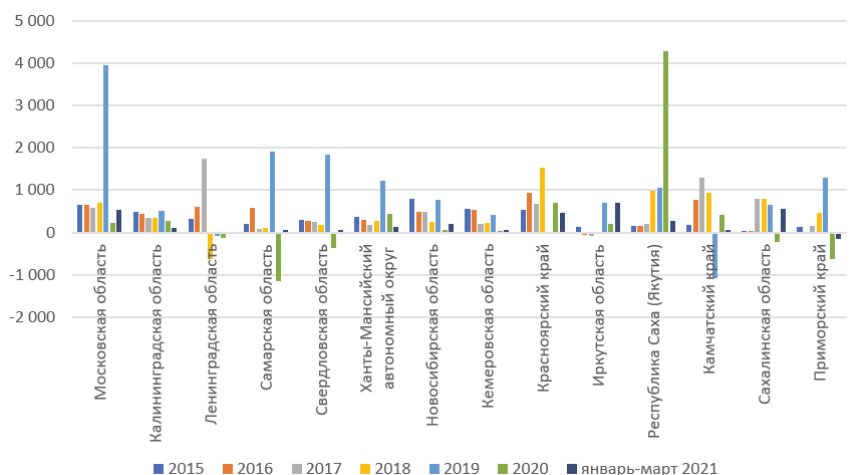
Fig. 3. The leading regions in terms of migration growth with the Republic of Uzbekistan in 2015-early 2021, pers.

Источник: составлено автором по данным Росстат

В распределении узбекской миграции по территории высока доля южных сельскохозяйственных регионов, где мигранты, по всей видимости, заняты в сельском хозяйстве, отраслю сходной со специализацией Узбекистана. Выделяется также направление миграции в приморские территории (Краснодарский край, Республика Крым, Калининградская область, Приморский край). В Республике Крым миграционный прирост из Узбекистана может быть также обусловлен репатриацией крымских татар, а также их родственников.

Представляет интерес рассмотрение тенденций миграции из Киргизской Республики. В исследованиях ученых-специалистов по миграции [Рязанцев, Письменная, Мирязов, Дудина 2019: 8] отмечаются следующие особенности киргизских мигрантов: хорошее владение русским языком, что позволяет им трудоустроиться в сфере обслуживания; а также большее тяготение к регионам Урала, Сибири и Дальнего Востока. В статье предлагается уникальная модель трансформации мигрантозависимой экономики среднеазиатской страны в самодостаточную через инвестиции в ее малый и средний бизнес, в развитие ее собственной экономической базы. Для этого необходимо создать благоприятные условия для вложения мигрантами заработываемых финансовых средств в собственное дело в своей стране.

³ Миграционный прирост. Единая межведомственная информационно-статистическая система [сайт]. URL: fedstat.ru/indicator/46162 (дата обращения: 17.03.2021)

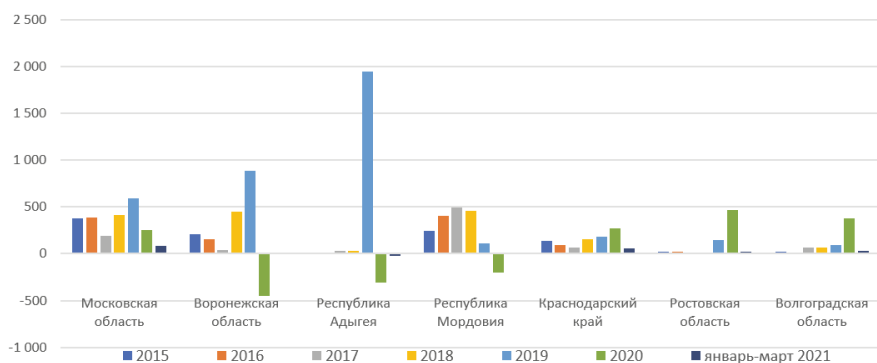
Рис. 4. Регионы-лидеры по величине миграционного прироста с Киргизской Республикой в 2015 г. – начале 2021 г., чел.⁴

Fig. 4. The leading regions in terms of migration growth with the Kyrgyz Republic in 2015-early 2021, pers.

В распределении киргизской иммиграции действительно высока доля дальневосточных и сибирских регионов (см. рис. 4). Абсолютным лидером прироста является Республика Саха (Якутия), в которой в 2020 г., несмотря на ограничения, прирост мигрантов из Киргизии составил более 4 тыс. чел. В Восточной Сибири выделяются Красноярский край, а в последние годы еще и Иркутская область, в Западной – Новосибирская, Кемеровская области. В Санкт-Петербургской агломерации наблюдается спад прироста мигрантов из Киргизии, в Московской, наоборот, – рост. Обращает на себя внимание тот факт, что в некоторых регионах показатель прироста только за первую четверть 2021 г. уже превысил показатель за весь 2020 г. (Иркутская, Московская области). Традиционно привлекательны для киргизских мигрантов промышленная Свердловская область на Урале, нефтегазовый Ханты-Мансийский автономный округ, а также портовая Калининградская область.

В 2019 г. значительно выросла иммиграция из Республики Туркменистан, ранее не отличавшаяся высокими показателями иммиграции в Россию. Сальдо миграции с ней увеличилось до 6 тыс. чел против примерно 2 тыс. чел. в предыдущие годы. Рост иммиграции из Республики Туркменистан связан, скорее всего, с ухудшением экономической ситуации в Туркмении, что служит выталкивающим фактором для населения. Лидером по миграционному приросту из Туркмении среди российских регионов в 2019 г. являлась Республика Адыгея (сальдо в 2019 г. составило почти 2 тыс. чел.) В основном туркменская миграция направлена в Московскую область (см. рис. 5), а также, особенно сильно в 2020 г., в ряд южных регионов (Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская области).

⁴ Миграционный прирост. Единая межведомственная информационно-статистическая система [сайт]. URL: fedstat.ru/indicator/46162 (дата обращения: 17.03.2021)

Рис. 5. Регионы-лидеры по величине миграционного прироста с Республикой Туркменистан в 2015 г. – начале 2021 г., чел.⁵

Fig. 5. The leading regions in terms of migration growth with the Republic of Turkmenistan in 2015-early 2021, pers.

Источник: составлено автором по данным Росстат

Таким образом, прирост мигрантов из стран Средней Азии в Россию сохранялся даже в 2020 г. – году действия серьезных ограничений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции. Одним из наиболее приоритетных направлений миграции является Московский столичный регион с прилегающими южными областями (Калужская, Тульская области). Другим районом, характеризующимся интенсивным миграционным притоком из стран Средней Азии, можно считать крупный Урало-Сибирский регион: Свердловская, Тюменская области, включая Ханты-Мансийский автономный округ, Новосибирская, Кемеровская области, Красноярский край, Республика Саха (Якутия). В него входят крупные регионы с развитой промышленностью, с богатым ресурсно-сырьевым добывающим комплексом и зачастую с городами-миллионниками в качестве центров субъектов Федерации, где происходит активное строительство. Безусловно, такие регионы привлекают мигрантов возможностью заработка. По этой же причине, вероятнее всего, для таджикских и киргизских мигрантов популярна Самарская область в Поволжье (промышленно развитый регион с городом-миллионником и добычей природных ресурсов). Урало-Сибирский регион максимума иммиграции расширяется как на Восток, так и на Запад. К нему присоединяются такие уральские регионы, как Оренбургская, Челябинская области на Урале. Возрастает роль Республики Саха (Якутии) на Востоке.

Регионы Юга России популярны в первую очередь для переезда у мигрантов из Узбекистана и Туркменистана. Мигрантов из этих стран может привлекать не только теплый климат, но и возможность заниматься сельским хозяйством в зоне благоприятного земледелия на черноземной почве (Воронежская, Волгоградская области, Краснодарский край). Высокий миграционный прирост из Узбекистана и Туркменистана по каким-то причинам был характерен также для Республики Мордовия. Портовые регионы с особой структурой хозяйства (Калининградская область, Приморский край) привлекательны для мигрантов из Узбекистана и Киргизии. Регионы Дальнего Востока и Восточной Сибири отличаются высоким приростом ми-

⁵ Миграционный прирост. Единая межведомственная информационно-статистическая система [сайт]. URL: fedstat.ru/indicator/46162 (дата обращения: 17.03.2021)

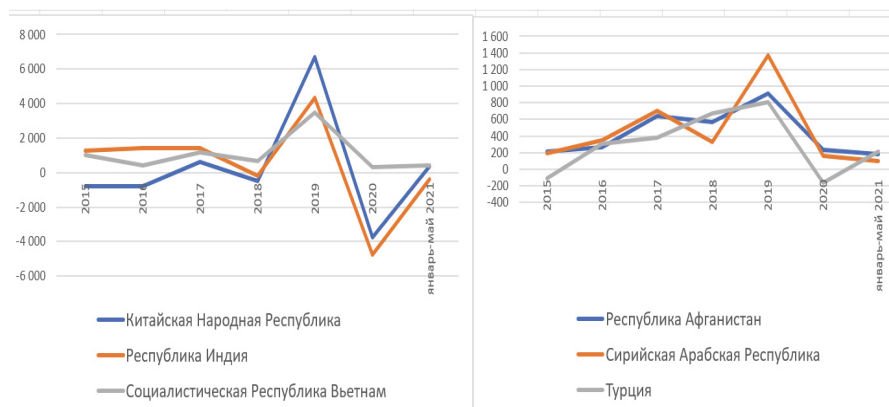
грантов из Киргизской Республики, для которой характерна восточная направленность миграционного потока.

Таким образом, выделяется несколько районов притяжения мигрантов из стран Средней Азии:

- промышленно-развитый с активным горнодобывающим сектором Урало-Сибирский регион с городами-миллионниками;
- Московская столичная агломерация, включая Калужскую и Тульскую области;
- регионы Юга России с теплым климатом и благоприятными условиями для сельского хозяйства;
- портовые регионы (Калининградская область, Приморский, Краснодарский края).

Миграция из Азиатских стран Дальнего Зарубежья

Представляет интерес рассмотрение иммиграции из стран Дальнего Зарубежья. Значительная меньшая по объему, она имеет свою динамику интенсивности и собственное региональное распределение. Наибольшая интенсивность миграционного прироста у Российской Федерации наблюдается с шестью странами Дальнего Зарубежья, все они находятся на Азиатском континенте. Выделяются два основных направления иммиграции из стран зарубежной Азии: миграция из Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии (Китай, Вьетнам, Индия), а также из стран Среднего и Ближнего Востока (Афганистан, Сирия, Турция).

Рис. 6. Сальдо миграции со странами Азии Дальнего Зарубежья – лидерами миграционного прироста в 2015 г. – январе-мае 2021 г., чел.⁶

Fig. 6. The balance of migration with the countries of Asia Far Abroad-the leaders of migration growth in 2015-January-May 2021, pers.

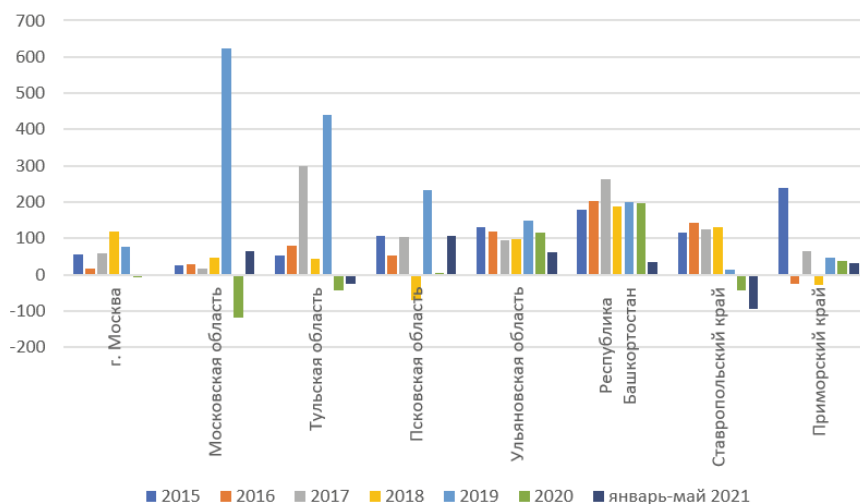
Источник: составлено автором по данным Росстат

Как видно из рисунка 6, максимум иммиграции из всех стран пришелся на 2019 г. В 2020 г. произошло снижение по причине введенных ограничений, однако уже за 5 месяцев 2021 г. наблюдается восстановление положительных значений миграционного прироста. Для Китая, Индии и Вьетнама были характерны большие значения

⁶ Миграционный прирост. Единая межведомственная информационно-статистическая система [сайт]. URL: fedstat.ru/indicator/46162 (дата обращения: 17.03.2021)

миграционного прироста, но и большие амплитуды колебаний показателя для стран Ближнего и Среднего Востока характерна большая плавность, стабильность, поступательность динамики.

Наиболее устойчивый миграционный прирост с учетом последних тенденций наблюдается с Республикой Вьетнам. Особенности иммиграции из Вьетнама, ее региональное распределение рассмотрены в специальной статье ученых-демографов [Рязанцев, Храмова, 2020: 9], посвященной данному вопросу.

Рис. 7. Регионы-лидеры по величине миграционного прироста с Социалистической Республикой Вьетнам в 2015 г. – январе-мае 2021 г., чел.⁷

Fig. 7. The leading regions in terms of migration growth with the Socialist Republic of Vietnam in 2015-January-May 2021, pers.

Источник: составлено автором по данным Росстат

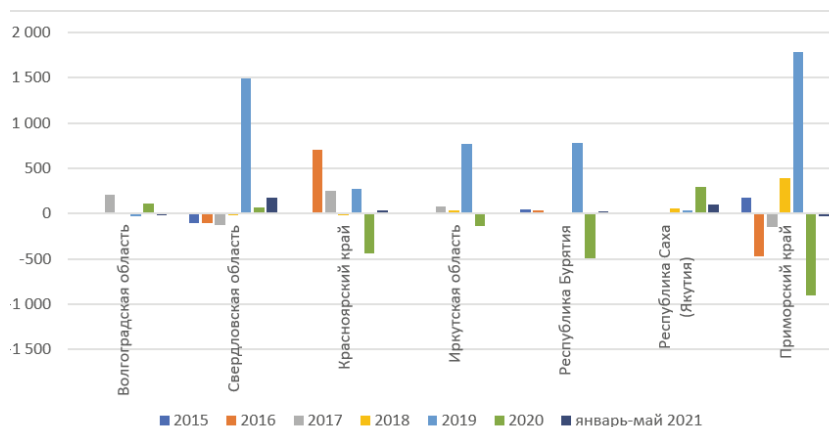
Среди регионов, сохраняющих устойчивый прирост мигрантов из Вьетнама во все годы, выделяются Республика Башкортостан, Ульяновская область (см. рис. 7). Республика Башкортостан отличалась приростом мигрантов из Вьетнама на протяжении многих лет. Изучению вьетнамской диаспоры в Башкирии посвящены отдельные научные работы [Валеев, 2008: 2].

Высокий миграционный прирост наблюдался в Московском столичном регионе и Тульской области. Высокими показателями прироста отличались также приграничная к Евросоюзу Псковская область, Ставропольский край на Северном Кавказе и Приморский край на Дальнем Востоке. Миграция из Вьетнама характеризовалась приростом и в период действия серьезных ограничений в 2020 г.

Как видно из рисунка 8, пик прироста миграции из Китая пришелся на 2019 г. Лидерами по миграционному приросту из Китая являются Приморский край на Дальнем Востоке, Свердловская область на Урале (в том числе, в 2020 г. и в 2021 г.), а также Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия в Восточной Сибири. В последнее время в китайской иммиграции возрастает роль Республики Саха

⁷ Миграционный прирост. Единая межведомственная информационно-статистическая система [сайт]. URL: fedstat.ru/indicator/46162 (дата обращения: 17.03.2021)

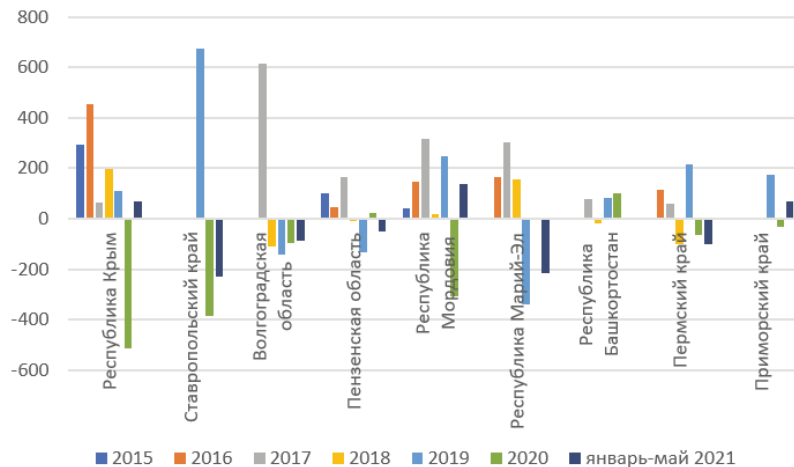
(Якутии), в Европейской России выделяется Волгоградская область на Юге. Таким образом, китайская иммиграция имеет ярко выраженную восточносибирскую, дальневосточную и уральскую направленность.

Рис. 8. Регионы-лидеры по величине миграционного прироста с Китайской Народной Республикой в 2015 г. – январе-мае 2021 г., чел.⁸

Fig. 8. The leading regions in terms of migration growth with the People's Republic of China in 2015-January-May 2021, pers.

Источник: составлено автором по данным Росстат

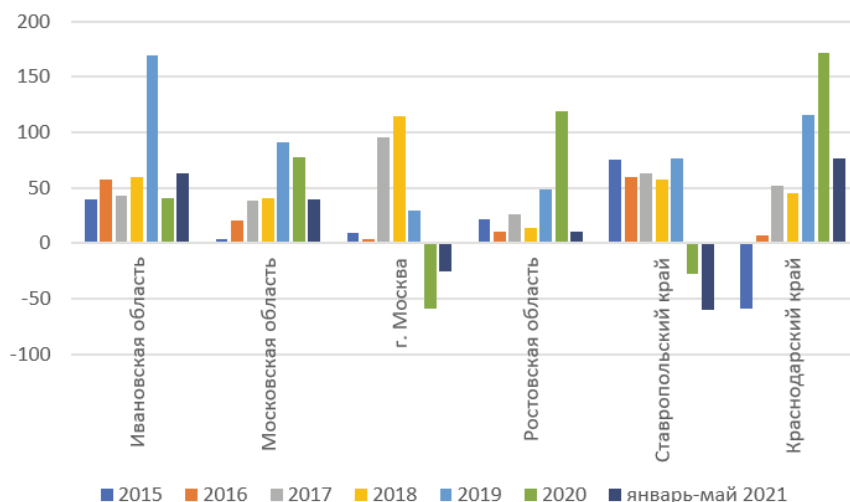
Рис. 9. Регионы-лидеры по величине миграционного прироста с Республикой Индией в 2015 г. – январе-мае 2021 г., чел.⁹

Fig. 9. The leading regions in terms of migration growth with the Republic of India in 2015-January-May 2021, pers.

Источник: составлено автором по данным Росстат

⁸ Миграционный прирост. Единая межведомственная информационно-статистическая система [сайт]. URL: fedstat.ru/indicator/46162 (дата обращения: 17.03.2021)

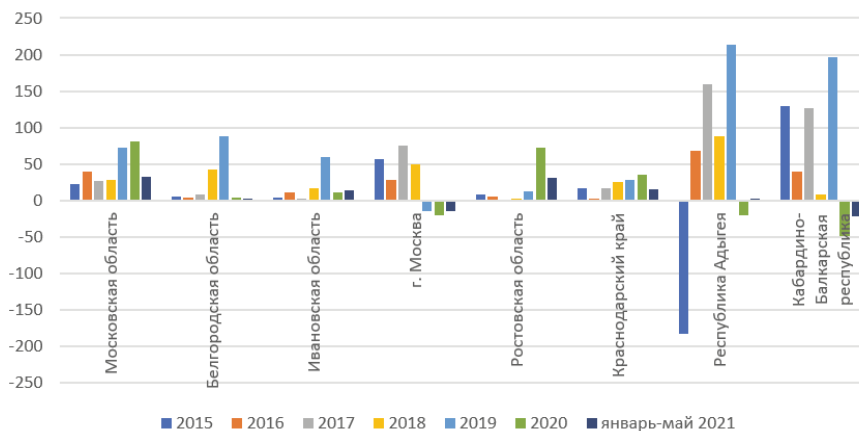
⁹ Там же.

Рис. 10. Регионы-лидеры по величине миграционного прироста с Республикой Афганистан в 2015 г. – январе-мае 2021 г., чел.¹⁰

Fig. 10. The leading regions in terms of migration growth with the Republic of Afghanistan in 2015-January-May 2021, pers.

Источник: составлено автором по данным Росстат

Рис. 11. Регионы-лидеры по величине миграционного прироста с Сирийской Арабской Республикой в 2015 г. – январе-мае 2021 г., чел.¹¹

Fig. 11. The leading regions in terms of migration growth with the Syrian Arab Republic in 2015-January-May 2021, pers.

Источник: составлено автором по данным Росстат

В распределении индийской миграции заметно преобладание регионов Юга России (Республика Крым, Ставропольский край, Волгоградская область), а также

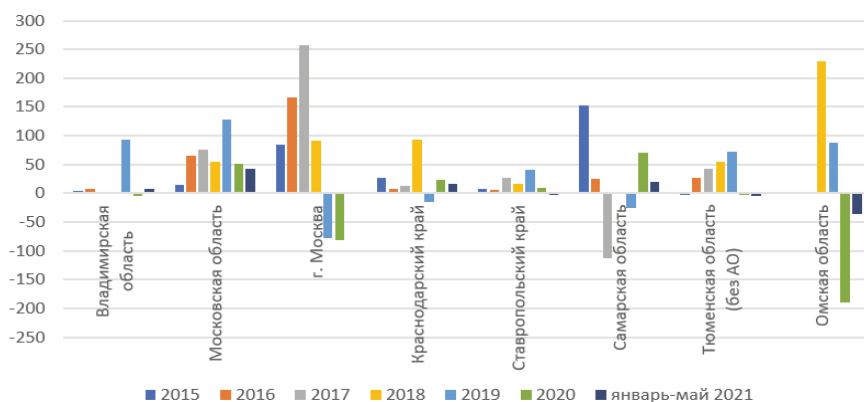
¹⁰ Миграционный прирост. Единая межведомственная информационно-статистическая система [сайт]. URL: fedstat.ru/indicator/46162 (дата обращения: 17.03.2021)

¹¹ Там же.

Приволжья (Республики Мордовия, Марий-Эл, Башкортостан, Пензенская область, Пермский край). Иммиграция из Индии в целом претерпела наибольшее снижение по сравнению с миграцией из других стран. Однако были регионы, в которых миграционный прирост в 2021 г. вновь возобновился: Республика Крым, Республика Мордовия, Приморский край. В основном индийские мигранты получают медицинские специальности в российских учебных заведениях, затем остаются иногда для ведения бизнеса в России.

В распределении миграции из Афганистана ключевую роль играет Московский столичный регион. Устойчивый прирост афганской миграции в течение многих лет наблюдается также в Ивановской области. Поступательный прирост афганских мигрантов наблюдается на Юге России (Краснодарском крае, Ростовской области). Приростом мигрантов из Афганистана характеризовался также Ставропольский край, лишь в 2020–2021 гг. произошло некоторое снижение.

Лидерами по приросту мигрантов из Сирии являются северокавказские республики Адыгея и Кабардино-Балкария. Скорее всего, прирост связан с возвращением на Северный Кавказ сирийских черкесов и их родственников. Высокие показатели прироста демонстрируют также Московский столичный регион, регионы Юга России (Ростовская область, Краснодарский край), а также некоторые регионы Центральной России (Белгородская, Ивановская области).

Рис. 12. Регионы-лидеры по величине миграционного прироста с Турецкой Республикой в 2015 г. – январе-мае 2021 г., чел.¹²

Fig. 12. The leading regions in terms of migration growth with the Republic of Turkey in 2015-January-May 2021, pers.

Источник: составлено автором по данным Росстат

Миграция из Турции направлена прежде всего в Московский столичный регион, а также в ряд регионов, специализирующихся на нефтегазопереработке (Самарская, Тюменская, Омская области). Миграция направлена также в южные регионы России (Краснодарский, Ставропольский край), в Московский столичный регион и во Владимирскую область, в которой высока роль турецких инвестиций.

¹² Миграционный прирост. Единая межведомственная информационно-статистическая система [сайт]. URL: fedstat.ru/indicator/46162 (дата обращения: 17.03.2021)

Миграция из стран Дальнего Зарубежья имеет свои характерные особенности распределения по регионам. Повсеместно велика роль в приеме мигрантов регионов Юга России (Ростовская, Волгоградская области, Краснодарский, Ставропольский края, Республика Крым), а также Московского столичного региона. Некоторые северокавказские республики (Кабардино-Балкарская Республика, Республика Адыгея) привлекают репатриантов, сирийских черкесов. Регионы Приволжья оказались наиболее привлекательны для мигрантов из Вьетнама и Индии (Республики Башкортостан, Мордовия, Марий-Эл, Ульяновская, Пензенская области, Пермский край).

Восток нашей страны наиболее популярен для мигрантов из Китая. Китайская иммиграция имеет ярко выраженный восточный вектор: налицо приоритет восточносибирских регионов (Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия) и Урала (Свердловская область). Таким образом, китайская иммиграция четко распределяется в Урало-Сибирском регионе.

На Дальнем Востоке велика роль Приморского края в приеме мигрантов из Китая, Вьетнама и Индии. Для китайских мигрантов все более привлекательной становится также ресурсно-сырьевая Республика Саха (Якутия), миграционный поток из Китая в этот регион устойчиво рос даже в 2020–2021 гг.

Выделяются регионы Центральной России, отличающиеся высоким миграционным приростом из некоторых стран: Ивановская область (миграция из Афганистана, Сирии), Владимирская область (миграция из Турции), Белгородская область (миграция из Сирии), Тульская область (миграция из Вьетнама). В одних случаях иммиграция связана с наличием предприятий иностранных инвесторов, например, турецкие предприятия во Владимирской области привлекают мигрантов из своей страны. В других случаях, например, в Ивановской области возможно имеет место размещение беженцев из Афганистана и Сирии. Турецкая иммиграция имеет также направление в нефтегазоперерабатывающие регионы и вероятно связана с профессиональной специализацией мигрантов.

Итак, миграция из азиатских стран Дальнего Зарубежья в основном распределена между следующими районами:

- регионы Юга России;
- Московский столичный регион;
- регионы Приволжья (миграция из Вьетнама, Индии);
- регионы Центральной России (миграция из Вьетнама, Афганистана, Сирии, Турции);
- Урало-Сибирский регион (миграция из Китая).

Выводы

Большинство мигрантов прибывает в Россию из стран Азии: в первую очередь из стран Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан), а также из стран Восточной (Китай), Юго-Восточной (Вьетнам), Южной (Индия) Азии, Среднего (Афганистан) и Ближнего Востока (Сирия, Турция). Динамика иммиграции на протяжении последних лет характеризовалась ростом: достигнув пика в 2019 г., она снизилась в 2020 г., вследствие ограничений на перемещение, но вновь начала восстанавливаться уже в начале 2021 г.

Каждое направление миграции обладает собственным региональным распределением. Выделяются регионы-лидеры миграционного потока. Абсолютным лидером по приросту трудовых мигрантов, особенно из Таджикистана, Узбекистана,

Киргизии и Китая, является обширный Урало-Сибирский район, регионы которого характеризуются развитой промышленностью, богатой ресурсно-сырьевой базой с добывающим сектором, набором городов-миллионников с мощным строительным комплексом. Район максимального привлечения мигрантов расширяется как на Запад за счет уральских регионов, так и на Восток вследствие роста иммиграции в Республику Саха (Якутию).

Активно привлекает мигрантов Московский столичный регион, к которому в последнее время добавились некоторые регионы Центральной России: Тульская и Калужская области. Столичный регион традиционно привлекает мигрантов огромным потребительским рынком, широкими возможностями трудоустройства, колоссальным строительным комплексом. Третий регион максимального привлечения мигрантов – регионы Юга России. К ним относятся как приморские (Краснодарский край, Республика Крым), так и внутренние регионы (Ростовская, Волгоградская области, Ставропольский край). Юг России привлекателен для многих мигрантов теплым климатом, благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства, аграрной специализацией.

Гипотеза о максимальной концентрации мигрантов в двух крупнейших агломерациях страны подтвердилась лишь частично и не в полной мере. Санкт-Петербургская агломерация не обладает сопоставимой с Московской агломерацией концентрацией миграционного прироста и вообще не выделяется как значимый район притяжения мигрантов. Аналогично Ямало-Ненецкий автономный округ не является центром притяжения мигрантов, несмотря на сопоставимую с Ханты-Мансийским автономным округом природно-ресурсную базу (нефтегазодобыча). В гипотезе оказался недооценен обширный Урало-Сибирский регион как район максимального притяжения мигрантов, а также Юг России как район высокой интенсивности миграционного притока практически из всех стран.

Имеются и другие районы высокой иммиграции. Регионы Приволжья привлекательны для мигрантов из Узбекистана, Вьетнама, Индии; регионы Дальнего Востока – для мигрантов из Киргизии; некоторые регионы Центральной России – для мигрантов из Афганистана, Сирии, Турции; некоторые северокавказские республики – для мигрантов из Сирии вследствие этнического фактора. Интенсивной иммиграцией отличаются портовые регионы (Калининградская область, Приморский край).

Таким образом, картина пространственного распределения миграционного потока обладает определенными закономерностями, зависит от ряда факторов, в том числе от специфики страны выезда мигрантов, от хозяйственной специализации принимающего региона, его географического положения, объема потребительского рынка.

Список литературы

Дин Ю. И. Китайские и корейские рабочие в политике Российской Империи в начале XX в. // Известия Восточного института. – 2014. – № 2 (24). – С. 28–35.

Зайончковская Ж. А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. – 1999. – № 4. – С. 22–34.

Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С. В. Рязанцева – М.: Экон-Информ, 2019. – 79 с.

Регулирование миграции. Международный опыт и перспективы в России. Доклад Института национальной стратегии. – Москва. – 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www>.

instrategy.ru/pdf/292.pdf (дата обращения: 13.02.2021).

Рязанцев С. В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: Экономико-социологическое исследование. – М.: Научный мир, 2011. – 189 с.

Чеховских Т. Д. Миграция населения стран Центральной Азии в Россию: проблемы и пути решения // МНИЖ. – 2019. – № 4 (82). – С. 128–132. DOI: 10.23670/IRJ.2019.82.4.055.

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Мирязов Т. Р., Дудина О. Экспорт трудовых ресурсов из Кыргызстана: тенденции и последствия // Центральная Азия и Кавказ. – 2019. – Т. 22, № 1. – С. 109–124.

Рязанцев С. В., Храмова М. Н. Сотрудничество России и Вьетнама в области миграции: тенденции и перспективы // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. – М.: ИДВ РАН, 2020. – С. 143–158.

Christof Van Mol, Helga A. G. de Valk. Migration and Immigrants in Europe: A Historical and Demographic Perspective. In book: Integration Processes and Policies in Europe. Contexts, Levels and Actors (p. 31–55). – Chapter 3. – Publisher: Springer Editors: Blanca Garcés-Mascareñas, Rinus Penninx.

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Перемышлин С. Н. Положение трудовых мигрантов из стран Центральной Азии на российском рынке труда // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10, № 5 (62). – С. 1248–1259. DOI: 10.35775/PSI.2020.62.5.029.

Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграционный прирост в январе-апреле 2019 г.: аномальные показатели // Экономическое развитие России. – 2019. – № 7. – С. 58–61.

Сведения об авторе:

Микрюков Николай Юрьевич, кандидат географических наук, научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ecoro@mai.ru; РИНЦ Author ID: 1017333.

Статья поступила в редакцию 31.03.2021; принята в печать 01.06.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

IMMIGRATION FROM ASIAN COUNTRIES TO RUSSIA: A REGIONAL ASPECT

Nikolay Yu. Mikryukov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: ecoro@mai.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.4

For citation: Nikolay Yu. Mikryukov. Immigration from Asian countries to Russia: a regional aspect. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 3. P. 37–52. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.4

Abstract. The article considers the spatial distribution of migrants from the Asian countries from which the main influx of labor migration occurs in the regions of Russia. The purpose of the work is to identify the spatial patterns of the distribution of the migration flow. Hypothetically, it was assumed that the largest agglomerations in the country (Moscow, St. Petersburg), as well as resource regions (Khanty-Mansi Autonomous Okrug) were highly attractive for migrants. The information base for the study was the data of Rosstat, presented in the Unified Interdepartmental Information and Statistical System. The methods of description, comparative analysis, graphic, typological, zoning, statistical were used in the work. The spatial distribution and dynamics of migration from the countries of Central Asia are revealed: the Republic of Tajikistan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Uzbekistan, the Republic of Turkmenistan. The Far-abroad countries characterized by the highest rates of immigration to Russia are identified: namely, the People's Republic of China, the Republic of India, the Socialist Republic of Vietnam, the Republic of Afghanistan, the Syrian Arab Republic, the Republic of Turkey. For each of the countries, the specifics of the territorial distribution of migrants in Russia are indicated, the patterns of their spatial distribution are revealed. The dynamics of the migration process across the territory is reflected, new points of migration growth and regions with decaying growth are identified. The process of immigration to Russia has decreased, but has not stopped during the period of maximum restrictions in 2020, in incomplete 2021, there is a recovery growth of migration inflow. The main areas of the greatest attraction of migrants are identified: the vast Ural-Siberian region, the Moscow metropolitan agglomeration with adjacent regions, the regions of Southern Russia. The results of the work can be used by state authorities and business to predict social processes in the regions, indirectly assess

the economic situation in them, the situation on the regional labor markets. Prospective studies can be aimed at identifying patterns of intraregional, municipal distribution of the migration flow, and further tracking the dynamics and spatial distribution of migration, taking into account current statistical data.

Keywords: demography, regional demography, migration, migrants, migration flow, regional distribution of migrants.

References

Din Yu. I. Kitajskie i korejskie rabochie v politike Rossijskoj Imperii v nachale XX v. [Chinese and Korean workers in the politics of the Russian Empire in the early twentieth century]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2014. Vol. 24, No. 2. P. 28–35. (In Russ.).

Zayonchkovskaya Zh. A. Vnutrennyaya migraciya v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazhenie social'noj modernizacii [Internal migration in Russia and the USSR in the XX century as a reflection of social modernization]. *The Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 1999. No. 4. P. 22–34. (In Russ.).

Demographic situation in Russia: new challenges and ways of optimization: national demographic report. Ed. by Corr.-Member of the RAS S. V. Ryazantsev. Moscow: Ekon-Inform, 2019. 79 p. (In Russ.).

Regulirovanie migracii. Mezhdunarodnyj opyt i perspektivy v Rossii [Migration regulation. International experience and prospects in Russia]. Report of the National Strategy Institute. Moscow. 2014. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.instrategy.ru/pdf/292.pdf> (accessed: 13.02.2021). (In Russ.).

Ryazantsev S. V., Khorie N. Modelirovanie potokov trudovoi migratsii iz stran Tsentral'noi Azii v Rossiyu: ekonomiko-sotsiologicheskoe issledovanie [Modeling labor migration flows from Central Asian countries to Russia: economic and sociological research]. Moscow, 2011. 189 p. (In Russ.).

Chekhovskiykh T. D. Population movement from the countries of central Asia to Russia: problems and solutions. *Mezhdunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal*. 2019. Vol. 82, No. 4. P. 128–132. DOI: 10.23670/IRJ.2019.82.4.055 (In Russ.).

Ryazantsev, S., E. Pismennaya, T. Miryazov and O. Dudina. Export of labor resources from Kyrgyzstan: Tendencies and consequences. *Central Asia and the Caucasus*. 2019, Vol. 20. P. 98–112.

Ryazantsev S. V., Khramova M. N. Cooperation between Russia and Vietnam in the migration sphere: trends and prospects. *Russia–Vietnam relationship: Convergence of bilateral interests*. Moscow: RAS IFES, 2020. P. 143–158. (In Russ.).

Christof Van Mol, Helga A. G. de Valk. Migration and Immigrants in Europe: A Historical and Demographic Perspective. In book: *Integration Processes and Policies in Europe. Contexts, Levels and Actors* (p. 31–55) Chapter 3. Publisher: Springer Editors: Blanca Garcés-Mascareñas, Rinus Penninx.

Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Peremyshlin S. N. Situation of labor migrants from central Asia countries in the Russian labor market. *Voprosy nacional'nykh i federativnykh otnoshenij*. 2020. Vol. 10, No. 5 (62). P. 1248–1259. DOI: 10.35775/PSI.2020.62.5.029. (In Russ.).

Mkrtchyan N. Florinskaya Yu. Migration Growth in January–April 2019: Abnormal Indices. *Russian economic development*. Vol. 26, No. 7. P. 58–61. (In Russ.).

Bio note:

Nikolay Yu. Mikryukov, Candidate of Sciences (Geography), Researcher of Department of geo-urban and spatial development, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ecoro@mail.ru; RSCI Author ID: 1017333.

Received on 31.03.2021; accepted for publication on 01.06.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Драгун М. В.,

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

E-mail: dragun.maria.v@gmail.com

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.5

Для цитирования: Драгун М. В. Основные тенденции внутренней безвозвратной миграции в Республике Беларусь // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 53–66. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.5

Аннотация. В статье представлены основные тенденции внутренней безвозвратной миграции в Республике Беларусь. Рассмотрены нормативные правовые акты, регулирующие исследуемую проблематику, в частности, приведена информация об утверждении проекта «Деревня будущего»; план развития регионов, отстающих в социально-экономическом развитии; меры по содействию развитию предпринимательской активности в сельской местности. Проведена оценка сложившихся внутренних миграционных потоков в Республике Беларусь за последнее двадцатилетие путем изучения и анализа официальных статистических данных, размещенных на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь. Рассчитан коэффициент интенсивности внутриреспубликанской миграции, позволяющий определить динамику миграционного движения, независимо от изменения численности населения. В целях выявления позиции той или иной области и г. Минска относительно страны в целом были проведены расчеты индекса миграционной привлекательности. Проанализированы перемещения населения между территориальными единицами и по направлениям («город – город», «город – село», «село – город», «село – село»). Сделан вывод о том, что в исследуемом периоде преобладают миграционные потоки из города в город, а также продолжается отток населения из села в город, но, начиная с 2016 г., интенсивность прироста городов за счет сельского населения сократилась, что является новой тенденцией. Изучены и проанализированы миграционные связи между областями Республики Беларусь, разработаны иллюстрации, которые наглядно отражают потоки населения внутри страны. На основании проведенного анализа сформулирован вывод о том, что внутренняя миграция в Республике Беларусь имеет центростремительный характер, т. е. основная доля миграционных потоков приходится на столично-центральный регион. Выявлено, что такое направление внутренних миграционных потоков коррелирует с индексом миграционной привлекательности (далее – ИМП). Установлено, что прирост населения г. Минска и Минской области происходит за счет всех областей (Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Мозилевской); в свою очередь г. Минск также пополняется за счет населения, которое изначально прибыло в Минскую область. Автором зафиксирована еще одна тенденция – миграционный прирост в столицу за последние пять лет сократился. По итогам проведенного исследования автор пришел к выводу о необходимости дальнейшей работы по расширению и укрупнению комплекса мероприятий, направленных на улучшение социально-экономических условий жизни в регионах и селе.

Ключевые слова: миграция, внутренняя миграция, межобластная миграция, внутриобластная миграция, миграционные потоки, коэффициент интенсивности внутриреспубликанской миграции, миграционный прирост, миграционная убыль, сальдо миграции, индекс миграционной привлекательности.

Введение

В той или иной степени миграционные явления присутствуют во всех странах мира. Как правило, основные причины, побуждающие людей к такого рода перемещениям, это – стремление увеличить доходы, повысить качество жизни, получить или улучшить уровень образования, создать семью и некоторые другие. В научной литературе можно встретить множество определений термину «миграция населения», но, на наш взгляд, наиболее уместно в рамках исследуемой темы привести определение, предложенное Л. Л. Рыбаковским в 2016 г. в статье «К уточнению понятия “миграция населения”». Миграция населения – это территориальные перемещения, представляющие серии событий, локализованных в пространстве и времени, совершаемые только между разными населенными пунктами, причем эти перемещения фиксируются тем или иным способом [Рыбаковский, 2016]. Миграционные процессы принято классифицировать по основным критериям и признакам. Одним

из признаков классификации является географический (пространственный). Согласно данному признаку, выделяют внутреннюю и внешнюю миграцию. Соответственно, переселение населения между странами – это внешняя миграция; передвижение населения в рамках одной страны между административными районами и населенными пунктами – это внутренняя миграция. Именно о внутренней миграции в Республике Беларусь и пойдет речь в данной статье.

Материалы и методы

Вопросы внутренней миграции в Республике Беларусь являются актуальными и широко обсуждаемыми как в научных кругах, так и на уровне государственного регулирования. Изучению процессов внутренней миграции посвящены работы многих белорусских ученых: Л. Е. Тихоновой [Тихонова, 2004], Л. П. Шахотько [Шахотько, 2000], Е. А. Антиповой [Антипова, 2018], М. И. Артюхина [Артюхин, 2008], Л. В. Фокеевой [Фокеева, 2009], А. В. Кельник [Кельник, 2012], Ю. Н. Петраковой [Петракова, 2010] и др.

На уровне государственного регулирования принят ряд нормативных правовых актов, которые, в том числе направлены на регулирование внутренней миграции в Республике Беларусь^{1 2 3 4 5}. Утверждены мероприятия, направленные на повышение уровня жизни в сельской местности, в частности, на развитие социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры, а также ежегодное увеличение заработной платы, создание мер, содействующих развитию предпринимательской активности. Регламентирован проект «Деревня будущего», суть которого в создании современных сел с устойчиво функционирующим производством, высоким уровнем социального обслуживания, инженерно-транспортного обеспечения и благоустройства. На законодательном уровне закреплено развитие здравоохранения регионов. В целях развития отдельных регионов страны, отстающих по уровню социально-экономического развития, разработан план, предусматривающий создание новых предприятий и производств, модернизацию действующих предприятий, формирование необходимой производственной и социальной инфраструктуры. Предполагается, что реализация данного плана будет содействовать сокращению разрыва по уровню и качеству жизни населения за счет раскрытия, восстановления и наращивания производственного потенциала, развития инфраструктуры, формирования комфортной

---

¹ Директива Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли»: [сайт]. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/direktiva-6-ot-4-marta-2019-g-20628/ (дата обращения: 20.05.2020).

² Постановлением Совета Министров от 19 января 2021 г. № 28 утверждена Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы: [сайт]. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/C22100028_1611349200.pdf (дата обращения: 13.02.2021).

³ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 2019 г. № 314 «О комплексе мер по реализации положений Директивы Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли»»: [сайт]. URL: <http://pda.government.by/upload/docs/file651311a6b7a7175e.PDF> (дата обращения: 20.05.2020).

⁴ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2019 г. № 689 «Об утверждении плана развития отдельных регионов, отстающих по уровню социально-экономического развития»: [сайт]. URL: // <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2019/october/41008/> (дата обращения: 20.05.2020).

⁵ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 сентября 2019 г. № 604 «Об утверждении Типового положения об областном (районном) совете по развитию предпринимательства»: [сайт]. URL: <http://www.government.by/ru/solutions/3642> (дата обращения: 20.05.2020).

среды для проживания на основе конкурентных преимуществ, накопленных компетенций каждого района. Для развития и активизации предпринимательской деятельности в регионах предусмотрено создание регионального совета для взаимодействия деловых кругов с государственными органами.

Для оценки сложившихся внутренних миграционных потоков в Республике Беларусь за последнее двадцатилетие были изучены и проанализированы официальные статистические данные, размещенные на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь.⁶

В целях сопоставления между собой уровня подвижности населения разных по рангу и величине районов, выявления динамики миграционного движения, независимо от изменения численности населения, был рассчитан коэффициент интенсивности внутренней миграции. Значение данного коэффициента рассчитывается путем деления количества прибывших мигрантов в регион (страну) за год на среднегодовую численность постоянного населения и умножения на 10000 (или 1000) [Демография для..., 2014].

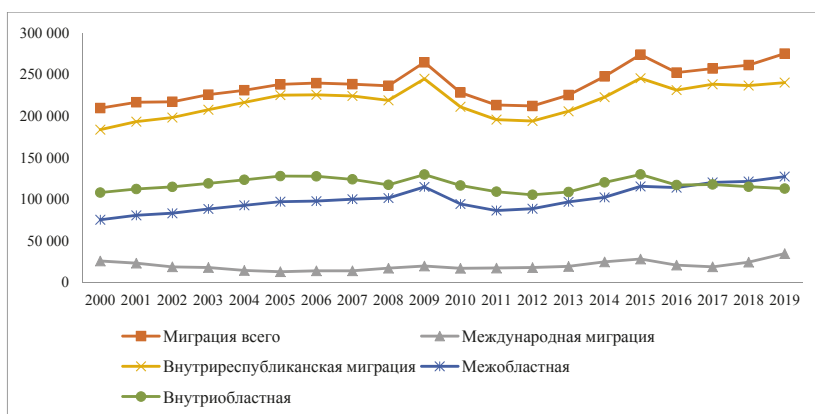
Проведен расчет ИМП областей и г. Минска, в основу которого была положена методика, разработанная В. А. Моденовым и А. Г. Носовым [Моденов, Носов, 2004] и доработанная с учетом специфики анализа. Так, в методике Моденова и Носова для расчета индекса миграционной привлекательности государства используются следующие базовые характеристики: ВВП, численность населения, доля государства в мировом ВВП и доля населения в общем населении Земли. Нами же для расчета индекса миграционной привлекательности областей Республики Беларусь и г. Минска были использованы следующие данные: ВВП области / г. Минска, численность населения области / г. Минска, доля ВВП области / г. Минска в ВВП Беларуси и доля населения области / г. Минска в общем населении страны.

Исследование

Последнее двадцатилетие в миграционных процессах Республики Беларусь ведущее место занимают внутриреспубликанские перемещения. На их долю приходилось более 91% всех перемещений (см. рис. 1). При этом их доля в общих миграционных перемещениях в течение 2000–2005 гг. из года в год возрастала – с 87,6% в 2000 г. до 95% в 2005 г. Начиная с 2006 г., доля внутриреспубликанских перемещений колебалась – от максимального значения 92,6% в 2008 г. и 2017 г., до минимального – 87,3 в 2019 г.

В течение исследуемого периода значение коэффициента интенсивности внутриреспубликанской миграции находилось в диапазоне 18,46–25,86 промилле (см. рис. 2). Минимальное значение коэффициента в 18,46‰ было в 2000 г., максимальное 25,86‰ – в 2015 г. В целом наблюдалась положительная динамика – среднее значение за 2000–2019 гг. составило 22,79 промилле. Интересно отметить, что в сравнении с Российской Федерацией, коэффициент интенсивности внутренней миграции Республики Беларусь за 2019 г. уступает лишь на 7,8%. Значение исследуемого коэффициента в Российской Федерации в 2019 г. было на уровне 27,7‰, в Республике Беларусь – 25,6‰.

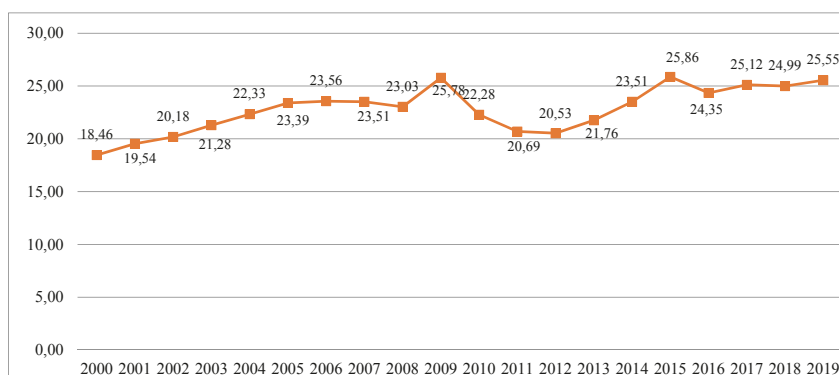
⁶ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 20.05.2020).

Рис. 1. Динамика миграционных потоков по всем направлениям (по прибытию), чел.
Fig. 1. Dynamics of migration flows in all directions (upon arrival), pers.

Источник: Сайт национального статистического комитета Республики Беларусь.⁷

* Расчетные данные автора.

Рис. 2. Динамика коэффициента интенсивности внутриреспубликанской миграции (по прибытию), %
Fig. 2. Dynamics of the intensity coefficient of intra-republican migration (on arrival), %

Источники: Сайт национального статистического комитета Республики Беларусь; Статистический сборник^{8 9 10 11}.

* Расчетные данные автора.

⁷ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 20.05.2020).

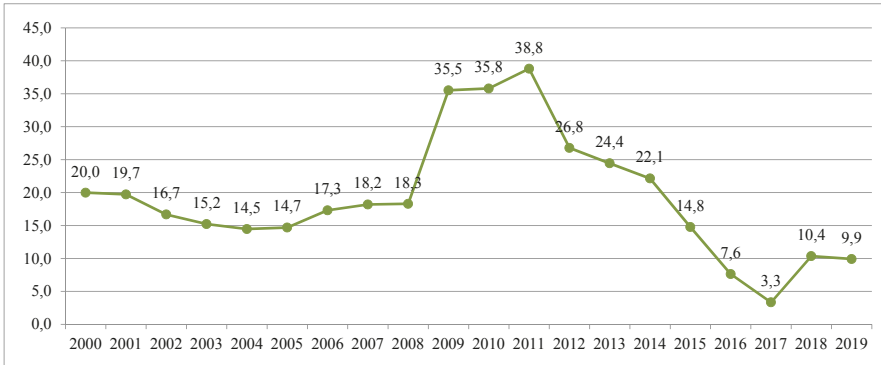
⁸ Там же.

⁹ Регионы Республики Беларусь, 2005: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Мн., 2005. – 782 с.

¹⁰ Регионы Республики Беларусь, 2009: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2009. – 870 с.

¹¹ Регионы Республики Беларусь, 2010: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2010. – 800 с.

Рис. 3. Динамика миграционного прироста городского населения за счет сельского, тыс. чел.

Fig. 3. Dynamics of migration growth of the urban population at the expense of the rural population, thousand pers.

Источники: Сайт национального статистического комитета Республики Беларусь; Статистический сборник.^{12 13 14 15}

* Расчетные данные автора.

Движение населения между территориальными единицами страны за 2000–2019 гг. происходило следующим образом. Основная доля приходилась на перемещение населения из города в город – в среднем 41%; из села в город – 30%. Важно отметить, что в последние годы миграционные потоки из сельской местности в город снизились. Так, доля перемещений из села в город в 2016 г. составляла около 28%, в 2017 г. – 26%, в 2018 г. – 27%, в 2019 г. – 27%. Это, как можно заметить, новая тенденция. Потоки из города в село в среднем составляли около 22%, из села в село – 7%.

Сельская местность теряла население в миграционном обмене с городом в течение всего анализируемого периода – в среднем из села в город ежегодно уезжали около 16,4 тыс. чел. (см. рис. 3). Однако в последние годы прирост сельского населения в город несколько сократился: в 2016 г. он составил 10,4 тыс. чел.; в 2017 г. – 3,3 тыс. чел.; в 2018 г. – 9,9 тыс. чел.; в 2019 г. – 9,9 тыс. чел. Отток населения из сельской местности наблюдался во всех областях. За последние годы самый большой миграционный отток сельского населения зафиксирован в Минской области: 17,3 тыс. чел – в 2016 г.; 16,5 тыс. чел. – в 2017 г.; 16,5 тыс. чел. – в 2018 г. и 16,6 тыс. чел. – в 2019 г.

Анализ данных показал, что за 2000–2019 гг. население Минской области за счет внутренних мигрантов увеличилось на 18,1 тыс. чел., а население столицы – более чем на 242,8 тыс. чел. (см. табл. 1). При этом столица в последние годы прирастала меньшими темпами, чем в прошлом столетии. Так, за последние пять лет миграционный

¹² Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 20.05.2020).

¹³ Регионы Республики Беларусь, 2005: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Мн., 2005. – 782 с.

¹⁴ Регионы Республики Беларусь, 2009: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2009. – 870 с.

¹⁵ Регионы Республики Беларусь, 2010: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2010. – 800 с.

прирост в г. Минск сократился более чем в два раза по отношению к 2010–2014 гг., а по отношению к 2005–2009 гг. – почти в три раза. В последние годы стремительно увеличивались потоки внутренних мигрантов в Минскую область. Так, если с 2000 г. по 2014 г. Минская область в среднем в год теряла 1 тыс. чел., то за последние пять лет прирост составил в среднем 6,7 тыс. чел. в год. Максимальный приток населения в область был зафиксирован в 2019 г. – сальдо миграции составило 7,7 тыс. чел.

Таблица 1

Миграционный прирост населения регионов Беларуси, чел.

Table 1

Migration growth of the population of the regions of Belarus, pers.

Области	2000-2004	2005-2009	2010-2014	2015-2019	2000-2019
Брестская	-13 663	-15 816	-17 504	-16 040	-63 023
Витебская	-11 531	-12 035	-7 404	-11 453	-42 423
Гомельская	-11 341	-10 976	-11 447	-14 984	-48 748
Гродненская	-12 647	-16 800	-12 809	-8 623	-50 879
г. Минск	70 583	79 142	65 708	27 336	242 769
Минская	-7 576	-6 224	-1 639	33 556	18 117
Могилевская	-13 825	-17 291	-14 905	-9 792	-55 813

Источники: Сайт национального статистического комитета Республики Беларусь; Статистический сборник^{16 17 18 19}.

* Расчетные данные автора.

Итак, внутренняя миграция Республики Беларусь имеет центростремительный характер, что видно из рисунков 4–7. Механический прирост Минской области происходил за счет всех областей. В то же время население г. Минска пополнялось как за счет мигрантов, прибывающих непосредственно из областей страны, так и тех, кто сначала переехал в Минскую область из всех других областей, а затем в столицу.

Движение населения между остальными областями значительно менее интенсивное. Так, Брестская область теряла население со всеми областями, кроме Могилевской (см. рис. 4). В течение 2000–2019 гг. из области выбыло более 241 тыс. чел., прибыло на 59,5 тыс. чел. меньше. Самые значительные миграционные потоки, как и в других областях, были направлены в г. Минск и Минскую область. Согласно данным официальной статистики за исследуемый период, в столицу и столичный регион выбыло более 157 тыс. чел. Важно отметить, что миграционный отток населения из Брестской области в г. Минск и Минскую область больше, чем у всех остальных областей (Витебской, Гомельской, Гродненской, Могилевской). Миграционные потоки населения за последние двадцать лет из Брестской области в Гомельскую составили 22,5 тыс. чел., в Гродненскую – 37,6 тыс. чел., в Витебскую – 13,2 тыс. чел. Итого, с Гомельской, Витебской и Гродненской областями Брестская область потеряла около

¹⁶ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁷ Регионы Республики Беларусь, 2005: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Мн., 2005. – 782 с.

¹⁸ Регионы Республики Беларусь, 2009: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2009. – 870 с.

¹⁹ Регионы Республики Беларусь, 2010: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2010. – 800 с.

2,3 тыс. чел. В миграционном обмене с Могилевской областью Брестская увеличилась на 444 чел.

Рис. 4. Миграционные связи Брестской и Гродненской областей (2000–2019 гг.)
Fig. 4. Migration relations of the Brest and Grodno regions (2000–2019)

Источники: Сайт национального статистического комитета Республики Беларусь; Статистический сборник^{20 21 22 23}.

* Расчетные данные автора.

²⁰ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 20.05.2020).

²¹ Регионы Республики Беларусь, 2005: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Мн., 2005. – 782 с.

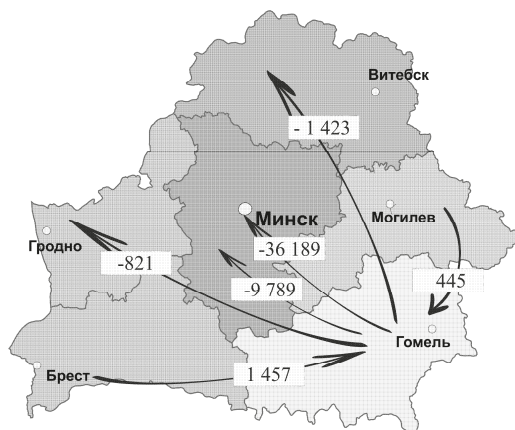
²² Регионы Республики Беларусь, 2009: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2009. – 870 с.

²³ Регионы Республики Беларусь, 2010: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2010. – 800 с.

Минская область (без г. Минска)

Гомельская область

Рис. 5. Миграционные связи Минской и Гомельской областей (2000–2019 гг.)
Fig. 5. Migration relations of the Minsk and Gomel regions (2000–2019)

Источники: Сайт национального статистического комитета Республики Беларусь; Статистический сборник^{24 25 26 27}.

* Расчетные данные автора.

²⁴ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 20.05.2020).

²⁵ Регионы Республики Беларусь, 2005: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Мн., 2005. – 782 с.

²⁶ Регионы Республики Беларусь, 2009: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2009. – 870 с.

²⁷ Регионы Республики Беларусь, 2010: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2010. – 800 с.

Рис. 6. Миграционные связи Витебской и Могилевской (2000–2019 гг.)
Fig. 6. Migration relations of Vitebsk and Mogilev regions (2000–2019)

Источники: Сайт национального статистического комитета Республики Беларусь; Статистический сборник^{28 29 30 31}.

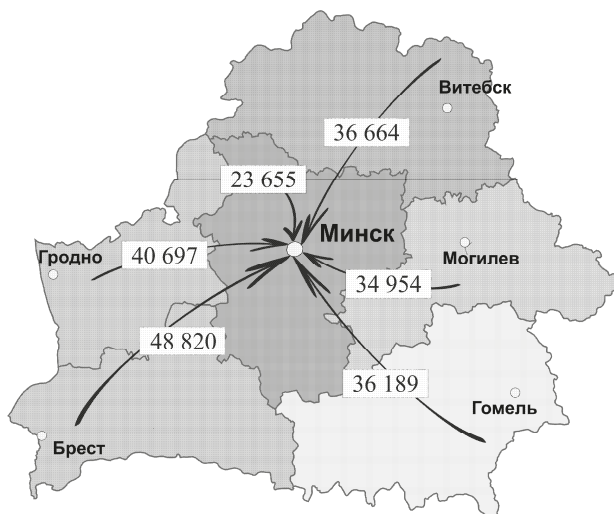
* Расчетные данные автора.

²⁸ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 20.05.2020).

²⁹ Регионы Республики Беларусь, 2005: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Мн., 2005. – 782 с.

³⁰ Регионы Республики Беларусь, 2009: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2009. – 870 с.

³¹ Регионы Республики Беларусь, 2010: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2010. – 800 с.

Рис. 7. Миграционные связи г. Минска (2000–2019 гг.)
Fig. 7. Migration relations of Minsk (2000–2019)

Источники: Сайт национального статистического комитета Республики Беларусь; Статистический сборник^{32 33 34 35}.

* Расчетные данные автора.

Единственная область, численность которой пополнилась за счет всех остальных областей (кроме Минской области и г. Минска) в течение исследуемого периода – это Гродненская (см. рис. 4). Так, из Брестской области в Гродненскую прибыло 37,5 тыс. чел., из Витебской – 9 тыс. чел., из Гомельской – 9 тыс. чел., из Могилевской – 6,5 тыс. чел. Суммарно за счет Брестской, Витебской, Гомельской и Могилевской областей Гродненская приросла на 2,4 тыс. чел. Отток населения из области в столичный регион составил: 94,9 тыс. чел. в – г. Минск и 38,2 тыс. чел. – в Минскую область. Итого, со столичным регионом Гродненская область потеряла 50,4 тыс. чел. (сальдо миграции).

Численность населения Гомельской области за последние двадцать лет потеряла за счет внутренних миграций более 46 тыс. чел. (сальдо миграции) (см. рис. 5). Как отмечалось выше, наибольшее число граждан выбыло в г. Минск и Минскую область: 81,4 тыс. чел. и 29,7 тыс. чел. соответственно. Приток внутренних мигрантов наблюдался из Могилевской и Брестской областей, так за счет этих областей Гомельская область приросла на 1,9 тыс. чел. (сальдо миграции). Отток населения происходил в Витебскую и Гродненскую области и суммарно составил 2,2 тыс. чел. (сальдо миграции).

³² Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 20.05.2020).

³³ Регионы Республики Беларусь, 2005: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Мн., 2005. – 782 с.

³⁴ Регионы Республики Беларусь, 2009: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2009. – 870 с.

³⁵ Регионы Республики Беларусь, 2010: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2010. – 800 с.

Витебская область, так же, как и Брестская, Гомельская, Гродненская и Могилевская области, имела отрицательное сальдо миграции, которое составило за 2000–2019 гг. 39,3 тыс. чел. (см. рис. 6). За счет движения населения в Центрально-столичный регион численность области сократилась на 46,2 тыс. чел.; пополнилось за счет Могилевской, Гомельской и Брестской областей на 6,3 тыс. чел.

В Могилевской области отмечена наиболее негативная ситуация в миграционном плане – эта область теряла население со всеми остальными регионами (см. рис. 6). Наибольшее число населения выбыло в г. Минск и Минскую область – около 110,7 тыс. чел. Отток населения в Витебскую область составил более 32,9 тыс. чел., в Гродненскую – 7,4 тыс. чел., в Гомельскую – 35,1 тыс. чел., в Брестскую – 11,4 тыс. чел.

Таблица 2

**Индекс миграционной привлекательности областей
Республики Беларусь и г. Минска**

Table 2

Index of migration attractiveness of the regions of the Republic of Belarus and Minsk

Области	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Брестская	0,65	0,69	0,71	0,62	0,62	0,64	0,66	0,63	0,65	0,67	0,64	0,66
Витебская	0,68	0,70	0,69	0,67	0,75	0,65	0,67	0,67	0,63	0,61	0,60	0,62
Гомельская	0,77	0,78	0,75	0,72	0,75	0,74	0,73	0,70	0,66	0,68	0,67	0,69
Гродненская	0,71	0,75	0,71	0,67	0,70	0,76	0,77	0,71	0,74	0,75	0,74	0,75
г. Минск	1,20	1,21	1,20	1,34	1,21	1,22	1,26	1,26	1,33	1,32	1,32	1,25
Минская	0,98	0,87	0,93	1,00	0,98	0,95	1,03	1,04	0,97	1,00	0,96	1,01
Могилевская	0,67	0,66	0,69	0,62	0,65	0,65	0,63	0,59	0,63	0,64	0,61	0,63

Источники: Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]; Статистический сборник.^{36 37 38 39}

* Расчетные данные автора.

Результаты расчета индекса миграционной привлекательности областей Беларуси и г. Минска представлены в таблице 2. Ожидаемо самые высокие значения ИМП отмечены в г. Минске и Минской области – в среднем за последние двенадцать лет 1,26 (г. Минск) и 0,98 (Минская область). ИМП остальных регионов значительно уступает столице и области: в среднем ИМП Гродненской области за период 2008–2019 гг. составил 0,73; ИМП Гомельской области – 0,72; ИМП Витебской – 0,66; ИМП Брестской – 0,65; ИМП Могилевской – 0,64. Как видим, значения индекса миграционной привлекательности коррелируют с фактическими миграционными потоками внутри страны. То есть наибольшей популярностью пользуются регионы, имеющие наиболее высокий ИМП (г. Минск и Минская область).

³⁶ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 20.05.2020).

³⁷ Регионы Республики Беларусь, 2005: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Мн., 2005. – 782 с.

³⁸ Регионы Республики Беларусь, 2009: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2009. – 870 с.

³⁹ Регионы Республики Беларусь, 2010: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2010. – 800 с.

Результаты

Обобщая результаты проведенного автором статьи исследования, можно отметить следующее. Внутренняя миграция доминировала в миграционных потоках страны – на ее долю приходилось около 91,5% всех перемещений за исследуемый период. Подтверждением чему является рост коэффициента интенсивности внутриреспубликанской миграции с 18,46 промилле в 2000 г. до 25,55 промилле в 2019 г. Большая часть перемещения населения происходила внутри областей, в среднем доля внутриобластной миграции составляла 54,3% оборота всей миграции. Основная доля внутренних перемещений – это миграционные потоки из города в город (40%). Сохранялась ситуация оттока населения из села в город (в среднем из села в город ежегодно уезжало около 16,4 тыс. чел.). Тем не менее, начиная с 2016 г., отмечена новая тенденция – прирост сельского населения в город сократился и составил в 2016 г. 10,4 тыс. чел.; в 2017 г. – 3,3 тыс. чел.; в 2018 г. – 10,4 тыс. чел.; в 2019 г. – 9,9 тыс. чел.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что внутренняя миграция Республики Беларусь имела центростремительный характер – основная доля миграционных потоков приходилась на г. Минск и Минскую область. Их механический прирост шел за счет всех областей, г. Минск также пополнялся за счет населения, которое изначально прибыло в Минскую область, а затем в столицу. При этом за последнее пятилетие миграционный прирост столицы сократился (в два раза по отношению к 2010–2014 гг., а по отношению к 2005–2009 гг. почти в три раза) – это еще одна новая тенденция.

Стоит отметить, что фактические потоки населения внутри страны, направленные в большинстве своем в столицу и столичный регион, коррелируют с индексом миграционной привлекательности регионов. Самые высокие значения данного индекса зафиксированы в г. Минске и Минской области. Это также свидетельствует о том, что ведущим мотивом внутренних миграций населения является экономический.

Учитывая сложившуюся миграционную ситуацию, можно говорить о том, что осуществляемые мероприятия, в частности, ряд принятых законодательных актов, регулирующих проблемы внутренней миграции, имеют определенный результат. Подтверждением чему являются выделенные нами новые тенденции внутренней миграции в Республике Беларусь: сокращение оттока населения из села и замедление темпов роста населения г. Минска. Исходя из этого, можно рекомендовать расширять и укрупнять комплекс мероприятий, меняющих оценку населением, прежде всего молодежью, социально-экономических условий жизни на селе и в отстающих регионах. Продолжать развитие регионов путем создания новых производств и, как следствие, создание дополнительных рабочих мест. Содействовать развитию предпринимательской активности на селе и в отстающих регионах. Реализация комплекса таких мероприятий будет способствовать дальнейшему устойчивому социально-экономическому развитию страны.

Список литературы

Рыбаковский Л. Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. – 2016. – № 12. – С. 78–83.

Тихонова Л. Е. Демография Беларуси: Учеб. пособие / Л. Е. Тихонова – Минск: БГУ, 2004. – 255 с.

Шахотько Л. П. Миграционные процессы в Республике Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 5. – С. 16–28.

Антипова Е. А. Региональные особенности демографического развития Республики Беларусь // Состояние и перспективы демографического развития Республики Беларусь / Под общ. ред. Т. Н. Мироновой, С. В. Рязанцева. – Мн., 2017. – С. 100–122.

Миграция населения Республики Беларусь / М. И. Артюхин [и др.] / Под общ. ред. Г. М. Евелькина; Ин-т социологии, Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Беларус. наука, 2008. – 182 с.

Фокеева Л. В. Экономико-географические факторы и региональные тенденции депопуляции сельской местности Беларуси: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. – Минск, 2009.

Кельник А. В. Регулирование внутренней миграции населения в аспекте регионального развития Республики Беларусь / А. В. Кельник. – Минск: Беларуская навука, 2012. – 160 с.

Петракова Ю. Н. Миграция в Беларуси // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / Ответственные редакторы: Палади Г. А., Шахотько Л. П., Гагауз О. Е. – Кишинев: Штиинца, 2010. – С. 246–270.

Демография для практических работников. Методические рекомендации для специалистов органов исполнительной власти субъектов РФ / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2014. – 254 с.

Моденов В. А., Носов А. Г. Россия и миграция. История, реальность, перспективы. – М.: Прометей, 2004. – Изд. 2-е. – 328 с.

Драгун М. В. Оценка внутренней безвозвратной миграции в Республике Беларусь // Журнал международного права и международных отношений. – 2020. – № 3–4 (94–95). – С. 104–111.

Сведения об авторе:

Драгун Мария Витальевна, старший преподаватель кафедры международного менеджмента экономического факультета БГУ, Минск, Республика Беларусь.

Контактная информация: e-mail: dragun.maria.v@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6840-6483.

Статья поступила в редакцию 15.02.2021; принята в печать 08.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

TRENDS IN INTERNAL MIGRATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Maria V. Dragun,

Belarus State University, Minsk, Belarus

E-mail: dragun.maria.v@gmail.com

For citation: Maria V. Dragun. Trends in internal migration in the Republic of Belarus. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 3. P. 53–66. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.5

Abstract. The article presents the main trends of internal irrevocable migration in the Republic of Belarus. The normative legal acts regulating the studied problems are considered, in particular, information is provided on the approval of the project “Village of the Future”; a development plan for regions lagging behind in socio-economic development; measures to promote the development of entrepreneurial activity in rural areas. The assessment of the existing internal migration flows in the Republic of Belarus over the past twenty years has been carried out by studying and analyzing official statistical data posted on the website of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus. The intensity coefficient of intra-republican migration is calculated, which allows determining the dynamics of the migration movement, regardless of changes in the population. In order to identify the position of a particular region and the city of Minsk relative to the country as a whole, calculations of the migration attractiveness index were carried out. The population movements between territorial units and in the directions (“city – city”, “city – village”, “village – city”, “village – village”) are analyzed. It is concluded that in the study period, migration flows from city to city prevail, and the outflow of population from village to city continues, but since 2016, the intensity of urban growth at the expense of the rural population has decreased, which is a new trend. Migration relations between the regions of the Republic of Belarus have been studied and analyzed, illustrations have been developed that clearly reflect the population flows within the country. Based on the analysis, the conclusion is formulated that internal migration in the Republic of Belarus has a centripetal character, since the main share of migration flows falls on the metropolitan-central region. It is revealed that this direction of internal migration flows correlates with the index of migration attractiveness (hereinafter-IMP). It is established that the population growth of the city of Minsk and the Minsk region occurs at the expense of all regions (Brest, Vitebsk, Gomel, Grodno,

Mogilev); in turn, the city of Minsk is also replenished at the expense of the population that originally arrived in the Minsk region. The author has recorded another trend – the migration increase to the capital has decreased over the past five years. Based on the results of the study, the author came to the conclusion that further work is needed to expand and consolidate the set of measures aimed at improving the socio-economic living conditions in the regions and rural areas.

Keywords: migration, internal migration, interregional migration, intraregional migration, migration flows, coefficient of intensity of intra-republican migration, migration increase, migration decline, migration balance, migration attractiveness index.

References

Rybakovsky L. L. To clarify the concept of “population migration”. *Sociological research*. 2016. No. 12. P. 78–83. (In Russ.).

Tikhonova L. E. *Demografiya Belarusi: Ucheb. posobie* [Demography of Belarusians: Textbook]. – Minsk: BSU, 2004. – 255 p. (In Russ.).

Shakhotko L. P. Migracionny`e processy` v Respublike Belarus` [Migration Processes in the Republic of Belarus]. *Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodny`x otnoshenij*. 2000. No. 5. P. 16–28. (In Russ.).

Antipova E. A. Regional`ny`e osobennosti demograficheskogo razvitiya Respubliki Belarus` [Regional features of demographic development of the Republic of Belarus]. State and prospects of demographic development of the Republic of Belarus. Ed. by T. N. Mironova, S. V. Ryazantsev. – Minsk, 2017. P. 100–122. (In Russ.).

Migraciya naseleniya Respubliki Belarus` [Migration of the population of the Republic of Belarus]. M. I. Artyukhin [et al.]; under the general editorship of G. M. Evelkin; Institute of Sociology, Nats. Academy of Sciences of Belarus. Minsk: Belorusskaya nauka, 2008. 182 p. (In Russ.).

Fokeeva L. V. E`konomiko-geograficheskie faktory` i regional`ny`e tendencii depopulyacii sel`skoj mestnosti Belarusi. [Economic and geographical factors and regional trends of rural depopulation in Belarus]: dis. candidate of Geographical Sciences: 25.00.24. L. V. Fokeeva. Minsk, 2009. (In Russ.).

Kel`nik A. V. Regulirovanie vnutrennej migracii naseleniya v aspekte regional`nogo razvitiya Respubliki Belarus` [Regulation of internal migration of the population in the aspect of regional development of the Republic of Belarus]. Minsk: Belorusskaya nauka, 2012. 160 p. (In Russ.).

Petrakova Yu. N. Migraciya v Belarusi [Migration in Belarus]. The main challenges of demographic security: similarities and differences in Moldova and Belarus. Responsible editors: Paladi G. A., Shakhotko L. P., Gagauz O. E. Chisinau: Stiinza, 2010. P. 246–270. (In Russ.).

Demografiya dlya prakticheskix rabotnikov [Demography for practitioners]. Methodological recommendations for specialists of executive authorities of the subjects of the Russian Federation. Edited by L. L. Rybakovsky. M.: Ekon-Inform, 2014. 254 p. (In Russ.).

Modenov V. A., Nosov A. G. Rossiya i migraciya. Istoriya, real`nost`, perspektivy. [Russia and migration. History, reality, prospects]. M.: Prometheus, 2002. 328 p. (In Russ.).

Dragun M. Internal Non-Return Migration in the Republic of Belarus. *Journal of International Law and International Relations*. 2020. No. 3–4 (94–95). P. 105–111. (In Russ.).

Bio note:

Maria V. Dragun,

Senior Lecturer of International Management Department at Economic Faculty of Belarus State University, Minsk, Belarus.

Contact information: e-mail: dragun.maria.v@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6840-6483.

Received on 15.02.2021; accepted for publication on 08.05.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КНР ПО РАЗВИТИЮ ГОРОДОВ (1949–2020 ГГ.): ИСТОРИКО-РЕГИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Макеева С. Б.,

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: msbmag9581@yandex.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.6

Для цитирования: Макеева С. Б. Государственная политика КНР по развитию городов (1949–2020 гг.): историко-региональные и социально-демографические особенности // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 67–77. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.6

Аннотация. Введение. Хронологические рамки исследования включают в себя период развития Китайской Народной Республики с 1949 г. по настоящее время, когда формировалась государственная политика по отношению к крупным, средним и малым городам, которая оказала значительное влияние на социально-экономические преобразования Китая. Цели и задачи исследования: необходимо рассмотреть особенности реализации государственной политики КНР в 1949–2020-е гг. по отношению к развитию городских районов, регулированию процесса урбанизации.

Материалы и методы. Статья написана на основе источников по экономической истории КНР: материалов пятилетних планов, документов Государственного совета и Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. В исследовании использовались такие специальные исторические методы, как проблемно-хронологический и ретроспективный.

Результаты. В истории государственной политики Китая по отношению к развитию городов можно выделить два основных этапа: 1. Начальный период управления городским строительством (1949–1976 гг.), когда были сформированы основные промышленные городские центры КНР; 2. Период управления городским строительством в Китае после начала политики «реформ и открытости» (с 1978 г. по настоящее время), когда города стали выступать в качестве основных «полюсов развития» близлежащих территорий. На протяжении 70-летней истории китайский город стал выступать центром народнохозяйственного развития и региональной экономики. В городах были сформированы современная производственная база, модернизированные образовательные, научно-технологические центры. Государственная политика в области развития городских районов регулировалась не только пятилетними планами, как на протяжении всей истории КНР, но и такими важными документами, как «Общегосударственная программа урбанизации нового типа на 2014–2020 гг.», «План развития городской агломерации в среднем течении реки Янцзы» от 2015 г., «План по строительству 19 городских агломераций в Центральном, Западном и Северо-Восточном регионах» от 2016 г.

Выводы. Сформированная государственная политика Китая по отношению к городским районам на современном этапе продиктована задачами соразвития городских и сельских районов, принципами построения экологической цивилизации, нормами устойчивого регионального развития, требованиями модернизационных экономических изменений в интересах «социализма с китайской спецификой», а также целями реализации обновленной стратегии скоординированного регионального развития.

Ключевые слова: государственная политика, города, Китай, урбанизация, городские агломерации, экологическая цивилизация, устойчивое развитие.

Введение

В социально-экономической истории Китая период 1949–2020-е гг. стал этапом становления и реализации государственной политики в отношении крупных, средних и малых городов КНР, оказавшей влияние на основные отрасли народного хозяйства, формирование транспортно-логистической системы, соразвитие городских

и сельских районов. На протяжении более чем 70-летней истории китайские города являлись «полюсами роста» региональной экономики. Политика «реформ и открытости» оказала влияние на формирование в городах современной производственной базы. Города превратились в модернизированные образовательные, научно-технологические центры, основные носители информационной экономики и экономики знаний в китайских макрорегионах. Цель работы – рассмотреть особенности реализации государственной политики КНР по отношению к городам (1949–2000-е гг.), выявить историко-региональные, социально-демографические тенденции городского развития Китая.

В настоящее время в КНР проблемы государственного регулирования китайских крупных агломераций целенаправленно изучаются в рамках деятельности таких ведущих «мозговых центров», как Центр исследований проблем развития при Госсовете КНР «国务院发展研究中心», Китайская Ассоциация зон развития «中国开发区协会», Институт территориального развития и региональной экономики «区域经济研究所», Центр градостроительства и экологических исследований Китайской академии общественных наук Китая «中国社会科学院城市发展与环境研究中心».

Тема реализации государственной политики Китая по отношению к городам в основном исследована в трудах китайских ученых с опорой на источники по программам развития городских районов. Анализ влияния региональной промышленной политики на развитие крупных, средних и малых городов КНР представлен в работах Ли Чуншэна, Цяо Идэ. Изучение механизма управления урбанизационными процессами и внедрение проекта «Новая урбанизация 4.0.» (新型城镇化4.0.) в ходе реализации стратегии скоординированного пространственного развития КНР (с 1999 г. по настоящее время) «新区域协调发展战略» находит отражение в работах Ся Юна, Лю Яньпина, Гу Жуна.

Особенности развития государственной политики Китая по отношению к городам в 1949–2020-е гг. позволяют проанализировать историко-региональные и социально-демографические тенденции развития городских районов КНР.

Методология и методы исследования, источники информации

Основными методами исследования при подготовке статьи являлись проблемно-хронологический и ретроспективный, которые позволили изучить историю развития государственной политики КНР по отношению к городам в последовательности с основными направлениями социально-экономического развития Китая.

В статье использованы основные исторические источники, характеризующие систему государственной политики Китая в 1949–2020-е гг.: пятилетние планы национального социально-экономического строительства (1953–1957, 1958–1962, 1966–1970, 1971–1975, 1976–1980, 1981–1985, 1986–1990, 1991–1995, 1996–2000, 2001–2005, 2006–2010, 2011–2015, 2016–2020), а также статистические сборники, отражающие городское развитие Китая и предоставляющие показатели по всем основным городам КНР, основные документы ЦК КПК и Государственного совета по городским преобразованиям.

Результаты

Основные этапы реализации государственной политики Китая по отношению к городам

В истории государственной политики КНР по развитию городских районов можно выделить несколько этапов:

1. Начальный период управления городским строительством (1949–1976 гг.).

Большинство городов в первые дни после основания Китайской Народной Республики имели слабую промышленную основу и нерациональную структуру расположения. Мероприятия по улучшению городского хозяйства не проводились, а условия проживания для городских жителей были плохими. Степень урбанизации была очень низкой, а региональное развитие было неравномерным. Городская инфраструктура не была развита и не соответствовала современным требованиям той эпохи. Начиная с 1949 г. стала проводиться работа по восстановлению городов, и центральное правительство стало уделять пристальное внимание развитию городских районов. На данном этапе в государственной политике по развитию городских районов была использована модель Советского Союза по управлению социалистическим городским строительством (1953–1957 гг.), модель управления городским строительством на этапе «Большого скачка» (1958–1962 гг.). Во время «Культурной революции» (1966–1976 гг.) было характерно нарушение правил градостроительства и управления развитием городских районов.

В ходе применения опыта Советского Союза по развитию плановой экономики промышленная и пространственная структура китайских городов значительно изменилась. Осуществлялась государственная политика по превращению «потребляющих городов» в «промышленные города» (变消费城市为生产性城市), где городская промышленность становилась определяющим фактором в развитии городских районов по всей стране. Внутри городов размещалось большое количество малых и средних промышленных предприятий, включая небольшие уличные фабрики, в то время как крупные предприятия тяжелой промышленности были расположены на окраине города, формируя при этом концентрированные промышленные районы. Постепенно ослабевали функции городов как центров торговли и оказания услуг. Развитие городских районов осуществлялось по методу «советского образца» (联模式), в котором придавалось большое значение выполнению разных функций отдельного города: административная, промышленная, коммерческая, бытовая. Китайские специалисты, приступая к городскому строительству, осуществляли всестороннее изучение государственной политики Советского Союза по развитию городов. Кроме того, советские специалисты, которые в рамках оказания консультативной помощи в индустриальном строительстве КНР в 1950-е гг., приезжали и на месте помогали китайским рабочим осуществлять городское строительство. Придавалось большое значение сбору и анализу различной базовой информации о городе, определялся характер городского строительства. Генеральный проект строительства города часто включал многочисленные центральные городские площади и подчеркивал симметричную ось системы городских дорог. Поэтому государственная политика по развитию городов в 1950-е гг. осуществлялась при помощи советских специалистов [Gu Rong, 2015].

Политика Китая в отношении развития городских районов и строительства городов на этапе «Большого скачка» (1958–1962 гг.) соответствовала принципам «вырваться вперед» («一马当先») и «мчаться словно десять тысяч коней» («万马奔腾»), т. е. в неудержимом порыве стремиться вперед в развитии промышленности. В сложившихся условиях Министерство строительства и промышленности выступило с призывом «использовать политику «Большого скачка» в городском промышленном строительстве» (用城市建设的大跃进来适应工业建设的大跃进). В короткие сроки во многих китайских городах были быстро пересмотрены и составлены новые проекты городского строительства. В результате наблюдался рост количества городов и уве-

личивалось городское население. Быстрыми темпами развивалась городская и сельская промышленность. Возле таких крупных городов, как Шанхай, Нанкин, Наньчан было предусмотрено строительство большого количества городов-спутников («卫星城市»). Результаты «быстрого строительства», создания народных коммун и других мероприятий политики «Большого скачка» оказали негативное влияние на развитие городских районов и строительство городов. Из-за роста промышленного строительства масштабы городов были значительно расширены. В период с 1960 по 1962 гг., когда китайское государство переживало сложные времена, центральное правительство объявило о решении не развивать градостроительство. Примером государственной политики по развитию городов в период начала 1960-х гг. являлось строительство города Паньчжихуа, в котором по оценкам китайских исследователей была проигнорирована рациональная схема развития городских районов.

Во время «Культурной революции», начавшейся в 1966 г., развитие городских районов и строительство городов было приостановлено. В 1967 г. государством была прекращена реализация генерального плана города Пекина и строительство проводилось без четкого соответствия проектам. К 1968 г. департаменты по развитию и строительству городов во многих городах Китая были упразднены. В результате многие живописные и исторические места, сады и зеленые насаждения в городах были заселены или разрушены. Распространилась хаотичная городская застройка, что привело к необратимым последствиям в будущем. За период «Культурной революции» было составлено всего лишь два проекта по строительству городов: первый – застройка металлургических районов города Паньчжихуа, разработанный в связи с региональной концепцией «трех линий строительства» («三线建设»), другой – общий проект реконструкции и восстановления нового города Таншаня в провинции Хэбэй, пострадавшего из-за землетрясения [Li Chunsheng, 2016].

2. Период управления городским строительством в Китае после начала политики «реформ и открытости» (с 1978 г. по настоящее время).

С 1978 г. государственная политика по развитию городских районов вступила в новый этап, когда практика рационального городского строительства стала активно расширяться в целях модернизационных изменений и построения «социализма с китайской спецификой». В марте 1978 г. по инициативе Государственного совета была проведена Третья Общегосударственная рабочая встреча по вопросам разработки руководящих принципов городского строительства. На данном заседании была определена ключевая роль городов в развитии национальной экономики, а также указывалось на острую необходимость регулирования масштабов городского строительства. В октябре 1980 г. прошла еще одна общегосударственная рабочая конференция по городскому строительству, где был раскритикован период отказа от рациональной застройки городов. Государственная политика по развитию городов после начала политики «реформ и открытости» предусматривала реализацию принципа «контроля за масштабом крупных городов, рационального развития средних городов и активное строительство малых городов» (控制大城市规模、合理发展中等城市、积极发展小城市). В декабре 1980 г. были сформулированы новые технические правила для городского строительства, которые были апробированы до 1983 г. в таких китайских городах, как Гуйлинь, Гуанчжоу, Шанхай.

В начале XXI в. государственная политика Китая по управлению городским строительством характеризовалась разработкой стратегических направлений развития городских районов в условиях устойчивого развития построения экологиче-

ской цивилизации, соблюдая сбалансированность и соразвитие между городскими и сельскими районами, ориентируясь на модернизацию промышленной структуры и внедрение высоких технологий, обеспечение экономических выгод и социального благосостояния.

Согласно Одиннадцатому пятилетнему плану (2006–2010 гг.), приоритетными направлениями развития городских районов в Китае стали скоординированное соразвитие больших, средних и малых городов, формирование «урбанизации с китайскими особенностями», информатизация и модернизация городских и сельских районов.

В декабре 2013 г. в Пекине прошла Центральная рабочая конференция по вопросам урбанизации. Генеральный секретарь Си Цзиньпин выступил на встрече с важной речью. Премьер Ли Кэцян выдвинул основные направления урбанизации и предложил конкретные варианты содействию урбанизации. Участники совещания отметили, что урбанизация – это единственный путь к модернизации. Урбанизация является важным способом решения проблем сельского хозяйства, развития сельских районов, решительной поддержкой для содействия скоординированному региональному развитию и важной отправной точкой для расширения внутреннего спроса и содействия модернизации промышленности. Необходимо способствовать урбанизации, улучшать качество городской жизни, содействовать упорядоченной реализации урбанизации [Qiao Yide, 2012].

Значение принятия «Общегосударственной программы урбанизации нового типа на 2014–2020 гг.» (国家新型城镇化规划 2014–2020)

В 2014 году Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет одобрили «Общегосударственную программу урбанизации нового типа на 2014–2020 гг.» (国家新型城镇化规划 2014–2020), в которой указывалось, что «урбанизация – это естественный исторический процесс, в котором несельскохозяйственные отрасли концентрируются в городах, а население из сельских районов сосредоточено в больших и малых городах. Это объективное развитие человеческого общества. Урбанизация является важным символом национальной модернизации, это мощный двигатель для поддержания устойчивого экономического развития, важная отправная точка для ускорения трансформации и модернизации промышленной структуры, ключевой способ решения сельскохозяйственных проблем, сильная опора для содействия скоординированному региональному развитию» [Xia Yong, 2018]. С момента принятия, «Общегосударственная программа урбанизации нового типа» стала основной программой содействия развитию городских районов, и процесс урбанизации в Китае еще более ускорился. Данный документ определял основные направления государственной политики по развитию городов в современный период.

За последние десятилетия в развитии городских районов Китая возникали следующие проблемы:

1. Сложная социальная интеграция в городскую среду мигрантов из сельских районов.
2. Быстрый рост «земельной урбанизации» (土地城镇化), когда городское строительство охватывает большие площади земельных участков, а плотность населения застроенных территорий невысока. С 1996 по 2019 гг. площадь строительных площа-

док в Китае увеличивалась в среднем на 7,24 млн му¹ в год, из которых площадь земельных участков под городские застройки увеличилась на 3,57 млн му.

3. Нерациональная пространственная структура городов, несоответствующая нагрузке на земельные и природные ресурсы.

4. Постоянные серьезные пробки на дорогах, трудности с общественной безопасностью, рост мусора в городах.

5. Недостаточная охрана природного, исторического и культурного наследия в городских районах, отсутствие отличительных черт в архитектуре городского и сельского строительства [Gu Rong, 2015].

В принятой «Общегосударственной программе урбанизации нового типа на 2014–2020 гг.» значительное внимание уделялось развитию крупных агломераций в основных макрорегионах КНР. Ключевыми проблемами на пути развития городских агломераций в Восточном регионе являлось растущее давление на водные, земельные ресурсы и окружающую среду, поэтому центральными задачами осуществления политики развития городских агломераций было: 1) ускорение экономических преобразований и модернизация; 2) оптимизация пространственной структуры; 3) рациональное использование природных и земельных ресурсов; 4) качество окружающей среды.

Наиболее динамичными, открытыми, инновационными и привлекающими большинство мигрантов из других районов Китая выступали городские агломерации Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй, дельты реки Янцзы и дельты реки Жемчужной (Чжуцзян). Государственная политика была направлена на создание крупных городских агломераций мирового уровня, внедряя инновации в городскую инфраструктуру, стремиться к лидерству с точки зрения технического прогресса, модернизации промышленности и «зеленого развития». Другие городские агломерации в Восточном регионе должны были развивать промышленность, стратегические новые отрасли и современные сферы услуг, способствовать развитию морской экономики, в полной мере используя преимущества местоположения, и всесторонне повышать уровень «открытости» [Liu Yanping, 2017]. В ходе реализации государственной политики по развитию городских агломераций в Центральном и Западном регионах предполагалось, что города станут играть роль «полюсов развития» и тем самым начнут привлекать рабочих-мигрантов с Востока страны. Планировалось проводить дальнейшую работу по развитию крупных городских агломераций Чэнду и Чунцин (成渝), городских агломераций на Центральной равнине и вдоль реки Янцзы, чтобы сделать их важными «полюсами роста» для содействия сбалансированному развитию пространства и регионального экономического развития. Государственная политика была направлена на усиление открытости для внешнего мира, организацию переноса некоторых отраслей промышленности из восточных прибрежных районов, развитие городской инфраструктуры и «Экономического пояса Шелкового пути», а также содействие региональному сотрудничеству со странами Центральной Азии. Ключевыми задачами по развитию городов на территории Центрального и Западного регионов являлись защита сельскохозяйственных угодий, водных ресурсов, осуществление строгого контроля за беспорядочным расширением границ городов, выбросами загрязняющих веществ, укрепление экологической защиты городских пространств [History..., 2019].

В апреле 2015 г. Государственный совет одобрил «План развития городской агломерации в среднем течении реки Янцзы» (长江中游城市群发展规划), который

¹ Му – традиционная китайская мера площади, в настоящее время равная 1/15 гектара.

выступал первым межрегиональным планом городской агломерации, одобренным в рамках выполнения «Общегосударственной программы урбанизации нового типа на 2014–2020 гг.». Городская агломерация в среднем течении реки Янцзы официально позиционировалась китайским правительством как район урбанизации нового типа в Центральном и Западном регионах Китая, как новый «полюс роста» регионального экономического развития, образцово-показательная зона (示范区) внутреннего межрегионального сотрудничества и ведущая территория для построения ресурсосберегающего и экологически чистого общества [Shi Bihua, 2017].

Городская агломерация в среднем течении реки Янцзы представляет собой сверхкрупную городскую агломерацию, объединяющую городские агломерации Ухань, Чанша, Чжучжоу и Сянтань и городскую агломерацию озера Поянху. Это опорный каркас пространственного развития, содействующий реализации стратегии «Подъема Центрального региона» и углубления политики «реформ и открытости». Он занимает важное место в модели регионального развития Китая. Поэтапная реализация Плана развития городской агломерации в среднем течении реки Янцзы предполагала скоординированное соразвитие городских и сельских районов, укрепляя статус Уханя, Чанши и Наньчана как центральных городов, развивая ключевые направления межрегионального сотрудничества, такие как Шанхай-Куньмин, Пекин-Гуанчжоу. Кроме того, план предусматривал строительство основной инфраструктуры, включающей транспортно-логистическую сеть, водное хозяйство, энергетическую систему и центры информационных технологий. В рамках развития данной сверхкрупной городской агломерации предполагалось согласованное развитие отраслей народного хозяйства, когда наряду с промышленными кластерами, создаются современные кластеры сферы услуг, расширяются модернизированные базы сельского хозяйства. При этом предполагалось соблюдать принципы построения экологической цивилизации. В целях обеспечения своевременного выполнения всех этапов реализации «Плана развития городской агломерации в среднем течении реки Янцзы» ведущая роль отводилась эффективному руководству, надзору и контролю за выполнением положений плана [Glorious..., 2019].

После начала реализации в КНР политики «реформ и открытости» в 1978 г. экономическое развитие китайских регионов было сосредоточено на максимальном использовании ресурсов окружающей среды в целях осуществления модернизационных изменений и построения «социализма с китайской спецификой» [Makeeva, 2020]. Городское население за период с 1978 по 2020 гг. увеличилось со 170 млн до 848 млн чел., уровень урбанизации вырос с 17,9% до 60,60%, количество городов возросло с 193 до 672. За рассматриваемый период в Китае были сформированы основные типы городов: глобальные, региональные, центральные – такие, как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Тяньцзинь; межрегиональные экономические центры социального развития – такие, как Шэньян, Ухань, Нанкин, Далянь, Шэньчжэнь, Чэнду, Чунцин, Куньмин, Сиань; центральные провинциальные города – такие, как Харбин, Ханчжоу, Чанчунь, Шицзячжуан, Цзинань, Чанша; развитые региональные центральные города – такие, как Уси, Сучжоу, Аньшань, Яньтай. Сформировались три основных сверхкрупных городских агломерации: Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй, агломерация дельты реки Янцзы и дельты реки Жемчужной (Чжунцзян), где наблюдался быстрый экономический рост и активное участие в международном экономическом сотрудничестве и конкуренции. По данным Национального бюро статистики КНР, свыше 50 городов являются центрами высшего образования и научно-исследовательской деятельности в Китае.

Объем производства высокотехнологичных отраслей в 50 городах составил 38,9% от общего объема промышленного производства. Современные города имеют хорошую базу для информационной индустрии и экономической среды, основанной на знаниях, а также являются местом рождения различных инновационных форм бизнеса [Zhang Jianhua, 2019].

Анализируя современные тенденции реализации государственной политики по развитию крупных агломераций в Китае, необходимо уделить особое внимание данному направлению в рамках осуществления положений 13-го пятилетнего плана социально-экономических преобразований за период 2016–2020 гг. Согласно данному плану, Государственный совет предполагал завершить строительство девятнадцати городских агломераций в Центральном, Западном, Северо-Восточном регионах, на территории Великой Китайской равнины, среднего течения реки Янцзы, районе Чэнду-Чунцин и на равнине Гуаньчжун, в районе Тонкинского залива, городские агломерации Цзиньчжун, Хубаоэюй (включает Хух-Хото, Баотоу, Ордос в Автономном районе Внутренняя Монголия и Юйлинь в провинции Шэньси), Цяньчжун, Ланьчжоу-Синин, городские агломерации вдоль реки Хуанхэ и на северном склоне горы Тяньшань, образуя больше «полюсов роста», поддерживающих пространственное развитие. Помимо девятнадцати городских агломераций, намечалось продолжить развитие центрального города Лхаса и Кашгар в Западном регионе Китая.

Выводы

В истории государственной политики Китая по отношению к развитию городов можно выделить два основных этапа: 1. Начальный период управления городским строительством (1949–1976 гг.), когда были сформированы основные промышленные городские центры КНР. 2. Период управления городским строительством в Китае после начала политики «реформ и открытости» (с 1978 г. по настоящее время), когда города стали выступать в качестве основных «полюсов развития» близлежащих территорий. За рассматриваемый период в Китае были сформированы основные типы городов: глобальные, региональные, центральные города (такие, как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Тяньцзинь); межрегиональные экономические центры социального развития (такие, как Шэньян, Ухань, Нанкин, Далянь, Шэньчжэнь, Чэнду, Чунцин, Куньмин, Сиань); центральные провинциальные города (такие, как Харбин, Ханчжоу, Чанчунь, Шицзячжуан, Цзинань, Чанша); развитые региональные центральные города (такие, как Уси, Сучжоу, Аньшань, Яньтай). Китайский город стал выступать центром народнохозяйственного развития и «полюсом роста» региональной экономики. Политика «реформ и открытости» оказала влияние на формирование в городах современной производственной базы. Города превратились в современные образовательные, научно-технологические центры, основные носители информационной экономики и экономики знаний в региональной экономике. Современная государственная политика в области развития городских районов регулировалась не только пятилетними планами, как на протяжении всей истории КНР, но и такими важными документами, как «Общегосударственная программа урбанизации нового типа на 2014–2020 гг.» (国家新型城镇化规划 2014–2020), «План развития городской агломерации в среднем течении реки Янцзы» (长江中游城市群发展规划) от 2015 г., План по строительству девятнадцати городских агломераций в Центральном, Западном и Северо-Восточном регионах от 2016 г. Политика центрального правительства КНР в отношении развития городов продиктована задачами соразвития городских

и сельских районов, принципами построения экологической цивилизации, нормами устойчивого регионального развития, требованиями модернизационных экономических изменений в интересах «социализма с китайской спецификой», а также целями реализации обновленной стратегии скоординированного регионального развития.

Список литературы

Гу Жун [谷荣]. Исследование государственной политики по развитию урбанизации в Китае [中国城市化公共政策研究]. Пекин: Издательство Юго-Восточного университета [南京: 东南大学出版社], 2015. с. 200.

Ли Чуньшэн [李春生]. Исследование развития промышленной инфраструктуры и скоординированности урбанизации [我国产业结构演进与城市化协调发展研究]. Пекин: Издательство «Управление экономикой» [南京: 经济管理出版社], 2016. с. 196.

Цяо Идэ [乔依德]. Урбанизация в Китае: цели, направления политики [中国的城市化:目标、路径和政策乔依德编书籍]. Пекин: Естественно-научное издательство [南京: 格致出版社], 2012. с. 117.

Ся Юн [夏勇]. Теория ослабления связей в окружающей среде и «зелёное» развитие китайских городов [环境脱钩理论与中国城市绿色发展夏勇物业管理书籍国家图书馆书店正版]. Пекин: Издательство «Управление предприятиями» [南京: 企业管理出版社], 2018. с. 196.

Лю Яньпин [刘彦平]. Доклад о развитии городского маркетинга в Китае за 2016 [中国城市营销发展报告(2016)]. Пекин: Китайское общественное издательство [南京: 中国社会科学出版社], 2017. с. 118.

История Китайской Народной Республики [中华人民共和国大问史: 1949–2019]. Пекин: Современное издательство Китая [北京: 当代中国出版社], 2019. с. 194.

Ши Бихуа [石碧华]. Определение направлений пространственного развития в соответствии со стратегией скоординированного положения регионов [区域协调发展战略为区域发展指明方向] // Журнал «Социальные науки Китая» [中国社会科学报]. – 2017. – № 12. – С. 13–28.

Выдающиеся 70 лет: достижения экономического и социального развития Нового Китая: 1949–2019 гг. [辉煌70年: 新中国经济社会发展成就: 1949–2019]. Статистическое издательство Китая [北京: 中国统计出版社], 2019. с. 474.

Макеева С. Б. КНР: стратегия устойчивого развития КНР (1980–2000-е гг.) // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 4. – С. 19–25. DOI: 10.31857/S032150750009101-3.

Чжан Цзяньхуа [张荐华], Гао Цзюнь [高军]. Исследование неравномерности регионального развития в Китае и ее преодоление за 40 лет политики «реформ и открытости» [中国改革开放40年中的区域经济发展不平衡问题与对策研究] // Современное экономическое управление [当代经济管理]. – 2019. – № 1673–0461. – С. 132–141.

Сведения об авторе:

Макеева Светлана Борисовна, кандидат исторических наук, доцент по кафедре китаеведения, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: msbmag9581@yandex.ru; ORCID ID 0000-0003-2953-0411; РИНЦ AuthorID 407000; Web of Science Researcher Id: AAP-6615-2021; Scopus Author Id: 57210928471.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31803 «Государственная политика России по развитию крупных агломераций в условиях демографического сжатия: сценарии и вызовы».

Статья поступила в редакцию 02.04.2021; принята в печать 17.07.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

STATE POLICY OF THE PRC ON URBAN DEVELOPMENT (1949-2020): HISTORICAL, REGIONAL AND SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS

Svetlana B. Makeeva,

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: msbmaq9581@yandex.ru

For citation: Svetlana B. Makeeva. State policy of the PRC on urban development (1949–2020): historical, regional and socio-demographic characteristics. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No 3. P. 67–77. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.6

Abstract. Introduction. The chronological framework of the study includes the period of development of the People's Republic of China from 1949 to the present, when state policy was formed in relation to large, medium and small cities, which had a significant impact on the socio-economic transformations of China. Goals and objectives of the study. It is necessary to consider the features of the implementation of the state policy of the PRC in the 1949–2000s. in relation to the development of urban areas, the regulation of the urbanization process. Materials and methods. The article was written on the basis of sources on the economic history of the PRC: materials of five-year plans, documents of the State Council and the Central Committee of the Communist Party of China. The study used such special historical methods as problem-chronological and retrospective. Results. In the history of China's state policy in relation to urban development, two main stages can be distinguished: 1. The initial period of urban construction management (1949–1976), when the main industrial urban centers of the PRC were formed. 2. The period of urban construction management in China after the start of the policy of "reform and opening" (from 1978 to the present), when cities began to act as the main "development poles" of the surrounding territories. Throughout its 70-year history, the Chinese city has become a center of national economic development and a "growth pole" for the regional economy. A modern production base, modernized educational, scientific and technological centers were formed in the cities. The state policy in the field of development of urban areas was regulated not only by five-year plans, as throughout the history of the PRC, but also by such important documents as the "National program of urbanization of a new type for 2014–2020" from 2015, Plan for the construction of 19 urban agglomerations in the Central, Western and North-Eastern regions from 2016. Conclusions. The formed state policy of China in relation to urban areas at the present stage is dictated by the tasks of co-development of urban and rural areas, the principles of building an ecological civilization, the norms of sustainable regional development, the requirements of modernizing economic changes in the interests of "socialism with Chinese characteristics", as well as the goals of implementing the updated strategy of coordinated regional development.

Keywords: public policy, cities, China, urbanization, urban agglomerations, ecological civilization, sustainable development.

References

- Gu Rong. *Research on China's Urbanization Public Policy*. Nanjing: Southeast University Press, 2015. 200 p. (In Chinese).
- Li Chunsheng. *Research on the coordinated development of my country's industrial structure evolution and urbanization*. Nanjing: Economic Management Press, 2016. 196 p. (In Chinese).
- Qiao Yide. *Urbanization in China: Goals, Paths and Policies*. Nanjing: Gezhi Publishing House, 2012. 117 p. (In Chinese).
- Xia Yong. *Environmental Decoupling Theory and Green Development of Chinese Cities Xia Yong Property Management Books National Library Bookstore Edition*. Nanjing: Enterprise Management Press, 2018. 196 p. (In Chinese).
- Liu Yanping. *China Urban Marketing Development Report*. Nanjing: China Social Sciences Press, 2017. 118 p. (In Chinese).
- History of the People's Republic of China: 1949–2019*. Beijing: Contemporary China Press, 2019. 194 p.
- Shi Bihua. The strategy of regional coordinated development indicates the direction of regional development. *News of Chinese social science*. 2017. No. 12. P. 13–28. (In Chinese).
- Glorious 70 years: the achievements of the economic and social development of New China: 1949–2019*. Statistical Publishing House of China, 2019. 474 p. (In Chinese).
- Makeeva S. B. PRC: Strategy for Sustainable Development of the PRC (1980–2000s). *Asia and Africa today*. 2020. No. 4. DOI: 10.31857/S032150750009101-3. (In Russ.).
- Zhang Jianhua, Gao Jun. Research on the imbalance of regional economic development and

countermeasures in the 40 years of China's reform and opening up. *Contemporary Economic Management*. 2019. No. 1673–0461. P. 132–141. (In Chinese).

Bio note:

Svetlana B. Makeeva, Candidate of Sciences (History), Assistant professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: msbmag9581@yandex.ru; ORCID ID 0000-0003-2953-0411; RSCI Author ID 407000; Web of Science Researcher Id: AAP-6615-2021; Scopus Author Id: 57210928471

Contact information: The reported study was funded by RFBR and EISR, Project number 21-011-31803 "State policy of Russia on the development of large agglomerations in the context of depopulation: scenarios and challenges".

Received on 02.04.2021; accepted for publication on 17.07.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кулага М. В.,

Донецкий национальный университет, Донецк, Украина.

E-mail: maks.kulaga.97@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.20211.3.7

Для цитирования: Кулага М. В. Последствия радикализации миграционной политики в Западной Европе: социально-экономический аспект // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 78–90. DOI: 10.19181/demis.20211.3.7

Аннотация. Проблема регулирования миграционных потоков в Европейском Союзе существует уже длительный период и с каждым годом становится все более трудноразрешимой и комплексной. Из-за сложности распределения мигрантов по странам-членам организации, а также расхождением внутрисоюзных интересов отдельных стран и общеевропейским вектором политики возникает внутреннее противодействие, что выражается в протестах и политических инициативах, которые радикализируют общество. Особенно активно подобные течения развиваются в странах Западной Европы, наиболее экономически развитых и прогрессивных, которые взяли на себя большую часть прибывших легальных мигрантов.

Миграционная политика стран Западной Европы подверглась весьма сильным метаморфозам за последние пять лет. С начала миграционного кризиса в 2015 г. можно проследить значительное усиление и ужесточение мер, регулирующих положение мигрантов на территории государств. Необходимо отметить, что в тот же период последовал новый виток развития радикальных партий во многих европейских государствах, но именно в западноевропейских странах произошли кардинальные изменения в политике. Достаточно сложно определить, какое влияние мигранты оказывают на состояние экономики государств, а также их взаимоотношения с коренными жителями стран Западной Европы. Соответственно, целью данной статьи будет рассмотрение социально-экономического влияния мигрантов на страны Западной Европы в период радикализации политики государств региона в условиях мировой пандемии COVID-19. Среди методов, использованных в данном исследовании, необходимо выделить эмпирические и теоретические, такие как сравнение, анализ и синтез. Рассмотрение источников проводилось на основе системно-структурного подхода к изучению сложных политических и общественных процессов и явлений с учетом многих аспектов развития современного общества и политического процесса в странах. Анализ сложившейся ситуации осуществлялся на основе принципов историзма, культурной и политической преемственности. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем для формирования эффективных методов противодействия социальным конфликтам, возникающим вследствие миграции.

Ключевые слова: Франция, Германия, альтернатива для Германии, Национальный фронт, COVID-19, миграционная политика, радикализм.

Введение

Данная проблема за последнее время получила широкое распространение в отечественной и иностранной историографии. В частности, проблематика миграционных процессов широко рассматривается отечественными учеными, как в общем виде, например, в работах Филиной Н. В., Стаханова А. В. и Мартынова А. А. [Фалина и др., 2019; Мартынов, 2019], так и в работах, которые рассматривают более узконаправленные проблемы, касающиеся влияния миграции на социально-политическое устройство стран Западной Европы. К примеру, работа Олейника В. И. «Вертикальная» и «Горизонтальная» исламизация Западной Европы в контексте миграционного кризиса [Олейник, 2016] открывает дискуссию о влиянии иной религиозной идентичности во Франции, а также связанными с этим явлением социальными проблемами и конфликтами. Работа Бабаджановой К. М. «Влияние иммиграции на политические процессы, экономическое развитие и общественное мнение в Германии» [Бабаджанова, 2020] больше внимания уделяет проблематике политических послед-

ствий миграции в отдельной стране. Кроме того, автором настоящей статьи при анализе ситуации использовалась и статистика из открытых источников – таких, как доклад ООН о миграции в мире,² статистические данные исследовательского центра «Пью» и иные информационные ресурсы.

Следует указать на тот факт, что с начала миграционного кризиса в 2015 г. произошли значительные перемены в понятийном и политическом пласте мышления многих европейцев. Большие, неконтролируемые потоки мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки вызвали несколько крупных социальных реакций в обществе. В первую очередь, это изменение подхода к пониманию миграционного кризиса. «Миграционный кризис» большинством европейцев воспринимается не как прибытие лишней рабочей силы, а как прибытие другой социально-культурной общности, которая не хочет ассимилироваться и принимать местные особенности жизни. Данное положение ведет к резкому разделению жителей и мигрантов по принципу «они-мы» и радикализирует общество, что приводит ко второй проблеме – проблеме выбора интеграционной политики.

Классической для Западного мира в целом является политика мультикультурализма. При этом следует упомянуть, что существует два положения, на которых основывается политика мультикультурализма. Североамериканская часть Западного мира изначально строилась на основе сочетания «плавильного котла наций», тогда как европейские страны с их относительно урегулированными границами и устанавливавшимися веками миграционными коридорами просто не готовы к тому, чтобы выстраивать свою миграционную политику в контексте огромного количества людей с разными культурными особенностями [Полетаева, 2019]. Уже к 2010 г. стало понятно, что данная политика является весьма невыгодной с точки зрения общественного мнения, а также размещения и интеграции мигрантов, как указала в своей речи А. Меркель.³ В этом контексте следует указать на тот факт, что с увеличением количества мигрантов и политикой «открытых дверей» в западноевропейских странах в 2015 г. не было оптимальных условий социальной интеграции мигрантов в европейское общество, что стало значительным подспорьем для радикальных партий. К тому же при определении политической линии всего ЕС, большинство государств решили положиться на классические для европейской политики методы регулирования миграционных потоков в виде разделения миграционных потоков в разные государства в соответствующих пропорциях. При этом количество мигрантов в 2015 г. было в разы больше, чем в начале 2000-х гг., и меры контроля и распределения мигрантов по европейским странам оказались неэффективными. Мало того, часто были неэффективны и слишком жесткими координационные меры по пресечению нелегальной миграции, что вызывало негативную реакцию как среди самих мигрантов, так и у правозащитных организаций.

Реакция европейских обществ на миграционный кризис

Не следует думать, что мигранты – единственная проблема, которая вызывает повышенный интерес радикальных партий. Такие объединения, как Национальный фронт, Альтернатива для Германии, Датская Народная Партия, Партия Свободы и т. д., существуют относительно давно и уже долгое время формируют свою поли-

² Доклад о миграции в мире 2020. – Международная организация по миграции в мире [сайт]. URL: www.iom.int/wmr (дата обращения: 14.05.2021).

³ Muhe N. Merkel and Multiculturalism // Open society foundation. Oct. 31, 2010 [сайт]. URL: <https://www.opensocietyfoundations.org/voices/merkel-and-multiculturalism> (дата обращения: 17.05.2021).

тическую повестку. В частности, следует уточнить, что большинство подобных партий, как, например, Альтернатива для Германии, выросли из евроскептиков, которые если и не стремились к выходу из европейских интеграционных структур, то требуют значительно ограничить их влияние на жизнь национальных государств. Миграционный кризис стал для них хорошей возможностью укрепить свои позиции.

Кроме укоренившейся на территории многих стран мигрантофобии, частым явлением стало распространение исламофобии, особенно в богатых странах Западной Европы. По данным социологического опроса, отмечен рост исламофобии в 2018 г. в таких странах, как Франция (на 5%, 34% опрошенных), Великобритания (на 8%, 36% опрошенных), Германия (на 4%, 33% опрошенных), по сравнению с 2017 г. [Ксенофобия..., 2018]. При этом важно понимать, что в начальный период кризиса (2015–2016 гг.) настроения в обществе были куда более положительными. Так, большая часть общества в Германии положительно высказалась о принятии мигрантов на своей территории. Большинство жителей отмечали тот факт, что мигранты являются важной частью общественно-экономических цепочек и будут положительно влиять на развитие общества [Степанов, Иванова, 2018]. Тем не менее, в дальнейшем наблюдался общий рост уровня недовольства населения по поводу растраты государственных средств на мигрантов, хотя ситуация скорее обратная, т. к. мигранты способствуют общему росту ВВП Европейского Союза (в период с 2017 по 2019 гг. вклад мигрантов в общий ВВП ЕС вырос с 0,05% до 0,19%). Статистикой также подтверждается рост занятости рабочих мест трудоспособными мигрантами. Уровень занятости в целом по ЕС в 2018 г. увеличился на 5,2% по сравнению с 2014 г. В свою очередь, частичная занятость имеет тенденцию к сокращению, и в 2018 г. данный показатель уменьшился на 3,1% по сравнению с 2014 г. [Фалина и др., 2019]. Но наиболее серьезной проблемой в настоящее время остаются именно культурные паттерны поведения мигрантов, т. к. большинство трудоспособного населения – мужчины, то воспитание детей отводится женщинам, которые склонны растить детей в традициях своего государства. Кроме того, многие иностранные геополитические центры готовы поддерживать такие начинания. Пример тому – заявление президента Турции Р. Т. Эрдогана, касающееся турецких мигрантов на территории Германии, в котором он сказал, что в первую очередь детей необходимо обучать турецкому и только потом немецкому языку.¹

На фоне сказанного выше становится понятно, как радикальные партии добиваются своего успеха. В частности, можно говорить о том, что они отчасти уже институализировали свое присутствие в высших официальных эшелонах власти. Об этом свидетельствует факт, что во Франции во время президентских выборов М. Ле Пен, руководитель Национального фронта, преодолела второй тур с рейтингом в 33,7%, а Альтернатива для Германии в 2017 г. в ФРГ получила около трети мест в Бундестаге. Большинство подобных партий ратует за усиление контроля за национальными границами, в частности, Альтернатива для Германии требует выделения большего количества людей для их охраны от незаконных мигрантов, в том числе из числа федеральной полиции.

Существуют также и другие сложности для западноевропейских государств. Наиболее существенными из них являются замена населения и резкий рост исламизации городов. Особенно такая проблема актуальна для Франции, где социальные конфлик-

¹ Эрдоган призвал немецких турок избегать ассимиляции // Новостной портал Newsland. URL: <https://newsland.com/user/4297686316/content/erdogan-prizval-nemetskikh-turok-izbegat-assimiliatsii/4141322> (дата обращения: 25.05.2021).

ты на этой почве зрели еще с начала 2010-х гг. Во Франции процесс исламизации активно развивается как на высшем политическом, так и на обыденном уровне. Длительный период действуют исламские политические партии, к примеру, «Партия мусульман Франции», «Многонациональная Франция». Они не раз входили в состав правительства. И хотя в исламизации по линии власти (вертикальной исламизации) нет ничего плохого, горизонтальная исламизация является весьма серьезной проблемой. С учетом того, что большинство мигрантов во Франции – мигранты третьего поколения, которые сохраняют культуру своих предков, в стране наблюдается накопительный эффект мусульманской культуры [Мартынов, 2019: 182]. Появление новых мигрантов на отдельных территориях приводит к нескольким важным результатам. Во-первых, наблюдается смещение демографического состава населения отдельных городов и замещение религии и культуры соответственно. Наиболее показательным примером является г. Сен-Сен-Дени, который в период с 2012 по 2018 гг. в значительной степени стал мусульманским по религии и более чем на половину состоящим из выходцев с Ближнего Востока. Как рассказали известные французские журналисты Ж. Даме и Ф. Ломма, эта проблема реально существует, но никак не афишируется и более того – табуируется.² Во-вторых, происходит глобальный передел социально-экономической составляющей жизни населения крупных городов. Например, в соответствии с тем, что в крупных городах, к примеру, в Париже, появляется все больше мусульман, из продажи постепенно начинает исчезать мясо с кровью, которое подменяется халяльным. Благодаря чему возникают новые экономические ветви производства и альтернативные способы заработка для мигрантов, которые занимаются продажей и поставкой таких товаров. В-третьих, можно наблюдать постепенное формирование устойчивых исламских общеобразовательных учреждений, т. к. большинство городов Франции, как ранее упомянутый Сен-Сен-Дени, обладают определенной автономией при обучении, в учебный процесс вводятся несветские элементы образования.³ Хотя все вышеперечисленные явления не являются чем-то новым, массовость и ускорение описанных процессов приводят к разделению общества по цивилизационному признаку и усилению антагонизма на разных уровнях.

Наиболее показательным примером реакции общества на ускоряющуюся исламизацию является создание организации Патриотические европейцы против исламизации Запада (далее – ПЕГИДА). Хотя основная территория деятельности ПЕГИДА находится в Германии, организация обладает влиянием и в некоторых других крупных европейских странах. ПЕГИДА позиционирует себя как организация, способствующая сохранению европейской идентичности и добивающаяся более жесткой политики в отношении ассимиляции мигрантов с чуждой культурой, но уже в период кризиса (конец 2015 – начало 2016 г.) политика партии несколько расширилась – организация стала апеллировать к более широкому кругу населения, основываясь на том, что необходимо принять новый миграционный закон и защитить средний класс от потери доходов и чрезмерных налогов [Свечникова, 2018]. То есть ПЕГИДА начала обращать внимание на наиболее острые социально-экономические проблемы общества, которые затрагивала миграция. Хотя данная поли-

² «В Сен-Сен-Дени исламизация идет полным ходом» // Сетевое издание – Интернет-проект ИноСМИ.RU [сайт]. URL: <https://inosmi.ru/social/20181023/243526999.html> (дата обращения: 09.06.2021).

³ Франции грозит ползучая исламизация // Сетевое издание – Интернет-проект ИноСМИ.RU [сайт]. URL: <https://inosmi.ru/social/20181023/243526999.html> (дата обращения: 09.06.2021).

тическая сила в настоящее время многими рассматривается как праворадикальная и даже националистическая, следует отметить, что формирование повестки вокруг социально-экономических проблем, связанных с миграцией, а также рост интереса к данной организации говорят о том, что проблема реально существует и имеет соответствующий резонанс в обществе.

Дополнительно ситуация осложнялась стремлением Великобритании выйти из состава ЕС. Это решение не только усложняло процесс регулирования всей европейской системы отношений, но также дополнительно способствовало нагрузке стран Западной Европы мигрантами, т. к. Великобритания сильно ограничила поток прибывающих в страну мигрантов.

Радикализация западноевропейской политики

В настоящее время даже умеренные партии в Европе стремятся «уцепиться за актуальную повестку» и повысить свой политический рейтинг в глазах избирателей. Прибытие мигрантов сильно ударило по социально-политическим устоям и культурной жизни Европы, и декламация некоторых риториков, как, например, речь министра внутренних дел ФРГ о том, что необходимо более жестко выдворять нелегальных мигрантов и то, что исламу нет места в Германии, ведут к общей радикализации политической повестки в Европе. Раскол среди политических сил по миграционной проблеме создает эффект посылаемых обществу «up-down» «импульсов нестабильности», что ведет к еще большей его поляризации. Так, в Германии на А. Меркель оказывают давление, с одной стороны, члены ХДС и ХСС, выступающие за ужесточение миграционной политики, с другой – представители объединений «Союз 90 / Зеленые», партии «Левая» и значительной части СДПГ, требующие, напротив, большего гуманизма по отношению к беженцам. Одновременно все больше сторонников набирают движение ПЕГИДА и «Альтернатива для Германии», выступающие за принципиально иной, значительно более жесткий подход к регулированию миграционной проблемы [Бардин, Пантин, 2017: 10].

Несмотря на опасную эпидемиологическую обстановку в Европе, фактор COVID-19 положительно сказался на миграционном кризисе, что объясняется несколькими факторами. Во-первых, с возникновением фактора пандемии в ее европейских очагах, то есть в Италии, Испании и т. п., быстро были перекрыты все самые крупные морские пути мигрантов в страны Европы, что способствовало резкому уменьшению общего числа мигрантов. К началу весны 2020 г. число прошений о предоставлении убежища сократилось сразу на 43% и составило всего 34 700 человек [Шумилин, 2020: 93]. Во-вторых, из-за пандемии всем государствам ЕС пришлось ограничить движение через внутренние границы, что означало остановку мигрантов в той точке, в которой они находились на момент начала эпидемии. Таким образом, неостанавливающийся миграционный поток с 2015 г. был сильно сужен и дал национальным правительствам некоторое время для того, чтобы составить план урегулирования как кризиса беженцев, так и COVID-19. При этом в своих заявлениях, сделанных в середине года, европейские политики, в том числе У. фон дер Ляйен, показали необходимость и стремление к медленному открытию границ в Европе, прежде всего между Францией, Германией и Люксембургом.⁴

⁴ Консерваторы в Европарламенте требуют открыть внутренние границы ЕС // Интернет-издание Deutsche Welle [сайт]. URL: <https://www.dw.com/ru/консерваторы-в-европарламенте-требуют-открыть-внутренние-границы-ес/a-53420139> (дата обращения: 15.04.2021).

Помимо вышеперечисленных положительных аспектов появились другие факторы, негативно влияющие на политическую реальность в Западной Европе. Прежде всего, необходимо сказать о предоставлении медицинских услуг, т. к. большинство мигрантов, не получивших официального разрешения на проживание в одной из стран, переживают в специальных миграционных лагерях, то усугубляется ранее упомянутая проблема разделения коренного и приезжего населения по принципу «мы-они». Мало того, данная проблема становится еще более острой, когда речь заходит о предоставлении медицинских услуг, т. к. мигранты живут на отдельных территориях, которые можно идентифицировать как гетто, то большинство коренных местных врачей предпочтет лечить именно местное население, игнорируя мигрантов. Такое разделение провоцирует агрессию в среде мигрантов по отношению к коренному населению, что только сильнее дистанцирует стороны, а, кроме того, способствует распространению опасного заболевания на широкие слои незащищенного населения.

На высшем уровне в отдельных государствах сохраняются противоречия в отношении политики регулирования миграционной проблемы. Например, Министр внутренних дел ФРГ Х. Зеехофер еще с 2018 г. настаивает на более жестком контроле за мигрантами и общем сокращении квот на их принятие. И хотя в большинстве случаев все партии государства выступают против его инициатив, однако подобные предложения все еще актуальны в политических дискуссиях на локальном уровне [Потемкина, 2020: 52]. Другим свидетельством борьбы вокруг миграционной проблемы в германском правительстве явилось ужесточение миграционного законодательства в 2017–2018 гг.: для въехавших в страну беженцев стали создаваться условия для интеграции. На национальном и общеевропейском уровнях началось выделение средств на урегулирование миграционного кризиса. Кроме того, правительство Баварии разработало план по ускорению процедуры получения статуса беженца и высылке из страны тех, кому в нем отказано.

Частично осложнилась экономическая ситуация в связи с выделением средств на обеспечение мигрантов во Франции. Оценка затрат на содержание мигрантов во Франции в 2014–2017 гг. оценивалась в 13 млрд евро. Огромная нагрузка на бюджет, выделение пособий, сравнимых с пособиями французских граждан, поставило под угрозу стабильность экономики страны и подорвало социальную сферу. Создание необходимых социальных условий для беженцев не стало гарантией спокойного протекания их интеграции к европейской жизни. Как и в Германии, беженцы стали большой проблемой для социально-экономического развития Франции. Так, в 2017 г. временные лагеря для содержания беженцев сравнивали с тюрьмами по уровню криминала и социальной напряженности. Как результат – с января 2015 по июль 2016 гг. только в пяти крупнейших терактах в Европе (в Париже, Ницце, Брюсселе и т. д.) погибли не менее 306 человек, около 1000 получили ранения [Степанян, 2021: 28].

Дискриминация в отношении мигрантов распространяется на сферы их деятельности. Хотя многие правительства Западной Европы, в частности, Германии, Франции, Великобритании и Ирландии, предоставляют трудоспособным мигрантам широкий выбор рабочих мест и обеспечивают им прохождение ускоренных курсов повышения квалификации, но местные работодатели часто делают массу предумышленных ошибок и экономят на работниках-мигрантах. Это проявляется в том, что таким работникам нередко не выдают специальное защитное оборудование, которое необходимо в период эпидемии, а при заболевании им невозможно взять отпуск,

так как легче нанять нового работника, чем оплачивать отпуск больному.⁵ Этой темой активно пользуются радикалы, которые ведут спекулятивные беседы о том, что мигранты забирают большинство рабочих мест у коренных жителей Европы. Важно также упомянуть о том, что в период пандемии COVID-19 резко сократилось количество рабочих мест, и многие люди остались без работы, в то время как правительство предоставляет мигрантам необходимые им рабочие места, что вызывает жесткую конкуренцию и антагонизм. Тем более, такой антагонизм усиливается с учетом того, что темпы развитие национальных экономик не сулят существенного подъема. Например, Великобритания вступила в рецессию в период с апреля по июнь 2020 г., когда ее экономика сократилась на 20,4%.⁶ В тот же период, в октябре 2020 г. должна завершиться правительственная программа по сохранению рабочих мест, поэтому ожидается, что численность безработных в стране вырастет на рекордные 3,5 млн человек. Таким образом, можно понять, что большинство граждан незащищены в финансовом плане, что может подтолкнуть их к поддержке более жестких позиций в отношении мигрантов.

При таком отношении мигранты выходят на акции протеста, игнорируя при этом правила социального дистанцирования и общественного порядка. Даже мирные манифестации освещаются в ряде радикальных газет как крайне опасные и способствующие ухудшению ситуации в стране. Примером чему может служить статья во французской газете «Causeur» о протесте мигрантов 30 мая. Как утверждает ее автор: «30 мая более 200 левых и антирасистских организаций совершенно беспрепятственно и без малейшей реакции со стороны полиции организовали демонстрацию нескольких тысяч нелегалов, несмотря на запрет мероприятия и санитарное правило не собираться группой более десяти человек. Все это представляет собой пугающую демонстрацию того, что политическая власть считает нелегалов представителями «ее лагеря»».⁷ Подобное заявление не только направлено против мигрантов и на формирование негативного к ним отношения, но и против действующей власти, которая неспособна, по мнению таких радикальных организаций, эффективно управлять государством.

Следует отметить и то, что в общественном сознании в период глобального кризиса особенно часто проявляется недоверие к таким обособленным группам, тем более к тем, которые, по мнению немалочисленных граждан, содержатся за общественные деньги. В этом контексте многие жители Западной Европы еще до пандемии были недружелюбно настроены в отношении мигрантов. Показательны результаты исследования Исследовательского центра «Пью» по вопросам готовности иммигрантов перенимать обычаи страны назначения или желание отличаться от ее общества, проведенного в 2018 г. В среднем 49% среди опрошенных в странах, включая страны Европы, Америки и Азии с наибольшим количеством мигрантов, заявили о том, что иммигранты хотят отличаться от общества принимающей страны, при этом в среднем 45% сказали, что иммигранты хотят перенять обычаи и образ жизни при-

⁵ Don't Scapegoat Migrants for the Pandemic // Project Syndicate [site]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/five-inclusive-migrant-policies-to-tackle-covid19-pandemic-by-gregory-amaniatis-2020-07?barrier=accesspaylog> (accessed: 16.06.2021).

⁶ Демонстрация мигрантов – провокация и это говорит о многом // ИНОСМИ: Causeur [site]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200602/247540683.html> (accessed: 21.06.2021).

⁷ Демонстрация мигрантов – провокация и это говорит о многом // Сетевое издание – Интернет-проект ИноСМИ.RU [сайт]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200602/247540683.html> (дата обращения: 21.06.2021).

нимающей страны.⁸ Причем весь негатив против беженцев должен быть социально обоснованным, поскольку большинство проблем вызывается присутствием именно нелегальных мигрантов. Как показывают результаты того же опроса, наибольшим страхом для принимающих мигрантов стран является угроза террористической деятельности от нелегалов, так как большинство мигрантов прибывает именно из арабских стран с сильными мусульманскими традициями.

Также негативно на данном кризисе сказалась пандемия COVID-19. С учетом того, что миграционные потоки уменьшились, но не прекратились, опасность заражения этим заболеванием как для мигрантов, так и для граждан Европы выросла. Немецкое издательство “Deutsche Welle” отмечает, что многие мигранты являются добросовестными и законопослушными, но они могут приносить с собой болезни с территории Африки и Ближнего Востока из-за того, что в их государствах была слабо развита медицина.⁹ Кроме того, пандемия усилила нагрузку на системы здравоохранения национальных государств, что способствовало формированию диспропорционального предоставления услуг здравоохранения и усилило ведение диалога в обществе.

Сложности разрешения миграционного кризиса

Сложности разрешения данных кризисов достаточно очевидны. Необходимо подготовить соответствующие нормативно-правовые документы для того, чтобы эффективно и реально сдерживать и регулировать миграционные потоки, при этом сохраняя относительную экономическую стабильность и защищаясь от эпидемии. Как заявил министр внутренних дел Германии Х. Зеехофер, концепция А. Меркель по регулированию текущей ситуации с мигрантами «Hot Spots» полностью провалилась.¹⁰ Вместе с тем уже давней проблемой является слишком длительное содержание мигрантов в специальных лагерях. Превышением оптимального срока от 4 недель до 6 месяцев страдают многие государства, в том числе Германия, Франция и др. Постоянное добавление новых беженцев в эти лагеря, даже с учетом значительного уменьшения потока, негативно отражается на дальнейшем отношении мигрантов к властям, и даже переговоры по увеличению средств на содержание лагерей для беженцев, которые прошли в 23 июля 2020 г. в Вене, не дали каких-либо однозначных результатов. По данным доклада ООН по миграции, в 2020 г. увеличились темпы не только внешней, но и внутренней миграции в рамках самого ЕС.¹¹ Миграционный кризис 2015 г. вызвал дисбаланс в устоявшейся системе внутренней миграции, что сильно сказалось на внутренних экономических связях между странами ЕС. К примеру, частично перестали быть необходимыми низкооплачиваемые рабочие и студенты во Франции и Германии. В связи с чем положение некоторых граждан сильно ухудшилось.

⁸ Around the World, More Say Immigrants Are a Strength Than a Burden // Pew Research Centre [site]. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2019/03/14/around-the-world-more-say-immigrants-are-a-strength-than-a-burden/> (accessed: 21.06.2021).

⁹ COVID: Poverty a higher risk factor than ethnicity // Deutsche Welle [site]. URL: <https://www.dw.com/en/covid-poverty-a-higher-risk-factor-than-ethnicity/a-56852214> (accessed: 22.06.2021).

¹⁰ Предоставление убежища в Греции: что говорит закон и как действует ЕС // Deutsche Welle [site]. URL: <https://www.dw.com/ru/soiskateli-ubezhishha-v-grecii-cto-govorit-zakon-i-kak-dejstvuet-es/a-54949413> (дата обращения: 22.06.2021).

¹¹ Доклад о миграции в мире 2020. Международная организация по миграции в мире [сайт]. URL: www.iom.int/wmr (дата обращения: 14.05.2021).

При этом важным фактором экономической динамики в Западной Европе все еще остаются денежные переводы. В апреле 2020 г. Всемирный банк оценил, что денежные переводы в страны с низким и средним уровнем доходов упадут до 445 млрд долларов США в 2020 г., но недавно поступившие данные из стран, которые являются основными получателями денежных переводов, предполагают иную тенденцию. После первоначального спада в первой половине 2020 г. денежные переводы, похоже, вернулись к темпам, которые были до начала пандемии COVID-19 в нескольких странах. Страны с развивающейся экономикой столкнулись с резким обесцениванием валюты в феврале-марте 2020 г., тогда как валюты стран с развитой экономикой, как правило, в тот же период были сильными.¹² Это могло привести к тому, что обычная сумма отправленных денежных переводов конвертировалась в более высокие суммы в принимающих странах. Колебания курсов валют в сочетании с выходом стран из-под строгих ограничений, возможно, сыграли важную роль в падении и отскоке. Финансовое поведение мигрантов во время кризисов также может быть фактором, поскольку мигранты отправляют сбережения для поддержки своих семей в странах, сильно пострадавших от вспышки COVID-19, но также и наоборот, когда семьи поддерживают мигрантов в пострадавших странах.

Коронавирусная пандемия сильно обрушила экономику ЕС. Как подмечает «Eurostat», экономика ЕС выросла в последнем квартале 2019 г. всего на 0,1%, что является критической отметкой за более чем 20 последних лет.¹³ Также пандемия началась в активный период реструктуризации энергетической сферы в Европе. Активное «озеленение» энергетической базы требует больших экономических вложений, которые уже были заложены в бюджеты европейских стран, особенно это заметно на примере Германии. Теперь Европейский центробанк запускает экстренную программу выкупа облигаций на сумму 1 трлн 350 млрд евро, что сильно ударит по цене евро на мировой арене и заставит значительно пересмотреть различные статьи расходов национальных экономик.

На взгляд Страхова А. В., существует всего 3 сценария развития миграционного кризиса: «Конец Европы», «Трансформация мультикультурализма» и «Отказ от концепции мультикультурализма» [Фалина и др., 2019: 249]. Первый сценарий предполагал сохранение существующей на 2015–2016 гг. ситуации – та же миграционная политика, нестабильность на Востоке и продолжение мультикультурализма. Третий вариант предполагал жесткое закрытие границ и высылку большого количества мигрантов, одновременно с введением гражданских запретов. Второй вариант предполагал введение постепенных мягких изменений в миграционное законодательство, привлечение иностранных партнеров для консультаций, а также снижение дотаций для мигрантов. После глобальной пандемии, наиболее актуальным кажется именно второй сценарий развития событий.

В условиях частичного отхода от карантинных мер наиболее важным остается снятие гражданских и торговых ограничений, что затрагивает проблему миграции. С открытием границ государствам нужно быть готовым к новым вызовам. Как отмечает эксперт «International Studies» Н. Аскерова, у ЕС недостаточно ресурсов для пре-

¹² Migration data relevant for the COVID-19 pandemic // Migration data portal [сайт]. URL: <https://migrationdataportal.org/themes/migration-data-relevant-covid-19-pandemic> (дата обращения: 23.06.2021).

¹³ В Европе обвал экономики из-за пандемии коронавируса // Deutsche Welle [site]. URL: <https://www.dw.com/ru/в-европе-обвал-экономики-из-за-пандемии-коронавируса/a-53290912> (дата обращения: 23.06.2021).

доставления безвозмездной помощи большому количеству мигрантов.¹⁴ Поэтому для того, чтобы миграционная политика стала более эффективной, следует требовать отдачи от беженцев, стремящихся попасть на территорию ЕС: устраивать их на общественные работы. Кроме этого, страны ЕС должны четко понять, какие ошибки были совершены в прошлом и как способствовать большей ассимиляции мигрантов. Мало того, странам Западной Европы необходимо особенно активно развивать специальные культурологические программы и более внимательно относиться к местному самоуправлению.

Обсуждение

При активном изучении обозначенной в статье проблематики как в научной литературе, так и в СМИ, единого подхода к решению данной проблемы выработано не было. В исследовании Атнашева В. Р. «Мигрантофобия и правый поворот в Западной Европе» отмечается, что современная радикализация вызвана рядом системных ошибок ЕС при ведении социально-экономических реформ, которые проводились на протяжении десятилетий. [Атнашев, 2017: 79] В таком контексте повысившийся миграционный поток стал только рычагом, который обострил ситуацию в обществе и открыл дорогу правым силам. Яшлавский А. Э., в свою очередь, развивая данную идею, говорит о том, что дополнительной проблемой при радикализации является попустительство официальных властей к быстрому росту националистических партий и, более того, частичного подражания им [Яшлавский, 2018: 239]. В подобной ситуации дальнейший правый разворот будет осуществляться в соответствии с последствиями миграционного кризиса. Пандемия COVID-19, хотя и частично сгладила результаты миграционной политики ЕС и дало время на ее пересмотр, но не нивелировала действующие правые силы. Потемкина О. Ю. предполагает, что частичное снятие запрета на передвижение в Европе даст возможность более пристально проследить за дальнейшим ходом ситуации и выработать наиболее гармоничную и приемлемую систему принятия мигрантов в страны Западной Европы [Потемкина, 2020: 92].

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что нынешний кризис с мигрантами, а также пандемия COVID-19 в значительной мере накладываются друг на друга и обостряют и без того сложную политическую обстановку в странах Западной Европы. Социально-экономическое воздействие вышеуказанных факторов приводит к активизации радикальных национальных партий, которые активно используют антииммигрантскую риторику для своего политического продвижения. Более того, можно наблюдать общий сдвиг умеренных политических движений в Западной Европе в сторону популизма и радикализма. Многие центристские газеты также активно начали критиковать деятельность правительства и иммигрантов в сложившейся ситуации. Важно подчеркнуть, что частично существует обоснование такой позиции. Резкий кризис политического единства в ЕС по вопросам миграции, а позднее и по проблемам пандемии привел к тому, что национальные общества замкнулись в себе и остались один на один с социальными проблемами (вроде борьбы за рабочие места, предо-

¹⁴ Миграционный кризис в Европе: как его преодолеть? // International Studies [сайт]. URL: <https://internationalstudies.ru/migratsionnyj-krizis-v-evrope-kak-ego-preodolet/> (дата обращения: 18.06.2021).

ставление услуг здравоохранения), проблемами безопасности, общей исламофобией и т. д.

При общей радикализации общества наблюдается общий спад экономической деятельности в странах Западной Европы, значительная часть трудовых мест в связи с пандемией стала недоступной, что привело к снижению доходов у немалой части населения, особенно в сфере услуг. При этом наблюдается общая дискриминация в отношении мигрантов, касающаяся предоставления медицинских услуг и отпусков в связи с возникающими проблемами со здоровьем. В таких условиях стагнирующая европейская экономика является только дополнительным предлогом для внутренней радикализации и усиления контроля. Без дальнейшего сотрудничества на высшем уровне, прежде всего Германии и Франции, данный кризис не может быть разрешен. Дальнейшее развитие событий будет полностью зависеть от сплоченности в первую очередь именно стран Западной Европы, как наиболее активной и богатой части Европы. Кроме того, фактор мировой пандемии создает дополнительную почву для ужесточения миграционной политики и возведения дополнительных социальных барьеров к существованию для различных лиц. Изменение данной ситуации возможно только в случае значительного пересмотра миграционного законодательства ЕС, причем с учетом выхода Великобритании из состава данной организации, а также снижения социально-экономического напряжения, что должно регулироваться национальными властями.

Список литературы

- Фалина Н. В., Кохужева Б. З., Страхова А. В.* Влияние миграционных процессов на экономику стран Европейского союза // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 3 (32). – С. 244–251.
- Мартынов А. А.* Миграция в Евросоюзе // Архонт. – 2019. – № 4 (13). – С. 53–59.
- Олейник В. И.* «Вертикальная» и «Горизонтальная» исламизация Западной Европы в контексте миграционного кризиса // Власть. – 2016. – № 5. – С. 181–184.
- Бабаджанова К. М.* Влияние иммиграции на политические процессы, экономическое развитие и общественное мнение в Германии // Казанский вестник молодых ученых. – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 24–31.
- Полетаева М. А.* Философские основания европейской культурной политики: от мультикультурализма к гражданской интеграции (на примере Германии) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 6 (92). – С. 6–14. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10601.
- Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в Европе. Ежегодный доклад / М. Фельдман, И. Барна, И. Тарасов и др.; под общ. ред. В. Энгеля. – М.: Эдитус, 2018. – 143 с.
- Степанов С. А., Иванова Е. А.* Миграционные процессы как вызов современности // PolitBook. – 2018. – № 4. – С. 53–63.
- Свечникова С. В.* Движение ПЕГИДА как отражение Европейского миграционного кризиса // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 3 (80). – С. 29–33.
- Бардин А. Л., Пантин В. И.* Политизация дискурса по проблемам миграционного регулирования в Европейском Союзе // Южно-российский журнал социальных наук. – 2017. – № 3. – С. 6–17.
- Шумилин А. И.* Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 2. – С. 14–21. DOI: 10.15211/vestnikieran220201421.
- Потемкина О. Ю.* Влияние COVID-19 на свободу передвижения и миграцию в Евросоюзе // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 3. – С. 89–94. DOI: 10.15211/vestnikieran320208994.
- Белов В. Б.* Внутри- и внешнеполитические аспекты миграционного кризиса в Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 4. – С. 49–55.
- Степанян В. В.* Влияние миграционных процессов 2014–2017 гг. на социально-экономические

развития Германии и Франции // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 2 (54). – С. 27–31.

Атнашев В. Р. Мигрантофобия и правый поворот в Западной Европе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2017. – № 2 (22). – С. 77–80.

Яшлавский А. Э. Антииммигрантские партии Европы: фальстарт или второе дыхание? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 230–244. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-230-244.

Сведения об авторе:

Кулага Максим Вадимович, студент 2 курса магистратуры по специальности «Международные отношения и внешняя политика», Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина.

Контактная информация: e-mail: maks.kulaga.97@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7506-6325.

Статья поступила в редакцию 24.02.2021; принята в печать 15.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

CONSEQUENCES IF THE RADICALIZATION OF MIGRATION POLICY IN WESTERN EUROPE: SOCIO-ECONOMIC ASPECT

Maksim V. Kulaga,

Donetsk National University, Donetsk, Ukraine.

E-mail: maks.kulaga.97@mail.ru

For citation: Maksim V. Kulaga. Consequences if the radicalization of migration policy in Western Europe: socio-economic aspect. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 3. P. 78–90. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.7

Abstract. *The problem of regulating migration flows in the European Union has existed for a long time and is becoming more difficult and complex every year. Due to the complexity of the distribution of migrants among the member countries of the organization, as well as the divergence of domestic interests of individual countries and the pan-European policy vector, internal opposition arises, which is expressed in protests and political initiatives that radicalize society. Such trends are developing especially actively in the countries of Western Europe, the most economically developed and progressive, which have taken over most of the legal migrants who have arrived.*

The migration policy of Western European countries has undergone a very strong metamorphosis over the past five years. Since the beginning of the migration crisis in 2015, it is possible to trace a significant strengthening and tightening of measures regulating the situation of migrants on the territory of states. It should be noted that during the same period, a new round of development of radical parties followed in many European countries, but it was in Western European countries that radical changes in politics took place. It is quite difficult to determine what impact migrants have on the state of the economy of states, as well as their relations with the indigenous inhabitants of Western European countries. Accordingly, the purpose of this article will be to consider the socio-economic impact of migrants on the countries of Western Europe during the period of radicalization of the policy of the states of the region in the context of the global COVID-19 pandemic. Among the methods used in this study, it is necessary to distinguish empirical and theoretical ones, such as comparison, analysis and synthesis. The sources were considered on the basis of a system-structural approach to the study of complex political and social processes and phenomena, taking into account many aspects of the development of modern society and the political process in the countries. The analysis of the current situation was carried out on the basis of the principles of historicism, cultural and political continuity. The results of this study can be used in the future to form effective methods of countering social conflicts arising as a result of migration.

Keywords: *France, Germany, Alternative for Germany, National Front, COVID-19, migration policy, radicalism.*

References

Falina N. V, Kokhuzheva B. Z, Strakhova A. V Influence impact of migration processes on the economy of the countries of the European Union countries. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2019. No. 3 (32). P. 244–251. (In Russ.).

Martynov A. A. Migration in the Eurounion. *Arkhont.ru*. 2019. No. 4 (13). P. 53–59. (In Russ.).

Oleinik V. I. Vertical and Horizontal Islamization of Western Europe in the context of the migration crisis. *Vlast'*. 2016. No. 5. P. 181–184. (In Russ.).

Babadjanova K. M The impact of immigration on political processes, economic development and public opinion in Germany. *Kazan Bulletin of Young Scientists*. 2020. Vol. 4, No. 1. P. 24–31. (In Russ.).

Poletaeva M. A The philosophical foundations of European cultural policy: from multiculturalism to civil integration (for example Germany). *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2019. No. 6 (92). P. 6–14. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10601. (In Russ.).

Ksenofobiya, radikalizm i prestupleniya na pochve nenavisti v Evrope. Ezhegodny'j doklad [Xenophobia, radicalism and hate crimes in Europe]. Annual report. M. Feldman, I. Barna, I. Tarasov and others; under total. ed. V. Engel. M.: Editus, 2018. 143 p. (In Russ.).

Stepanov S., Ivanova E. Migration processes as a challenge of modernity. *PolitBook*. 2018. No. 4. P. 53–63. (In Russ.).

Svechnikova S. V. PEGIDA movement as a reflection of the crisis of the European migration. *Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2018. No. 3 (80). P. 29–33. (In Russ.).

Bardin A. L., Pantin V. I. Politicization of discourse on the problems of regulation of migration in the EU. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2017. No. 3. P. 6–17. (In Russ.).

Shumilin A. I. Pandemic Factor in the European Foreign Policy. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. 2020. No. 2. S. 14–21. DOI: 10.15211/vestnikieran220201421. (In Russ.).

Potemkina O. Y. The impact of COVID-19 on freedom of movement and migration in the European Union. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. 2020. No. 3. P.89–94. DOI: 10.15211/vestnikieran320208994. (In Russ.).

Belov V. B. The internal and external aspects of the migration crisis in Germany. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. 2018. No. 4. P. 49–55. (In Russ.).

Stepanyan V. V. The impact of the migration processes in 2014–2017 on the socio-economic development of Germany and France. *Skif. Questions of student science*. 2021. No. 2 (54). P. 27–31. (In Russ.).

Atnashev V. R. Migrantophobia and Right turn in the Western Europe. *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2017. No. 2 (22). P. 77–80.

Yashlavskii A. E. Europe's Anti-immigrant Parties: False Start or Second Wind? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2018. Vol. 11, No. 3. P. 230–244. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-230-244 (In Russ.).

Bio note:

Maksim V. Kulaga, 2nd year student of the magistracy in the specialty “International relations and foreign policy”, Donetsk National University, Donetsk, Ukraine.

Contact information: e-mail: maks.kulaga.97@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7506-6325.

Received on 24.02.2021; accepted for publication on 15.05.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПАНДЕМИИ COVID-19

Москалевич Г. Н.,

Минский инновационный университет, Минск, Беларусь.

E-mail: moskalevich74@gmail.com

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.8

Для цитирования: Москалевич Г. Н. Правовое регулирование миграционных процессов в условиях евразийской интеграции и пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 91–100. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.8

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что создание Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) было нацелено на повышение экономической конкурентоспособности стран, вступивших в данное международное объединение, что, в свою очередь, должно повысить жизненный уровень населения государств-членов. Активное развитие интеграционных процессов в этих странах потребовало внесения соответствующих изменений в национальные законодательства с целью формирования однородного правового поля и обогащения внутреннего права международным опытом правового регулирования, в том числе и в регулировании миграционными процессами, поскольку интеграция всегда сопровождается миграционными процессами.

Целью данной статьи является исследование и анализ проблем правового регулирования миграционных процессов, имеющих место в странах ЕАЭС.

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования миграционных процессов в Евразийском экономическом союзе. Анализируются нормативные положения Договора о ЕАЭС, регулирующие миграционные процессы на территории Союза, служащие правовой основой для решения вопросов трудовой миграции, повышающие трудовой статус мигрантов – граждан государств, входящих в Евразийский экономический союз. Подчеркивается, что положения Договора о ЕАЭС устанавливают статус граждан – мигрантов из стран ЕАЭС, временно работающих на территории одной из стран-членов, регулируют их отношения с работодателем и закрепляют на законодательном уровне равные права трудовых мигрантов с гражданами страны-реципиента, в том числе и в социальной сфере, за исключением пенсионного обеспечения. Положения Договора закрепляют некоторые преимущества для мигрантов из государств, входящих в состав Союза: предусмотрено не только защищать интересы государств, но и права и свободы трудящихся мигрантов и членов их семей, прибывших из государств-участников ЕАЭС, создавать благоприятные условия их жизни в стране, принявшей их, в том числе для выполнения трудовой деятельности, способствующие успешному интегрированию в социальную систему страны.

Акцентируется внимание на проблемах, связанных с реализацией положений Договора о ЕАЭС, обусловленных существенными различиями государств-партнеров, связанными с уровнем и моделями экономического развития.

Отмечается, что в научной юридической литературе и законодательствах стран ЕАЭС встречаются различные подходы к толкованию понятия «миграция населения», представители которых берут за основу те или иные признаки этого сложного социально-экономического явления, рассматривая его с разных сторон.

Сделан вывод о необходимости выработки единого подхода к правовому регулированию миграционных процессов на территории ЕАЭС и формирования общего рынка труда. Внесены предложения, направленные на совершенствование миграционного законодательства: унифицировать приобретаемый социально-правовой статус мигрантов в стране приема; систематизировать и гармонизировать миграционное законодательство стран-членов Евразийского экономического союза; координировать с партнерами по ЕАЭС принимаемые правительственные решения в рамках борьбы с коронавирусной инфекцией COVID-19, отражающейся на миграционных процессах, и другие. Выдвинуто предложение о необходимости разработки и принятии кодифицированного нормативного акта – Миграционного кодекса ЕАЭС, что, по мнению автора, позволило бы устранить имеющиеся противоречия между положениями о миграции в Договоре о ЕАЭС и национальными миграционными законодательствами государств-членов, унифицировать систему миграционного законодательства в рамках интеграционного международного объединения, приведя его в соответствие с международным правом.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, миграционная политика, Евразийский экономический союз, Договор о Евразийском экономическом союзе, евразийская миграционная система, легальная миграция, трудовая миграция, правовое регулирование, миграционное законодательство.

Введение

Миграционная политика в странах-членах ЕАЭС находится в стадии развития в связи с выбором дальнейшего пути становления после начавшейся пандемии COVID-19. Сегодня на территории Союза практически не встречаются случаи вынужденной миграции, в основном миграционные процессы связаны с проблемами экономической миграции (трудовой, семейной и др.). Миграционная политика в странах-членах ЕАЭС направлена на создание общего рынка труда в рамках интеграционного объединения. Исходя из вышесказанного, миграционное законодательство постепенно переориентируется именно на эти проблемы. Кроме того, миграционное законодательство стран-членов ЕАЭС содержит некоторое количество «понятийных» пробелов, что создает ряд препятствий для эффективного развития данной отрасли законодательства.

Важность и актуальность темы исследования состоит еще и в том, что эффективная миграционная политика обеспечивает национальную безопасность государства, поскольку миграционные процессы на современном этапе развития общества относятся к ключевым факторам, способствующим или стабилизации политической и экономической ситуации в стране, или дестабилизации этой ситуации в государстве, а также в интеграционном объединении ЕАЭС в целом.

Обзор научной литературы

Миграционное законодательство отличается относительной новизной. Тем не менее можно констатировать, что миграционные процессы уже стали предметом исследования не только правоведами, но и учеными других отраслей науки: экономики, социологии, демографии и пр. Однако следует подчеркнуть, что количество фундаментальных исследований процессов миграции в области права явно незначительно.

В общетеоретическом плане отдельным аспектам проблемы правового регулирования миграционных процессов посвящены научные труды В. С. Афанасьева, В. М. Баранова, Н. В. Витрука, О. А. Галустьяна, И. Н. Глебова, В. М. Исакова, С. А. Комарова, О. Е. Кутафина, В. В. Лазарева, В. П. Малахова, Н. В. Михайловой, А. С. Пиголкина, К. Б. Толкачева, М. Л. Тюркина и др.

Различные подходы, идеи и выводы относительно правовых вопросов, связанных с миграционными процессами, отражены в работах российских ученых В. В. Гущина, А. В. Зубача, Н. И. Матузова, А. В. Малько, В. М. Редкоуса, Ю. А. Тихомирова, В. Н. Фадеева, Т. Я. Хабриевой, В. А. Юсупова и др.

В рамках изучения прав и свобод человека и гражданина исследовали проблему свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства такие российские ученые, как Л. Ф. Абзалова, И. Н. Барциц, Н. А. Богданова, В. А. Волох, Г. Г. Гольдин, Н. Н. Зинченко, А. А. Солоненко, М. Л. Тюркина и др.

Вопросам правового регулирования миграционных процессов в странах-членах ЕАЭС посвятили свои работы С. Б. Алиев, Н. А. Воронина, А. С. Гаева, Р. Ш. Давлетгильдеев, А. Иванчак, П. Е. Морозов, Д. В. Покрищук, А. А. Ткаченко, И. В. Шестерякова и другие.

Методология и методы исследования

Методологической основой для настоящего исследования явились принципы историзма и правовой объективности, дополняющие друг друга. Принцип историз-

ма означает, что научная оценка концепции правового регулирования миграции может быть дана лишь в контексте своей исторической эпохи (в нашем случае это период, начинающийся с 2015 г., когда вступил в действие Договор о Евразийском экономическом союзе, и по настоящее время). Правовая объективность при этом обусловлена воздействием на правовое регулирование миграционных процессов актуальных на данный исторический период социально-экономических и политических факторов. Данные факторы не могут не учитываться при подходе к решению проблем правового регулирования миграционных процессов, который должен быть адекватен социальному, экономическому и политическому положению в стране (в нашем случае – странах-участницах ЕАЭС, а также в интеграционном объединении ЕАЭС в целом).

Для достижения поставленной цели использовался метод системного анализа, позволивший оценить состояние структурных элементов миграционных процессов и конкретизировать проводимое исследование. Использование диалектического метода дало возможность с помощью его инструментария – методов формально-логического и формально-юридического анализа – выявить несовершенство миграционного законодательства стран-членов ЕАЭС и наднационального законодательства по вопросам миграции интеграционного объединения.

Источники информации

В связи с тем, что миграционные процессы являются сложными и многогранными, их объективное осмысление потребовало изучения и научного анализа достаточно большого количества источников.

Об интересе ученых к правовым проблемам, связанным с миграционными процессами, свидетельствуют:

– ряд защищенных диссертационных исследований: К. Д. Галиахметова (2006), Э. В. Суслин (2006), Т. А. Прудникова (2007), И. И. Тюнина (2007), О. Н. Веретенникова (2009), А. А. Савченко (2009), Т. Н. Балашова (2010), Н. А. Фирсова (2010), М. В. Тимошенко (2011), Е. Е. Шабурова (2011), и др.;

– опубликованные монографии (авторы В. А. Ионцев, Н. Н. Зинченко, А. Н. Овчинникова, М. Л. Тюркин, Н. Н. Тоцкий и др.).

Различным проблемам правового регулирования миграции, в том числе и в странах-членах ЕАЭС, посвящены опубликованные работы таких ученых, как Э. Э. Абдуллаев, С. Б. Алиев, Л. В. Андриченко, Н. А. Воронина, Р. Ш. Давлетгильдеев, Н. В. Загоруйко, К. А. Корчагина, В. В. Косарева, Е. А. Малышев, Г. И. Осадчая, Т. А. Прудникова, Г. И. Тюменцева и др.

Однако специфика правового регулирования миграционных процессов в рамках ЕАЭС, современные тенденции развития миграционных процессов нуждаются в продолжении исследования и научном анализе.

Интеграция государств предполагает взаимное открытие границ и связанные с этим определенные льготы для граждан ЕАЭС, пересекающих эти границы в рамках объединения с той или иной целью (туризм, отдых, посещение знакомых и родственников, а чаще всего трудоустройство).

На территории Евразийского экономического союза растет количество не только легальных мигрантов, но и нелегальных, из-за чего возникает множество негативных проблем. В связи с изложенным, особую актуальность приобретают проблемы правового регулирования трудовой миграции в странах-членах ЕАЭС. Дополнитель-

ную сложность создает при этом, как справедливо подчеркивает Н. А. Воронина, наличие «двухуровневого регулирования: регионального и национального» [Воронина, 2017: 94]. Миграционные и трудовые отношения регулируются международным правом (прежде всего, Договором о ЕАЭС) и национальными законодательствами государств-членов Союза, причем национальный уровень правового регулирования миграционных отношений в странах-членах охватывает более широкий круг отношений, чем наднациональный (или региональный), в том числе отношения, связанные с осуществлением пограничного и иммиграционного контроля; решением проблем борьбы с незаконной миграцией; с противодействием торговле людьми; политикой в отношении предоставления политического убежища и т. д.

С одной стороны, благодаря Договору о Евразийском экономическом союзе, основанному на кодификации договорно-правовой базы Таможенного союза и ЕЭП, помимо того, что был создан единый трудовой рынок пяти государств, предполагающий в своей основе единообразные правила и нормы; на законодательном уровне была провозглашена свобода передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы; произошло значительное расширение прав мигрантов из стран-членов интеграционного объединения, осуществляющих трудовую деятельность в стране, в которую они с этой целью прибыли: введение для них безвизового режима, предоставление возможности осуществлять трудовую деятельность как по трудовому, так и по гражданско-правовому договору, стремление государств к разработке общих подходов к правовому регулированию трудовых миграционных процессов, решению проблем по предоставлению социального обеспечения, зачета трудового (страхового) стажа и другие права мигрантов.

С другой стороны, реализация прав трудовых мигрантов, прописанных в Договоре о ЕАЭС, осложнена из-за возникновения множества трудностей, связанных с тем, что государства, входящие в состав Союза, имеют разный уровень и модели экономического развития (так, в Беларуси – высокий уровень государственного сектора в экономике и низкий уровень развития рыночных отношений; в Казахстане – развитая рыночная финансовая инфраструктура и высокий уровень инвестиционных вложений). Также имеются существенные различия в объемах экономической деятельности и ресурсах экономического развития; в целях, приоритетах и задачах миграционной политики. Тем не менее ведется поиск путей более эффективной защиты прав мигрантов, несмотря на разный уровень экономического развития их родных стран и страны миграции. К ним можно отнести взаимное открытие границ, в том числе отмену (сокращение) таможенных пошлин, пограничного (паспортного) контроля, упрощение правил пересечения своих границ, визовых требований, квот на привлечение иностранной рабочей силы и т. п. [Воронина, 2017: 95].

Третья сторона миграционных проблем состоит в возникновении серьезных трудностей при их решении в связи с условиями, созданными пандемией COVID-19, в которых людям приходится жить и работать, в том числе и мигрантам, которым, помимо прочих неприятностей, вызванных пандемией, предстоит пересечь границу, чтобы въехать в страну трудовой миграции, или, наоборот, вернуться из этой страны на родину. Но из-за пандемии граница может быть закрыта, а у возвращающегося на родину мигранта истек срок трудового договора или возникли другие обстоятельства.

Рассмотренные выше проблемы обуславливают актуальность вопросов правового регулирования миграционных процессов и миграционной политики на территории ЕАЭС.

Трудовой мигрант, как и обычный мигрант, независимо от его трудовой деятельности, должен быть уверен в том, что закон любого государства, входящего в состав ЕАЭС, защищает его права, а при возникновении негативных обстоятельств, в том числе и связанных с пандемией, и его государство, и страна миграции поддержат его и окажут необходимую помощь. Все это должно быть прописано в законодательстве стран – партнеров по ЕАЭС – с целью устранения всех возможных барьеров, особенно тех, которые препятствуют трудовой миграции, тем более что некоторые страны испытывают дефицит трудовых ресурсов.

Задача регулирования взаимных потоков мигрантов, стоящая перед государствами-членами Евразийского экономического союза, является сложной и нередко взаимно противоречивой, поэтому для ее решения необходимо проведение гибкой политики [Ткаченко, 2015: 14].

В основе формирования единого рынка лежат четыре «свободы»: свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Правовое регулирование реализации данных свобод обеспечивают Договор о ЕАЭС (наднациональной международной организации), вступивший в силу с 1 января 2015 г., и сопутствующие ему документы, содержащие соответствующие положения, прежде всего, направленные на свободное осуществление трудовой деятельности гражданами стран, входящих в состав ЕАЭС, в любом из государств-членов Союза. Названные выше свободы, в частности, свобода передвижения рабочей силы, легли в основу миграционной политики стран-членов ЕАЭС.

Правовому регулированию международной трудовой миграции посвящены положения раздела XXVI «Трудовая миграция» Договора о ЕАЭС, который включает комплекс норм (ст. 96–98),¹ охватывающих вопросы сотрудничества государств; осуществления мигрантами трудовой деятельности и наделения их соответствующими правами в сфере труда и социальной защиты.

В данном разделе содержатся некоторые преференции для мигрантов из стран, входящих в состав ЕАЭС. К таким преференциям можно отнести:

- положение о нераспространении на них мер по защите национального рынка труда, правил миграционного учета, предписывающих мигрантам обязанность в 30-дневный срок получить регистрацию и трудоустроиться;
- отсутствие необходимости оформлять соответствующие разрешительные документы для трудоустройства в принимающей стране ЕАЭС, поскольку мигранты, имеющие гражданство в государствах-членах Союза, вправе трудоустроиваться по тем же правилам, что и граждане страны-реципиента, заключать трудовой или гражданско-правовой договор с работодателем (ст. 96 Договора о ЕАЭС), причем срок пребывания трудового мигранта и членов его семьи равен сроку, на который заключен трудовой или гражданско-правовой договор с работодателем;
- при расторжении трудового или гражданско-правового договора после окончания 90 дней трудовой мигрант без необходимости выезда в течение 15 дней вправе заключить новый договор;
- признание страной-реципиентом документов об образовании без необходимости проводить соответствующие процедуры аккредитации, что имеет существен-

---

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (ратифицирован Федеральным законом от 03.10.2014 № 279-ФЗ, вступил в силу для Российской Федерации 1 января 2015 года). Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201501160013> (дата обращения: 02.07.2021).

ное значение для трудоустраивающегося мигранта, поскольку предоставляет ему возможность найти работу по своей специальности и в соответствии с уровнем своей квалификации (п. 3. ст. 97 Договора о ЕАЭС). Однако данная преференция не распространяется на области медицины, преподавания, юриспруденции и фармацевтики, поскольку к специалистам данных сфер жизнедеятельности предъявляются повышенные требования, связанные с социальной ответственностью, что и является главной причиной особого отношения к специалистам названных сфер, существуют различия в образовательных и профессиональных системах государств, входящих в состав Евразийского экономического союза;

- преференции в социальной системе страны-реципиента: предоставление трудовым мигрантам и членам их семей равных прав с гражданами страны-реципиента на социальное обеспечение (исключая пенсионное), на получение бесплатной неотложной и экстренной медицинской помощи за счет бюджета государства трудоустройства, а также на получение всех видов пособий в связи с временной нетрудоспособностью и с материнством; включение детей мигрантов в систему дошкольного и школьного образования принимаемой страны [Алиев, 2015: 10];

- предоставление права вступить в профсоюзные организации, находящиеся в стране-реципиенте;

- зачисление трудового стажа, приобретенного в стране-реципиенте, в общий трудовой стаж;

- обложение налогом доходов мигрантов с первого дня их работы по той же ставке, что применяется к доходам граждан государства-реципиента (по внутренней резидентской ставке).

Мигранты вправе получать от государственных органов и работодателя достоверную информацию о порядке пребывания, условиях работы, правах и обязанностях, которые предусмотрены законодательством страны трудоустройства.

Мигранты из стран-членов ЕАЭС с учеными степенями и званиями имеют право на признание соответствующих документов, выданных в стране их гражданства, согласно законодательству страны-реципиента. Работодатели имеют право сделать запрос о нотариальном переводе документов об образовании с официального языка страны гражданства мигранта на язык, считающийся официальным в государстве трудоустройства, а также сделать запрос, если это необходимо, в образовательные организации их выдавшие, или воспользоваться информационными базами данных [Иванчак, 2015: 87].

Вопрос о правовом регулировании пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в странах ЕАЭС является дискуссионным. Специалистами сегодня обсуждается проект договора о таком пенсионном обеспечении (ставится вопрос о назначении пенсии мигранту и выплате ее государством-реципиентом за тот период времени, когда мигрант осуществлял трудовую деятельность в данной стране. Но, как справедливо считает А. С. Гаева, разработать единые стандарты пенсионного обеспечения и осуществить «экспорт» пенсионных прав на территории ЕАЭС – наиболее трудноразрешимая задача в связи с существенными отличиями пенсионных систем государств, входящих в состав ЕАЭС, «как на структурном уровне (параметры начисления размера пенсии), так и в способах формирования и распределения пенсионных накоплений» [Гаева, 2019: 209].

Однако Договор о Евразийском экономическом союзе не только предоставляет мигрантам из стран-членов ЕАЭС определенные преференции, но и выдвигает ряд

требований по выполнению определенных обязанностей, заключающихся в следующем:

- в соблюдении законодательства страны трудоустройства, уважении культуры и традиций коренного населения;
- в несении ответственности за совершенные правонарушения;
- в уплате налогов, начисленных на доходы, приобретенные при выполнении трудовой деятельности.

Нормы Договора ЕАЭС правомерны и касаются только тех граждан, которые проживают в государстве-реципиенте легально, т. е. на законном основании.

Результаты

Некоторые ученые придают такое большое значение вопросам международной трудовой миграции, что даже полагают целесообразным выделить в качестве отраслевого «миграционное право стран ЕАЭС», которое, по их мнению, является системой норм права, регулирующей «отношения с участием иностранных граждан и лиц без гражданства (миграционные отношения), что является общим для всех стран ЕАЭС» [Морозов, 2016: 3].

Соглашаясь с автором в данном вопросе и учитывая глобальный характер миграции, принимая это явление как неизбежную и объективную реальность, имеющую как свои плюсы, так и минусы, считаем необходимым принятие кодифицированного нормативного акта – Миграционного кодекса ЕАЭС, что позволило бы устранить имеющиеся противоречия между положениями о миграции в Договоре о Евразийском экономическом союзе и национальными миграционными законодательствами государств-членов, унифицировать систему миграционного законодательства в рамках интеграционного международного объединения, приведя его в соответствие с международным правом.

Данное предложение связано с тем, что нормы законодательств государств-членов ЕАЭС, касающиеся проблем миграции, отличаются разрозненностью, в связи с чем возникает опасность появления у мигрантов неопределенности относительно решения миграционных вопросов. До сих пор миграционное законодательство стран ЕАЭС не лишено значительных «понятийных» пробелов, которые существенно препятствуют плодотворному развитию миграционного законодательства, выступающего в качестве единой отрасли законодательства в целом.

Так, международное, российское законодательство и законодательство Республики Беларусь не содержит юридического определения понятий «миграция» (и ее видов), «мигрант», «иммигрант», «эмигрант» и других, в связи с чем невозможно четко определить и производные от них понятия. Как положительный момент нужно подчеркнуть, что законодательство Республики Беларусь юридически закрепило понятия «трудоустроенный-иммигрант» и «трудоустроенный-эмигрант».

Российское законодательство трактует понятие «миграция» достаточно свободно, не устанавливая его правовую дефиницию. В законодательстве Республики Казахстан закреплены термины «мигрант», «миграция». Вместе с тем, их трактовка несколько отличается от трактовки, которая предлагается в текстах Соглашений в области трудовой миграции между странами Единого экономического пространства.

Законодательство стран, входящих в состав ЕАЭС, дифференцирует и классифицирует понятие «мигрант» по разным основаниям. В качестве критериев выбраны: цели миграции (трудовая, образовательная, семейная, туризм, иная); длительность

пребывания (временное, постоянное пребывание, временное, постоянное проживание); отношение к границам (внутренние, внешние); статус пребывания (легальный, нелегальный).²

В отношении термина «нелегальный мигрант» законодательство РФ и Республики Беларусь не выразило свою позицию и официально не закрепило данное понятие (однако отраслевое законодательство его использует), оно закреплено лишь законодательством Республики Казахстан.

Глобальный кризис, вызванный пандемией новой коронавирусной инфекции, оказал негативное влияние на эффективность действия Договора о ЕАЭС, предоставившем возможности для реализации четырех свобод: свободы движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы. Наибольшее влияние коронавирусная инфекция COVID-19 оказала на общие рынки услуг и труда и на миграционные процессы: меры, предпринятые государствами в целях борьбы с коронавирусом, существенно ограничили возможности и свободы пересечения пределов национальных границ. Вместе с тем, в рамках ЕАЭС все же удастся положительно решить некоторые проблемы: так, для обучающихся был смягчен пограничный режим. Данная проблема обсуждалась на специальном заседании в режиме онлайн, проведенном экспертным клубом «Мир Евразии», которое состоялось в Алматы.³ Предполагается реализация комплекса мер по смягчению введенных ограничений, включая условия для свободного перемещения трудовых ресурсов на общем экономическом пространстве. Однако все зависит от необходимых предпринимаемых карантинных мер, которые отличаются большой разнородностью на пространстве Евразийского экономического союза.

Выводы

Нормы Договора о ЕАЭС подтверждают развитие тенденции, направленной на расширение правового регулирования прав трудового мигранта на территории Союза на справедливые и достойные условия труда, на социальное обеспечение, получение медицинской помощи и т. д.

Благодаря интеграционным процессам в рамках ЕАЭС устранены основные барьеры, создающие препятствия для трудовой деятельности мигрантов из стран-членов ЕАЭС, им гарантирована социальная защита.

Вместе с тем необходимо дальнейшее совершенствование миграционного законодательства. Исходя из изложенного, предлагаем:

- провести унификацию понятийного аппарата и создать единую терминологию и концептуальную базу для законодательства государств-членов ЕАЭС, на законодательном уровне сформировать единые подходы данных стран к определению понятий «миграция», «мигрант», «член семьи мигранта», «нелегальный мигрант», к дифференциации (классификации) мигрантов;
- унифицировать приобретаемый социально-правовой статус мигрантов в стране приема;
- разработать конкретные меры, направленные на пресечение нелегальной миграции, и меры минимальной защиты прав мигрантов, работающих за рубежом без законных на то оснований; в частности, включить право на пенсионное обеспе-

---

² Трудовая миграция в ЕЭП: правовые и экономические последствия соглашений ЕЭП в области трудовой миграции. Евразийский Банк Развития. Текст: электронный. [сайт]. URL: <http://www.eabr.org/general/upload/docs/CCI/migration-presentation-rus.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

³ Там же.

чение трудящихся-мигрантов в общие социальные гарантии, предоставляемые страной трудоустройства, и другие соответствующие права;

- систематизировать миграционное законодательство стран-членов ЕАЭС;
- координировать с партнерами по ЕАЭС принимаемые правительственные решения в рамках борьбы с коронавирусной инфекцией COVID-19, затрагивающие мигрантов;

- разработать и принять кодифицированный нормативный акт – Миграционный кодекс ЕАЭС, что позволило бы устранить имеющиеся противоречия между положениями о миграции в Договоре о Евразийском экономическом союзе и национальными миграционными законодательствами государств-членов, унифицировать систему миграционного законодательства в рамках интеграционного международного объединения, приведя его в соответствие с международным правом.

Список литературы

Воронина Н. А. Внешняя трудовая миграция в условиях евразийской интеграции: правовые аспекты / Н. А. Воронина // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – № 1. – С. 94–113.

Ткаченко А. А. Интеграционные начала ЕАЭС: проблемы миграции / А. А. Ткаченко // Власть. – 2015. – № 11. – С. 14–20.

Алиев С. Б. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. Текст: электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-v-evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze> (дата обращения: 25.06.2021).

Иванчак А. Правовое регулирование труда работников-мигрантов стран ЕАЭС / А. Иванчак. // Право и управление. XXI век. – 2015. – №3 (36). – С. 84–91.

Гаева А. С. Миграционные процессы на евразийском пространстве / А. С. Гаева // Россия и современный мир. – 2019. – С. 207–222. DOI: 10.31249/rsm/2019.01.14.

Морозов П. Е. О понятии и предмете миграционного права стран Евразийского экономического союза / П. Е. Морозов // Миграционное право. – 2016. – № 1. – С. 3–6.

Сведения об авторе:

Москалевич Галина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, Минский инновационный университет, Минск, Беларусь.

Контактная информация: e-mail: moskalevich74@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-8032-984X.

Статья поступила в редакцию 18.01.2021; принята в печать 19.03.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION AND THE COVID-19 PANDEMIC

Galina N. Moskalevich

Minsk Innovation University, Minsk, Belarus.

E-mail: moskalevich74@gmail.com

For citation: Galina N. Moskalevich. Legal regulation of migration processes in the context of Eurasian integration and the COVID-19 pandemic. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 3. P. 91–100. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.8

Abstract. The relevance of the research topic is due to the fact that the creation of the Eurasian Economic Union (hereinafter – the EAEU) was aimed at increasing the economic competitiveness of the countries that joined this international association,

which, in turn, should improve the living standards of the population of the member states. The active development of integration processes in these countries required making appropriate changes to national legislation in order to form a homogeneous legal field and enrich their domestic law with international experience in legal regulation, including the regulation of migration processes, since integration is always accompanied by migration processes.

The purpose of this article is to study and analyze the problems of legal regulation of migration processes taking place in the EAEU countries.

The article deals with the problems of legal regulation of migration processes in the Eurasian Economic Union (EAEU). The article analyzes the normative provisions of the Treaty on the EAEU that regulate migration processes on the territory of the EAEU, serve as a legal basis for solving issues of labor migration, and increase the labor status of migrants-citizens of the states that are members of the Eurasian Economic Union. It is emphasized, that the provisions of the Treaty on the EAEU establish the status of migrant citizens from the EAEU countries temporarily working on the territory of one of the member states, regulate their relations with the employer and establish at the legislative level equal rights of migrant workers with citizens of the recipient country, including the social sphere, with the exception of pension provision.

Some advantages are established for migrants from the EAEU member states: it is provided not only to protect the interests of the states, but also the rights and freedoms of migrant workers and members of their families who arrived from the EAEU member States, to create favorable conditions for their life in the country that accepted them, including for performing work activities, contributing to successful integration into the social system of the country.

Attention is focused on the problems associated with the implementation of the provisions of the Treaty on the EAEU, due to the significant differences between the partner states related to the level and models of economic development.

It is noted that in the scientific legal literature and legislation of the EAEU countries, there are different approaches to the interpretation of the concept of "population migration", representatives of which take as a basis certain signs of this complex socio-economic phenomenon, considering it from different sides.

It is concluded that it is necessary to develop a unified approach to the legal regulation of migration processes on the territory of the EAEU and the formation of a common labor market. Proposals aimed at improving migration legislation were made: to unify the acquired social and legal status of migrants in the receiving country; to systematize and harmonize the migration legislation of the EAEU member states; to coordinate with the EAEU partners the government decisions taken in the fight against the COVID-19 coronavirus infection affecting migration processes, and others. A proposal was put forward on the need to develop and adopt a codified normative act – the Migration Code of the EAEU, which, according to the author, would eliminate the existing contradictions between the provisions on migration in the Treaty on the EAEU and the national migration legislation of the member states; unify the system of migration legislation within the framework of an integration international association, bringing it into line with international law.

Keywords: migration; migration processes; migration policy; Eurasian Economic Union; Treaty on the Eurasian Economic Union; Eurasian migration system; legal migration; labor migration; legal regulation; migration legislation.

References

- Voronina N. A. External labor migration within the framework of the Eurasian integration: legal aspects. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*. 2017. No. 1. P. 94–113. (In Russ.).
- Tkachenko A. A. The integrational nature of the Eurasian economic union: problems of migration. *Vlast'*. 2015. No. 11. P. 14–20. (In Russ.).
- Aliyev S. B. Trudovaya migratsiya i sotsial'noye obespecheniye trudyashchikhsya v Yevraziyskom ekonomicheskom soyuze. [Labor migration and social security of workers in the Eurasian Economic Union]. Tekst: elektronnyy. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-v-evraziyskomekonomicheskoy-soyuz> (data obrashcheniya: 25.06.2021). (In Russ.).
- Ivanchak A. Legal regulation of migrant labor in the EEU countries. *Pravo i upravleniye. XXI vek*. 2015. No. 3 (36). P. 84–91. (In Russ.).
- Gayeva A. S. Migration processes in the Eurasian region. *Rossiya i sovremennyy mir*. 2019. P. 207–222. DOI: 10.31249/rsm/2019.01.14. (In Russ.).
- Morozov P. Ye. O ponyatii i predmete migratsionnogo prava stran Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [On the concept and subject of migration law of the countries of the Eurasian Economic Union]. *Migratsionnoye pravo*. 2016. No. 1. P. 3–6. (In Russ.).

Bio note:

Galina N. Moskalevich, Candidate of law, associate Professor, Minsk Innovation University, associate Professor, Minsk Belarus.

Contact information: e-mail: moskalevich74@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-8032-984X.

Received on 18.01.2021; accepted for publication on 19.03.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Фаузер В. В.,

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия.

E-mail: fauzer.viktor@yandex.ru; http://vvfauzer.ru

Смирнов А. В.,

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия.

E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Фаузер Г. Н.,

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия.

E-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru

Клименко В. А.,

Исполнительный комитет СНГ, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: vak_@tut.by

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.9

Для цитирования: Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н., Клименко В. А. Население городских поселений: сравнительный анализ российского Севера и Республики Беларусь // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 101-113. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.9

Аннотация. Рассматривается городское население российского Севера и Республики Беларусь после 1989 г. Цель статьи состоит в проведении сравнительного анализа демографической динамики городских поселений с учетом различий между странами. Анализ производился на трех уровнях: государственном, региональном и на уровне городских населенных пунктов. Представлена общая динамика численности населения России, ее северных территорий и Республики Беларусь; показана роль демографических компонент в динамике численности населения и их трансформация в конце XX в. – начале XXI в. Рассмотрена результативность миграционного обмена северных территорий России и Республики Беларусь, показаны масштабы миграционных потерь. Анализируется динамика количества и людности городских поселений по типам в 1989–2020 гг. По количеству городских населенных пунктов лидируют малые и средние города, в то же время основная часть населения живет в городах с населением свыше 100 тыс. человек. Отмечается, что российский Север высокоурбанизирован, по этому показателю превосходит как Россию, так и Беларусь. Особое внимание в статье уделяется пространственному анализу динамики численности населения городов и поселков. Выявлены закономерности в зависимости демографического развития городских поселений от их пространственного размещения. Полученные результаты позволяют оценить перспективы дальнейшего развития систем городского расселения на российском Севере и в Республике Беларусь, что найдет применение в стратегиях и мероприятиях

по пространственному развитию территорий. Дальнейшие исследования должны быть направлены на выявление различий в демографическом поведении жителей поселений с разной экономической специализацией.

Ключевые слова: Север России, Республика Беларусь, городские поселения, миграция, демографические компоненты.

Введение

Демографические процессы на постсоветском пространстве крайне разнообразны. Ликвидация централизованного планирования и разрушение сложившихся хозяйственных связей привели к крупномасштабным миграциям, деформации возрастного состава населения и изменению процессов естественного воспроизводства. В данной статье будет сравниваться демографическая динамика городских поселений российского Севера и Республики Беларусь после 1989 г. Если северные территории России имеют ярко выраженную сырьевую специализацию (лес, уголь, природный газ, нефть, металлы), то ведущими отраслями белорусской экономики являются машиностроительная, легкая и пищевая промышленность, сельское хозяйство. Кроме того, Север отличается от Беларуси чрезвычайно высокой пространственной удаленностью от основных центров расселения, климатической дискомфортоностью и этническим многообразием [Heleniak, 2014; Jungsberg et al., 2018; Shiklomanov et al., 2019].

Заселение северных и арктических территорий происходило в форме колонизации [Фаузер., Лыткина, Смирнов, 2020]. Специфика российской ситуации состояла в том, что переселение происходило не в другие государства, а в местности, входящие в состав России. «Русский переселенец не чувствовал себя покидающим отечество» [Кауфман, 1905]. Колонизация, в отличие от переселения, является актом государственной жизни, а не частной [Давидов, 1911]. При заселении территорий, где проживает коренное население, проистекает необходимость примирить противоположные интересы [Гинс, 1913]. Как проходила колонизация в России, в Америке и других частях света достаточно подробно рассмотрено Л. Л. Рыбаковским [Рыбаковский, 2018].

Колонизация Европейского Севера началась в X–XII вв. при перемещении славян на слабозаселенные земли с финноугорским населением – предками нынешних карел, коми, вепсов, ненцев, саамов (лопарей) – и закончилось в XVII в. с вхождением Севера в состав Московского государства. Присоединение Сибири и Дальнего Востока произошло позже – с конца XVI – начала XVII вв. до XIX в. [Окладников, 1981].

В XX в. освоение и заселение северных территорий носило противоречивый характер, но прежде всего преследовало экономические интересы страны, а не цели сбалансированного развития территории. С 1930 до конца 1950 г. шла принудительная миграция, ей на смену пришел оргнабор [Фаузер, Лыткина, Смирнов, 2015]. С 1960 по 1990 гг. государство использовало экономические методы для заселения северных территорий, вводило специальную систему льгот и гарантий [Население северных регионов..., 2016]. Рыночный период освоения Севера кардинально изменил ситуацию. Реакцией на снижение уровня жизни стали отрицательный режим воспроизводства и массовый отъезд населения [Лыткина, Смирнов, 2019].

Динамика численности населения Беларуси в XX в. менялась неоднозначно. На нее оказывали серьезное влияние большие человеческие потери в Первой и во Второй мировых войнах. На основе эволюционных закономерностей демографического развития ученые еще в 1960–70-е гг. указывали на демографическое неблагополучие и прогнозировали сокращение численности населения Беларуси к началу XXI в. Социально-экономический кризис, начавшийся в последние годы существования Советского Союза, лишь ускорил депопуляцию [Тихонова, Фокеева, 2015].

Если население российского Севера в 1939–1989 гг. увеличилось втрое, то Республики Беларусь – всего на 14%. Наиболее существенным образом население Белорусской ССР менялось в результате урбанизации – увеличения удельного веса городских поселений. В 1939 г. на городское население приходилось 20,8% жителей, в 1989 г. – 65,4%, в 2020 г. – 77,6%. Тенденции изменения уровней рождаемости и смертности двух стран в целом совпадали, хотя и отличались по величине [Тихонова, Фокеева, 2015]. В отличие от российского Севера, где международная миграция незначительна на фоне межрегиональной, на численность населения Беларуси все большее влияние оказывает международный обмен [Демографическое развитие..., 2013]. Прогнозируется дальнейшее сокращение численности населения Республики Беларусь [Злотников, 2019].

Объектом исследования являются Республика Беларусь и тринадцать северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям. В их число входят на Европейском Севере: республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области, Ненецкий АО; на Азиатском Севере: республики Саха (Якутия) и Тыва, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО. Временной промежуток анализа – 1989–2020 гг.

Методика и источники данных

Исследование основано на анализе демографической статистики на трех уровнях: государственном, региональном и муниципальном (городские населенные пункты). Данные о численности населения получены из итогов переписей населения: СССР 1989 г., Республики Беларусь 2009 и 2019 гг. и Российской Федерации 2002 и 2010 гг. Данные на начало 2020 г., а также показатели естественного воспроизводства населения взяты из официальных статистических сборников Росстата и Белстата. Прирост (убыль) населения рассматривался по компонентам: естественный и механический.

Для более глубокого понимания демографических процессов на уровне городских поселений применялся пространственный анализ и картографический метод. Хотя пространственная дифференциация демографических процессов на уровне поселений российского Севера [Шахотько, 2008] и Республики Беларусь [Fauzer et al., 2020] уже рассматривались, сравнительный анализ двух стран позволяет выявить общие и специфические черты территорий [Antipova, 2012]. Карты-схемы построены при помощи языка программирования Julia и графического пакета VegaLite.jl. Данные о географических координатах городов и поселков получены из базы данных geonames.org.

Динамика численности населения Севера России и Республики Беларусь

На регионы, территории которых полностью входят в число районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, приходится 7,6 млн кв. км из 17,1 млн кв. км площади России или 44,5%. На 1 января 2020 г. численность населения российского Севера составила 7 млн 822,7 тыс. человек или 5,33% населения страны. Два северных региона имеют численность населения свыше одного миллиона человек: Архангельская обл. – 1 млн 136,5 тыс. и Ханты-Мансийский АО – 1 млн 674,7 тыс. чел. Один субъект «не дотягивает» до 50 тысяч: Ненецкий АО – 44,1 тыс. чел. Численность населения Азиатского Севера (4 млн 510,2 тыс.) превосходит население Европейского Севера (3 млн 312,5 тыс.). Российский Север высоко урбанизирован, на сельское население приходится 1 млн 461,8 тыс. (18,7%), а на городское – 6 млн 360,9 тыс. человек (81,3%, в целом по России – 74,7%).

Территория Республики Беларусь в 37 раз меньше – 0,2 млн кв. км, на которых проживают 9 млн 410,3 тыс. жителей. При том, что количество городских поселений меньше всего на 31%, в Республике Беларусь густота городских поселений выше в 25 раз, а плотность населения – в 31 раз. Все регионы Республики Беларусь примерно равны по численности, которая находится в пределах от 1,0 до 1,5 млн жителей. Исключением является город Минск, население которого превосходит 2 млн. Это единственный регион, численность которого увеличилась после 1989 г. После 2009 г. возросло также население Минской области. Удельный вес городского населения составляет 77,6%.

Таблица 1

Численность населения Российской Федерации, Севера России и Республики Беларусь, переписи населения 1989 г. и 2010 г., текущие данные на начало 2020 г., тыс. человек

Table 1

Population of the Russian Federation, the Russian North and the Republic of Belarus, census of 1989 and 2010, current data at the beginning of 2020, thousand people

Регион	1989 г.			2010 г.			2020 г.		
	всего	город	село	всего	город	село	всего	город	село
Российская Федерация*	147022	107959	39063	142857	105314	37543	144387	108169	36218
Север России	9692,9	7654,6	2038,3	7917,0	6314,2	1602,8	7822,7	6360,9	1461,8
Европейский Север	4775,3	3810,5	964,8	3567,8	2863,0	704,8	3312,5	2715,8	596,7
Республика Карелия	790,2	643,5	146,7	643,6	502,2	141,4	614,1	497,4	116,7
Республика Коми	1250,8	944,4	306,4	901,2	693,4	207,8	820,5	641,7	178,8
Архангельская область	1569,7	1151,6	418,1	1227,6	929,0	298,6	1136,5	893,3	243,2
Ненецкий АО	53,9	34,3	19,6	42,1	28,5	13,6	44,1	32,5	11,6
Мурманская область	1164,6	1071,0	93,6	795,4	738,4	57,0	741,4	683,4	58,0
Азиатский Север	4917,6	3844,1	1073,5	4349,2	3451,2	898,0	4510,2	3645,1	865,1
Республика Саха (Якутия)	1094,1	732,0	362,1	958,5	614,5	344,0	972,0	642,7	329,3
Республика Тыва	308,6	144,3	164,3	307,9	163,4	144,5	327,4	177,8	149,6
Камчатский край	471,9	384,4	87,5	322,1	249,2	72,9	313,0	245,6	67,4
Магаданская область	391,7	328,3	63,4	157,0	149,8	7,2	140,1	134,6	5,5
Сахалинская область	710,2	584,2	126,0	498,0	397,1	100,9	488,3	402,1	86,2
Ханты-Мансийский АО – Югра	1282,4	1166,3	116,1	1532,3	1401,5	130,8	1674,7	1549,3	125,4
Ямало-Ненецкий АО	494,8	385,6	109,2	522,9	443,0	79,9	544,4	457,0	87,4
Чукотский АО	163,9	119,0	44,9	50,5	32,7	17,8	50,3	36,0	14,3
Республика Беларусь**	10199,7	6678,6	3521,1	9503,8	7064,5	2439,3	9410,3	7303,9	2106,4
Брестская область	1458,4	824,4	634,0	1401,2	918,6	482,6	1347,2	949,1	398,1
Витебская область	1413,4	911,0	502,4	1230,8	897,0	333,8	1133,6	876,3	257,3
Гомельская область	1673,5	1069,9	603,6	1440,7	1050,8	390,0	1386,8	1063,0	323,9
Гродненская область	1170,3	669,8	500,6	1072,4	740,1	332,3	1025,7	772,0	253,7
Минская область	1586,8	744,1	842,7	1422,5	788,0	634,5	1473,2	810,6	662,6
Могилевская область	1284,3	846,9	437,4	1099,4	833,2	266,1	1023,5	812,8	210,7
Город Минск	1613,0	1612,5	0,5	1836,8	1836,8	–	2020,1	2020,1	–

* без учета Республики Крым и г. Севастополь.

** данные по Республике Беларусь приведены по переписи 2009 г.; в 1989 г. – наличное население.

Последнее десятилетие XX в. стало переломным в политической и экономической системе России. Это обстоятельство не могло не коснуться и миграционных настроений северян. С 1989 по 2020 г. численность населения северных регионов уменьшилась с 9 млн 692,9 тыс. до 7 млн 822,7 тыс. или на 1 млн 870,2 тыс. чел. Сокращение коснулось как городского, так и сельского населения. В десяти регионах из тринадцати произошло уменьшение численности населения и только в трех – рост. К числу регионов, имеющих восходящую демографическую динамику, относятся: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Республика Тыва (см. табл. 1).

Численность населения России (без учета Республики Крым и г. Севастополь) в 2020 г. составляла 144 млн 387 тыс. человек, из которых – 74,9% проживало в городах и поселках городского типа (далее – пгт). По отношению к 1989 г. население страны сократилось на 2 млн 635 тыс. человек, в том числе сельское – на 2 млн 845 тыс., а городское увеличилось на 210 тыс.

В Республике Беларусь при общем сокращении численности населения, включая сельское, городское население постоянно росло. Так, с 1989 по 2020 г. население Республики Беларусь сократилось на 743,4 тыс. человек, в том числе сельское на 1 млн 405,8 тыс. при росте городского на 662,4 тыс.

Результативность миграционного обмена северных регионов России и Республики Беларусь

Экономические причины являются определяющими для управления миграцией. Это отчетливо проявилось в конце XX – начале XXI вв., когда между северной периферией и центром обострилось социально-экономическое неравенство. Если до 1990 гг. северяне имели более высокую заработную плату, то в последующие годы темпы ее роста резко замедлились и стали уступать среднероссийским, а в отдельных регионах и отраслях даже уступать по абсолютной величине. Например, отношение средней заработной платы в субъекте к средней заработной плате по стране составляло в Карелии в 2000 г. 115,1, а в 2018 г. – 90,1%, в Ямало-Ненецком АО – 403,2 и 222,3, в Ханты-Мансийском АО – 381,9 и 162,1% соответственно [Stjernberg, Penje, 2019]. Рыночный механизм разрушил заложенные в советское время компенсации за труд и проживание в сложных климатических условиях [Население северных регионов..., 2016].

Демографическая динамика северных регионов России и страны в целом разнонаправленна. В России за счет миграционного обмена со странами ближнего зарубежья стабильно наблюдается миграционный прирост населения уже на протяжении более трех десятилетий. Нет причин предполагать, что в ближайшие годы ситуация изменится на противоположную, хотя в 2020 г. из-за карантинных мероприятий величина миграционного прироста снизилась почти втрое. Всего в 1991–2019 гг. механический прирост составил 9 млн 938,8 тыс. человек. В то же время естественная убыль была на уровне 13 млн 825,7 тыс., что дало общую убыль населения – 3 млн 886,9 тыс. человек.

На Севере естественный прирост за 1991–2019 гг. составил 337,3 тыс. (11,6 тыс. чел. в год). Механическая убыль за это же время достигла 2 млн 232,3 тыс. человек. Причем динамика европейской и азиатской частей различались. На Европейском Севере наблюдалась как естественная, так и механическая убыль с постепенным снижением последней. На Азиатском Севере благодаря нефтегазодобывающим автономным округам естественное движение населения имело положительное значение при ниспадающей миграционной убыли. Благодаря этому, с 2001 г. в азиатской части Севера России наблюдался прирост общей численности населения (см. табл. 2).

Таблица 2

Прирост (убыль) населения Российской Федерации, Севера России и Республики Беларусь, 1991–2019 гг., человек

Table 2

Increase (decrease) of the population of the Russian Federation, the Russian North and the Republic of Belarus, 1991–2019, people

Регион	Период	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
		общий	естественный	механический	естественный	механический
Российская Федерация*	1991–2000	-1970135	-6726454	4756319	-672645	475632
	2001–2010	-3438178	-6414387	2976209	-641439	297621
	2011–2019	1521397	-684900	2206297	-76100	245144
	1991–2019	-3886916	-13825741	9938825	-476750	342718
Север России	1991–2000	-1331161	32502	-1363663	3250	-136366
	2001–2010	-472060	49010	-521070	4901	-52107
	2011–2019	-91796	255798	-347594	28422	-38621
	1991–2019	-1895017	337310	-2232327	11631	-76977
Европейский Север	1991–2000	-725403	-137796	-587607	-13780	-58760
	2001–2010	-502932	-156456	-346476	-15645	-34648
	2011–2019	-248278	-35973	-212305	-3997	-23589
	1991–2019	-1476613	-330225	-1146388	-11387	-39531
Азиатский Север	1991–2000	-605758	170298	-776056	17030	-77606
	2001–2010	30872	205466	-174594	20546	-17459
	2011–2019	156482	291771	-135289	32419	-15032
	1991–2019	-418404	667535	-1085939	23018	-37446
Республика Беларусь (тыс. чел.)	1991–2000	-233,1	-254,1	21,0	-25,4	2,1
	2001–2010	-475,5	-415,6	-59,9	-41,6	-6,0
	2011–2019	-72,8	-125,2	52,4	-13,9	5,8
	1991–2019	-781,4	-794,9	13,5	-27,4	0,5

* без учета Республики Крым и г. Севастополь.

Республика Беларусь имела схожую с Россией демографическую динамику. Она также за все годы имела отрицательный общий и естественный прирост населения. В то же время в течение 1991–2000 и 2011–2019 гг. был отмечен положительный механический прирост населения.

В целом можно отметить, что в 1991–2019 гг. Россия имела положительный среднегодовой механический прирост в 342,7 тыс. человек. В этот же период Север России терял в год 77,0 тыс. человек, в том числе Европейский – 39,5 и Азиатский Север – 37,5 тыс. человек. В Республике Беларусь среднегодовая естественная убыль составляла 27,4 при положительном механическом приросте 0,5 тыс. чел.

Распределение населения по населенным пунктам

Как на российском Севере, так и в Беларуси, многие города являются монопрофильными [Демографический и трудовой..., 2018]. Следовательно, их демографические показатели очень уязвимы к изменениям социально-экономической ситуации, например, стоимости энергоресурсов. Поэтому показатели людности городских поселений характеризуют общие закономерности развития территорий.

Сегодня в России 2293 городских населенных пунктов, из них на города приходится 1116, в том числе на малые и средние – 944. На российском Севере их соответ-

ственно 290, 117 и 102, а в Республике Беларусь их соотношение 201, 115 и 100. Доля малых и средних городов колебалась от 84,1 до 87,9%. С 1989 по 2020 г. число городских поселений везде снижалось в основном из-за сокращения числа пгт. Города, в том числе малые и средние показывали позитивную динамику (см. табл. 3).

Таблица 3

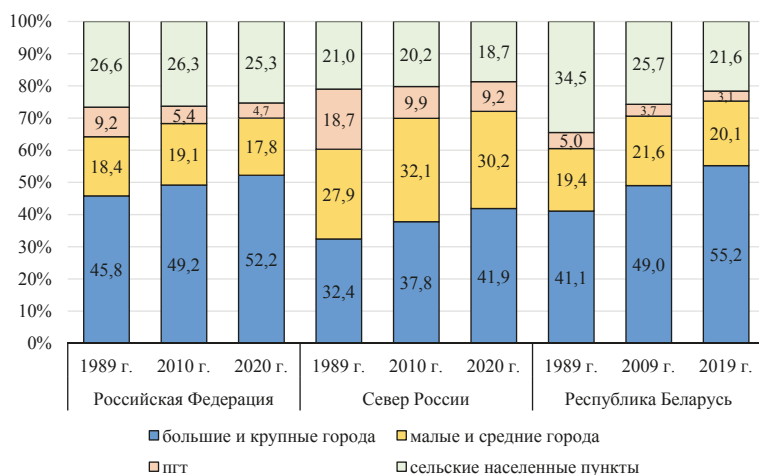
Число городских населенных пунктов в Российской Федерации, на Севере России и в Республике Беларусь, 1989–2020 гг.

Table 3

The number of urban settlements in the Russian Federation, the Russian North and the Republic of Belarus, 1989–2020

Группы поселений	Российская Федерация				Север России				Республика Беларусь		
	перепись			на нач. 2020	перепись			на нач. 2020	перепись		
	1989	2002	2010		1989	2002	2010		1989	2009	2019
Число городских населенных пунктов	3230	2940	2386	2293	460	382	303	290	210	206	201
в т. ч. города	1037	1098	1100	1116	105	121	118	117	99	112	115
из них малые и средние	872	931	936	944	92	108	104	102	87	99	100
пгт	2193	1842	1286	1177	355	261	185	173	111	94	86

Как было отмечено выше, по числу лидируют малые и средние города. Однако распределение населения России по проживанию в городских поселениях разной величины показывает, что с 1989 по 2020 г. доля проживающих в малых и средних городах уменьшилась с 18,4 до 17,8%, на Севере России и в Республике Беларусь она возросла и составила соответственно 27,9 и 30,2; 19,4 и 20,1. Как видим, основная доля горожан проживает в городах, насчитывающих более 100 тыс. человек. Доля проживающих в пгт и сельских населенных пунктах постоянно сокращалась (см. рис. 1).

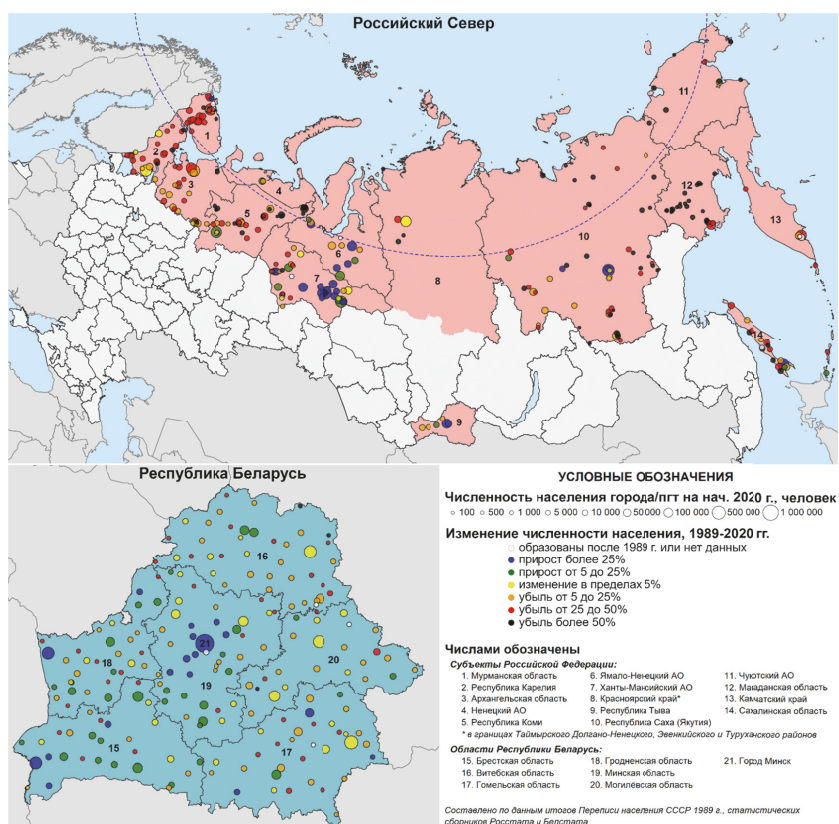

Рис. 1. Распределение населения по населенным пунктам Российской Федерации, на Севере России и в Республике Беларусь, 1989–2020 гг., %

Fig. 1. Population distribution by settlements of the Russian Federation, the North of Russia and the Republic of Belarus, 1989–2020, percent

Из 111 северных городов России, по которым имеются данные о численности населения на 1989 г., к 2020 г. (не учитываются закрытые административно-территориальные образования) численность населения возросла в 30 (27,0%). Их них более половины (18) находятся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири – Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. При этом 11 городов потеряли более половины населения, а 36 – от четверти до половины. В Беларуси численность населения за этот же период возросла в 58 из 115 городов (50,4%). Лучшая динамика у городов в центральной и юго-западной частях страны. Ни один из городов не потерял более половины населения, а более четверти потеряли всего шесть городов.

Среди 166 поселков городского типа на российской Севере, существовавших с 1989 по 2020 г., численность населения увеличилась всего в 16 (9,6%). Более половины населения потеряли 74 поселка (44,6%), не считая упраздненных и преобразованных в сельские населенные пункты. Особенно высока их концентрация в отдаленных территориях Магаданской области, Чукотского автономном округа, Республик Коми и Якутия. В Республика Беларусь из 82 поселков, образованных до 1989 г., выросла численность в 14 (17,1%). Потеряли более половины населения всего 3 поселка. Распределение в пространстве аналогично городам – наибольший прирост в юго-западной части и в окрестностях Минска (см. рис. 2).

Рис. 2. Городские населенные пункты российского Севера и Республики Беларусь, 2020 г.
Fig. 2. Urban settlements of the Russian North and the Republic of Belarus, 2020

В целом городское население российского Севера сократилось на 16,9% за указанный период, а Республики Беларусь – выросло на 9,4%. Однако более двух третей этого прироста дал город Минск, а остальная часть преимущественно приходится на города с населением свыше 100 тыс. жителей. Подавляющее большинство малых городов теряли население как на российском Севере, так и в Республике Беларусь. Интересно сравнить динамику средних городов на 2020 г. по 10 на российском Севере и в Республике Беларусь. Если на Севере 7 из 10 средних городов уменьшили численность после 1989 г. (кроме Салехарда, Когалыма и Нягани), то в Беларуси, напротив, 7 из 10 увеличили численность. Исключения: Светлогорск, Речица и Молодечно. И даже эти три города потеряли менее 6% жителей. Можно сделать вывод о том, что в Беларуси для достижения демографической устойчивости требуется существенная меньшая численность городского населения, чем в условиях Севера России.

Заключение

Рассмотрена современная демографическая ситуация на Севере России и в Республике Беларусь. Анализируя динамику численности населения, приводится роль каждой демографической компоненты (естественное и миграционное движение), выделяются общие черты территорий и региональные особенности. Все северные субъекты разделены на группы, имеющие позитивную и ниспадающую демографическую динамику, объяснить которую можно производственной специализацией регионов. В Республике Беларусь демографическая динамика определяется в направлениях периферия-центр и восток-запад,

Рассматривая эволюцию развития городов, авторы статьи отмечают, что по количеству лидируют малые и средние города – их доля в России, ее северных территориях и Республике Беларусь варьирует от 84 до 88%. Однако основная масса населения проживает в городах с численностью населения свыше 100 тыс. человек: Россия – 74,5, Республика Беларусь – 73,3, Север России – 58,0%.

Следует также отметить, что после определения перечня сухопутных территорий Арктической зоны РФ, российская Арктика стала приоритетной геостратегической территорией. В нормативно-правовых актах, принятых после 2014 г., Северу уделяется существенно меньше внимания, чем Арктике, что может сделать северные территории вновь «отдаленными» от материальных, финансовых и человеческих ресурсов.

Что касается перспективы? Научный интерес должен быть сконцентрирован на изучении производственной специализации малых и средних городов, развитии их инфраструктуры, разработке мер по их сохранению. Каркас расселения слабозаселенных территорий будет базироваться на малых и средних городах.

Список литературы

Heleniak T. Migration in the Arctic // Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North. – Akureyri: Northern Research Forum, 2014. – P. 82–104.

Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R. Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Largescale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic. – Stockholm: Nordregio, 2018. – 42 p.

Shiklomanov N., Streletskiy D., Suter L., Orttung R., Zamyatina N. Dealing with the Bust in Vorkuta, Russia // Land Use Policy. – 2019. – No. 103908. – P. 2–11. DOI: 10.1016/j.landusepol.2019.03.021.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические

и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11.

Кауфман А. А. Переселение и колонизация. – СПб: Общественная польза, 1905. – 443 с.

Давидов Д. А. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии. – Владивосток: Восточный институт, 1911 (Известия Восточного института. – Т. 37. – Вып. 1). – 187 с.

Гинс Г. Переселение и колонизация. Вып. 2: Земельная политика в колониях. – СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. – 65 с.

Рыбаковский Л. Л. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С. 38–46. DOI: 10.31857/S013216250000760-9.

Окладников А. П. Открытие Сибири. 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 223 с.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СГУ. – 2015. – №3. – С.151– 168.

Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер, В. А. Залевский / Отв. ред. д-р экон. наук, профессор В. В. Фаузер. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 240 с. (Б-ка демографа; Вып. 17). ISBN 978-5-87661-361-5.

Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика // Арктика и Север. – 2019. – № 37. – С. 94–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.94.

Тихонова Л. Е., Фокеева Л. В. Демографический потенциал Республики Беларусь: анализ и перспективы развития. – Минск: БГУ, 2015. – 200 с. ISBN 978-985-566-233-5.

Демографическое развитие Республики Беларусь и Российской Федерации в контексте национальной безопасности / Шабунова А. А., Шахотько Л. П., Боброва А. Г., Калачикова О. Н. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 3 (27). – С. 106–116.

Злотников А. Г. Детерминанты депопуляционных процессов в Беларуси // Наука и инновации. – 2019. – № 11. – С. 69–73.

Шахотько Л. П. Специфика демографической ситуации в Республике Беларусь // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 47–55.

Fauzer V., Lytkina T., Smirnov A. Impact of Migrations on the Demographic Structures Transformation in the Russian North, 1939–2019 // Regional Science Policy and Practice. – 2020. – Vol. 13. – P. 1–15. DOI: 10.1111/rsp3.12357.

Antipova E. Spatial Differentiation of Demographic Development of Belarusian Cities in the Post-Soviet Period // Scientific Annals of “Alexandru Ioan Cuza” University of Iași. – 2012. – Vol. LVIII, s. II. – P. 223–236.

Sjernerberg M., Penje O. Population Change Dynamics in Nordic Municipalities – Grid Data as a Tool for Studying Residential Change at Local Level. – Stockholm: Nordregio, 2019. – 44 p. DOI: 10.30689/R2019:1.1403-2503.

Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Д. В. Юрков, Г. Н. Фаузер, Т. С. Лыткина; отв. ред. В. В. Фаузер. – М.: Экон-Информ, 2018. – 215 с. (Б-ка демографа; Вып. 21). ISBN 978-5-906810-40-3.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-510-00007; при поддержке БРФФИ (договор № Г20Р-220 от 04.05.2020 г.). Авторы выражают признательность Е. Клинцовой за помощь в подготовке рукописи к печати.

Сведения об авторах:

Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия.

Контактная информация: e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru; <http://vvfauzer.ru>; ORCID ID: 0000-0002-8901-4817; PИИЦ Author ID: 119068; Scopus Author ID: 57190415976; Web of Science Researcher ID: N-9048-2017.

Смирнов Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия.

Контактная информация: e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6952-6834; PИИЦ Author ID: 761161; Scopus Author ID: 57206892878; Web of Science Researcher ID: N-8102-2017.

Фаузер Галина Николаевна, научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия.

Контактная информация: e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru; РИНЦ Author ID: 761731; Web of Science Researcher ID: H-5021-2018.

Клименко Валерий Адамович, доктор социологических наук, профессор, Советник Исполнительного комитета СНГ, Минск, Республика Беларусь.

Контактная информация: e-mail: vak_@tut.by; РИНЦ Author ID: 939002.

Статья поступила в редакцию 23.04.2021; принята в печать 15.07.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

POPULATION OF URBAN SETTLEMENTS: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN NORTH AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Viktor V. Fauzer

Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North FRC KSC UB RAS, Syktyvkar, Russia.

E-mail: fauzer.viktor@yandex.ru

Andrey V. Smirnov

Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North FRC KSC UB RAS, Syktyvkar, Russia.

E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Galina N. Fauzer

Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North FRC KSC UB RAS, Syktyvkar, Russia.

E-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru

Valerii A. Klimenko

CIS Executive Committee, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: vak_@tut.by

For citation: Viktor V. Fauzer, Andrey V. Smirnov, Galina N. Fauzer, Valerii A. Klimenko. Population of urban settlements: comparative analysis of the Russian North and the Republic of Belarus. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No 3. P. 101–113. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.9

Abstract. The article examines the urban population of the Russian North and the Republic of Belarus after 1989. The purpose of the article is to comparatively analyze the demographic dynamics of urban settlements, considering the differences between the two countries. The text provides an analysis at three levels: state, regional and at the level of urban settlements. The article presents the general dynamics of the population of Russia, its northern territories and the Republic of Belarus; shows the role of demographic components in population dynamics and their transformation at the end of the twentieth century – the beginning of the XXI century. The authors considered the effectiveness of the migration exchange of the northern territories of Russia and the Republic of Belarus, showing the scale of migration losses. The article analyzes the dynamics of the number and population density of urban settlements by type in 1989–2020. In terms of the number of urban settlements, small and medium-sized cities are leading, at the same time, by place of residence, most of the population lives in cities over 100 thousand people. The authors note that the Russian North is highly urbanized, surpassing both Russia and Belarus in this indicator. Particular attention is paid to the spatial analysis of the dynamics of the population of urban settlements. The study revealed patterns in the

dependence of the demographic development of urban settlements on the spatial distribution. The results allow us to assess the prospects for the further development of urban settlement systems in the Russian North and in the Republic of Belarus, which will find application in strategies and measures for the spatial development of territories. Further research should be aimed at identifying differences in the demographic behavior of residents of settlements with different economic specialization.

Keywords: Russian North, Republic of Belarus, urban settlements, migration, demographic components.

References

- Heleniak T. Migration in the Arctic. *Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North*. Akureyri: Northern Research Forum, 2014. P. 82–104.
- Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R. *Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Largescale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic*. Stockholm: Nordregio, 2018. – 42 p.
- Shiklomanov N., Streletskiy D., Suter L., Orttung R., Zamyatina N. Dealing with the Bust in Vorkuta, Russia. *Land Use Policy*. 2019. No. 103908. P. 2–11. DOI: 10.1016/j.landusepol.2019.03.021.
- Fauzer V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V. Population of the World Arctic: Russian and Foreign Approaches to Studying Demographic Problems and Settlement of Territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020. Vol. 13, No. 3. P. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11. (In Russ.).
- Kaufman A. A. *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and Colonization]. Saint Petersburg: Obshhestvennaya pol'za, 1905. 443 p. (In Russ.).
- Davydov D. A. *Kolonizaciya Man'chzhurii i Severo-Vostochnoj Mongolii* [Colonization of Manchuria and North-Eastern Mongolia]. Vladivostok: Vostochny'j institut, 1911 (Izvestiya Vostochnogo instituta [Proceedings of the Oriental Institute]). Vol. 37. Issue 1). 187 p. (In Russ.).
- Gins G. *Pereselenie i kolonizaciya. Vy'p. 2: Zemel'naya politika v koloniyax* [Resettlement and Colonization. Issue 2: Land policy in the colonies]. Saint Petersburg: Tipografiya F. Vajsberga i P. Gershunina, 1913. 65 p. (In Russ.).
- Rybakovsky L. L. Colonization of the Asian Part of Russia: The Features of Implementation and Geopolitical Consequences. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. 2018. No. 8. P. 38–46. DOI: 10.31857/S013216250000760-9. (In Russ.).
- Okladnikov A. P. *Otkry'tie Sibiri. 2-e izd* [Discovery of Siberia. 2nd edition]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1981. 223 p. (In Russ.).
- Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Governance population migration: from compulsion to encouragement. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie e'konomiki Severa*. 2015. No. 3. P. 151–168. (In Russ.).
- Naselenie severnyh regionov: ot kolichestvennyh pokazatelej k kachestvennomu izmereniyu [The population of the northern regions: from quantitative indicators to qualitative measurement] V. V. Fauzer, T. S. Lytkina, G. N. Fauzer, V. A. Zalevskij. *Otv. red. d-r ekon. nauk, professor V. V. Fauzer. Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina*, 2016. 240 p.
- Lytkina T. S., Smirnov A. V. Expulsions in the Russian North: migration processes and neoliberal policy. *Arktika i Sever*. 2019. No. 37. P. 94–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.94. (In Russ.).
- Tihonova L. E., Fokeeva L. V. Demograficheskij potencial Respubliki Belarus': analiz i perspektivy razvitiya [Demographic Potential of the Republic of Belarus: Analysis and Development Prospects]. Minsk: BGU, 2015. 200 p. (In Russ.).
- Shabunova A. A., Shakhotko L. P., Bobrova A. G., Kalachikova O. N. Demographic Development of the Republic of Belarus and the Russian Federation in the Context of National Security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2013. No. 3 (27). P. 91–100 (In Russ.).
- Zlotnikov A. G. Determinanty depopulyacionny'x processov v Belarusi [Determinants of Depopulation Processes in Belarus]. *Nauka i innovacii*. 2019. No. 11. P. 69–73. (In Russ.).
- Shahotko L. P. Specifika demograficheskoj situacii v Respublike Belarus' [Specificity of the Demographic Situation in the Republic of Belarus]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. 2008. No. 2. P. 47–55. (In Russ.).
- Fauzer V., Lytkina T., Smirnov A. Impact of Migrations on the Demographic Structures Transformation in the Russian North, 1939–2019. *Regional Science Policy and Practice*. 2020. Vol. 13. P. 1–15. DOI: 10.1111/rsp3.12357.
- Antipova E. Spatial Differentiation of Demographic Development of Belarusian Cities in the Post-

Soviet Period. *Scientific Annals of "Alexandru Ioan Cuza" University of Iași*. 2012. Vol. LVIII, s. II. P. 223–236.

Stjernberg M., Penje O. Population Change Dynamics in Nordic Municipalities – Grid Data as a Tool for Studying Residential Change at Local Level. Stockholm: Nordregio, 2019. 44 p. DOI: 10.30689/R2019:1.1403-2503.

Fauzer V. V., Smirnov A. V., Yurkov D. V., Fauzer G. N., Lytkina T. S. *Demograficheskij i trudovoj faktory` ustojchivogo razvitiya severny`x regionov Rossii* [Demographic and Labor Factors of Sustainable Development of the Northern Regions of Russia]. Moscow: Ekon-Inform, 2018. 215 p. (In Russ.).

Bio note:

Viktor V. Fauzer,

Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North FRC KSC UB RAS, Syktyvkar, Russia.

Contact information: e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru; <http://vvfauzer.ru>; ORCID ID: 0000-0002-8901-4817; RSCI Author ID: 119068; Scopus Author ID: 57190415976; Web of Science Researcher ID: N-9048-2017.

Andrey V. Smirnov,

Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North FRC KSC UB RAS, Syktyvkar, Russia

Contact information: e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6952-6834; RSCI Author ID: 761161; Scopus Author ID: 57206892878; Web of Science Researcher ID: N-8102-2017.

Galina N. Fauzer, Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North FRC KSC UB RAS, Syktyvkar, Russia.

Contact information: e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru; RSCI Author ID: 761731; Web of Science Researcher ID: H-5021-2018.

Valerii A. Klimenko,

Doctor of Sociology, Professor, Advisor, CIS Executive Committee, Minsk, Republic of Belarus.

Contact information: e-mail: vak_@tut.by; RSCI Author ID: 939002.

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by RFBR and BRFB, project number 20-510-00007 (BRFB contract No Г20P-220, 04.05.2020). The authors would like to thank E. Klintsova for help in preparing the article.

Received on 23.04.2021; accepted for publication on 15.07.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

СИСТЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1991–2020 ГГ.)

Друзьяка А. В.,

Благовещенский государственный педагогический университет», Благовещенск, Россия

E-mail: druziyaka12@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.10

Для цитирования: Друзьяка А. В. Система регулирования внешней миграции на Дальнем Востоке Российской Федерации (1991–2020 гг.) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 114–129. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.10

Аннотация. В статье рассмотрена система регулирования внешней миграции на российском Дальнем Востоке, состоящая из органов обеспечения въезда и выезда граждан России и иностранцев на территорию России, режима их пребывания, регистрационного учета, трудовой деятельности и натурализации. Дана периодизация этапов российской миграционной политики в конкретных условиях, детерминированных политической и экономической конъюнктурой.

Целью статьи является анализ исторических условий, а также характерные особенности создания, функционального становления и организационной трансформации органов системы государственного регулирования контроля над миграцией в период 1991–2020 гг. Рассмотрены проблемы их функционирования и результаты осуществления миграционной политики на Дальнем Востоке России. В данной статье кратко будут представлены основные аспекты формирования системы органов государственного регулирования иммиграции в 1990-е гг., а также связанные с ними трудности, проявившиеся в реализации государственной миграционной политики в исследуемый период. На основе анализа деятельности ряда федеральных и региональных социальных, административных и силовых органов рассмотрен опыт государственного регулирования внешней миграции в период 1990–2020-х гг., приведен анализ реализации функций системы миграционных органов и результаты их воздействия на отдельные внешнемиграционные потоки.

Открытие границ и массовый приток мигрантов из стран Азии на Дальний Восток в 1990-е гг. совпали с периодом реформирования системы органов государственного контроля над миграцией, которая была подвергнута организационным изменениям, получила ряд новых функций и задач. На Дальнем Востоке России процесс реформирования этой системы был осложнен трудностями регионального характера, связанными с развитием взаимоотношений федеральных и региональных властей с предпринимательством и местным самоуправлением.

Слабость и недостаточная координация деятельности органов миграционного контроля, отсутствие у них единых и понятных целей, передача компетенции натурализации и учета мигрантов в руки силовых ведомств, утрата социальной направленности в работе с переселенцами во многом стали причиной провалов в социальной политике в отношении мигрантов, формирования в их среде замкнутых криминальных сообществ, являющихся основой для создания на территории России экстремистских практик и ответных ксенофобских настроений в принимающем российском обществе.

В результате анализа итогов деятельности системы миграционных органов сделаны общие выводы об эффективности ее работы на Дальнем Востоке, достигнутых успехах. Вместе с тем, в статье предложены меры по совершенствованию работы с иностранными рабочими и переселенцами, нацеленные на компенсацию убыли населения и трудовых ресурсов в регионе.

Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании системы миграционного контроля, для выработки основ миграционной политики в регионе. Поднятые в статье вопросы могут стать основой для более глубокого исследования процессов, связанных с деятельностью государственных, муниципальных и общественных органов, принимающих участие в регулировании миграции, для привлечения, обустройства и адаптации необходимых Дальнему Востоку переселенцев.

Ключевые слова: реформы, Дальний Восток России, внешнеэкономическая деятельность, регулирование миграции, государственные органы, миграционная политика, мигранты, переселенцы, натурализация.

Введение

Демографический и миграционный кризисы, которые наша страна переживает на протяжении последних тридцати лет, являются одним из основных факторов,

сдерживающих ее развитие. Актуальность исследования миграционных проблем, проявляющихся все отчетливее в региональном и федеральном измерении, усиливается застарелым комплексом теоретических, организационно-правовых и административных факторов, создающих общую картину миграционного кризиса в крупных агломерациях и в трудодефицитных регионах с недостаточным количеством необходимой рабочей силы и специалистов, к которым сегодня можно отнести Дальний Восток России.

Необходимо отметить, что при решении проблемы демографического развития отдельных регионов федеральные и региональные власти нередко обращаются к историческому опыту миграционной политики имперского и советского периода, иногда утрируя его до раздачи переселенцам крупного рогатого скота, связанных кредитов и «гектаров», совершая попытки создания «свободных портов» и «территорий особого развития», имеющих пакет разнообразных административных и налоговых льгот и более облегченную процедуру привлечения иностранного труда и капитала.

Вместе с тем, продолжающийся ежегодно отток дальневосточного населения фактически обнуляет громкие и широко рекламируемые в СМИ акции по приему отдельных групп соотечественников, а попытки экстраполировать систему переселенческого стимулирования XIX – начала XX вв., включавшую предоставление таких льгот, как участок земли, скот и инвентарь, освобождение от подушного и поземельного налога и воинской повинности, на современные дальневосточные реалии выглядят по меньшей степени нелепо.

Результатом действия комплекса выталкивающих факторов, сложившихся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., является многолетний устойчивый тренд на убыль постоянного населения региона, который сегодня расценивается как серьезный вызов безопасности страны. В числе этих факторов можно назвать идеологические разногласия и противоречия, а также организационные трудности, сопутствовавшие регулированию миграции и оказавшие прямое влияние на формирование современной миграционной ситуации на Дальнем Востоке.

История исследования

Истории дальневосточных миграций и региональным проблемам, связанным с оттоком населения, посвящены многочисленные научные работы. В их числе можно выделить труды российских экономистов и демографов В. А. Ионцева, Е. Л. Мотрич, Л. Л. Рыбаковского, С. В. Рязанцева [Ионцев, 2019, 2020; Мотрич, 2019; Рыбаковский, 2019; Рязанцев, 2020].

Многолетние исследования этих авторов указывают на то, что основополагающую роль в процессе сокращения численности дальневосточного населения играет миграционный отток, который стал отрицательным в регионе с 1989 г. [Мотрич, 2019]. Учитывая состояние современных демографических реалий России в целом и ее отдельных регионов, большинство исследователей указывает на то, что в ближайшей перспективе многое будет зависеть от эффективного привлечения мигрантов, исходя, прежде всего, из региональных интересов [Рыбаковский, 2019].

Численность населения Дальнего Востока в период с 1992 по 2019 гг. сократилась более чем на 2 млн человек (на 23%), в то время как население Москвы в это же время увеличилось на 40%, что, кроме прочего, вызвано разрывом в уровне жизни в названных регионах. Указывая на перекосы в осуществлении российской национальной миграционной политики, в рамках которой «чуть ли не половина всего миграцион-

ного прироста приходится на Москву и Подмоскowie, плюс столько же внутренних мигрантов, причем зачастую из тех регионов, которые сами остро нуждаются в этих мигрантах», В. А. Ионцев делает вывод: «такое перераспределение населения страны между регионами в условиях демографического кризиса может привести к необратимым последствиям для многих из них, а вместе с ними будет поставлена под угрозу национальная безопасность страны в целом» [Ионцев, 2020].

Исторический опыт реализации мер по регулированию отдельных потоков международной миграции в регионе рассмотрен в работах А. Г. Ларина, А. Н. Петрова, О. В. Залесской и др. В исследованиях этих авторов проанализированы направления и методы реализации российской и советской миграционной политики в отношении восточных мигрантов [Ларин, 2009; Петров, 2003; Залеская, 2009].

В обобщающих работах дальневосточных историков В. Л. Ларина, А. С. Ващук, Е. Н. Чернолуцкой, Л. А. Крушановой и др. исследованы различные аспекты этномиграционной ситуации в регионах Дальнего Востока, дальневосточного рынка труда, привлечения ИРС и сопутствующие им практики государственного регулирования, имевшие место в различные периоды его истории [Ларин, 2005, 2006; Ващук и др., 2002].

Материалы и методы

В представленной статье применены методы историко-системного и сравнительно-исторического исследования, позволяющие проанализировать трансформацию миграционной политики и системы органов миграционного регулирования в различных исторических условиях. Автор использует также метод включенного наблюдения, полученный в 1993–2005 гг. в период служебной деятельности в органах паспортно-визовой службы МВД и работы в качестве начальника миграционного отдела в муниципальном предприятии г. Благовещенска Амурской области [Друзьяка, 2010].

Исследование опирается на работы историков и документы дальневосточных архивов: ГААО (Государственный архив Амурской области), ГАЕАО (Государственный архив Еврейской автономной области), ГАПК (Государственный архив Приморского края), ГАХК (Государственный архив Хабаровского края), в нем также приводятся нормативно-правовые акты, действовавшие в исследуемый период.

Результаты исследования

Основные потоки массовой внешней миграции на Дальнем Востоке России сложились в дореволюционный период (1860–1917 гг.) и были представлены в основном потоками китайских и корейских мигрантов [Ващук и др., 2002]. В указанный период была сформирована в общих чертах система контроля над такими потоками и сложился комплекс проблем, трудностей и задач регулирования и управления их параметрами. Главные задачи, поставленные перед этой системой, заключавшиеся в организации режима охраны границ, пунктов пропуска через границу, паспортно-таможенного контроля, учета иммигрантов и контроля над их пребыванием внутри страны в дореволюционный период так и не были выполнены в полной мере [Друзьяка, 2010].

При этом, на наш взгляд, уже в дореволюционный период поиск приемлемых форм привлечения иностранного труда и капитала и борьба с незаконной миграцией вступали в непримиримое противоречие с потребностями в дешевой рабочей силе,

в притоке товаров и капитала с Востока. В имперский и затем в советский периоды (1856–1993 гг.) на Дальнем Востоке России прошли апробацию различные режимы миграционной политики, имевшие основной целью поддержку массового внутреннего переселения. В таких условиях привлечение внешних мигрантов (в основном из соседних стран Азии) считалось вынужденным, а сами потоки рабочих-«восточников» имели в основном обслуживающий характер.

Практики миграционного регулирования, выработанные имперскими, а затем и советскими властями на Дальнем Востоке в 1856–1980-е гг., можно разделить на несколько периодов:

- период открытых границ (1856–1924 гг.);
- период установления режима пограничного и паспортного контроля над мигрантами (1925–1937 гг.);
- период закрытых границ и прекращения массовых миграций (1938–1988 гг.);
- период открытости и включения в глобальный обмен миграционными ресурсами (1989 г. – по настоящее время)

Согласно политическим и экономическим приоритетам использовался соответствующий комплекс мер и методов воздействия на различные миграционные потоки, который был основан на стимулировании притока внутренних мигрантов и компенсации недостатка рабочих рук за счет привлечения внешних мигрантов.

Безусловным приоритетом российской миграционной политики в отношении Дальнего Востока в имперский и советский периоды его истории являлось стимулирование внутреннего притока и закрепление населения, особенно в приграничных районах. Вместе с тем, дефицит трудовых ресурсов, остро необходимых для экономического развития региона, требовал дополнительного привлечения мигрантов, в основном прибывавших из соседних стран Северо-Восточной Азии. Массовой миграции «восточников» в период до 1917 г. способствовали не только острая потребность в рабочих руках, режим открытой границы и отсутствие четкой и однозначной государственной политики по данному вопросу, но и крайняя недостаточность системы органов, призванных контролировать и регулировать их пребывание.

В результате в период до 1917 г. на Дальнем Востоке России возник устойчивый поток нелегальной миграции, причинами которой, на наш взгляд, являются противоречия между ограничительной силовой политикой государственных органов и явной экономической пользой от привлечения ИРС и торгового капитала.

В советский период невозможность решения этих проблем привела к введению в 1925–1930-е гг. строгого паспортного режима в условиях «закрытой границы», при котором внешняя миграция была кардинально ограничена и находилась под контролем силовых структур. После попыток аккультурации и адаптации китайских и корейских мигрантов на основе коммунистической идеологии интернационализма центральное политическое управление нашей страны в условиях надвигающейся войны с Японией пошло на крайние меры – отселение китайского и корейского населения от дальневосточных границ [Залесская, 2009; Чернолуцкая, 2011].

В период «закрытости» полную ответственность за пребывание мигрантов несли принимающие организации, большинство из которых имело государственный правовой статус и было встроено в систему партийно-государственного управления тех лет.

В период открытия границ и активизации внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и приграничной торговли в 1989–1993 гг. на Дальнем Востоке России сложились

новые массовые потоки международной миграции, во многом воспроизводившие дореволюционные. В их числе можно назвать потоки ИРС и торговцев из КНР, СРВ, КНДР, привлечение которых позволяло решить ряд социально-экономических трудностей периода т. н. «перестройки» и последовавшей эпохи 1990-х гг.

Открытие дальневосточных границ позволило значительно оживить внешнюю торговлю, компенсировать недостаток рабочей силы, вызванный массовым оттоком дальневосточного населения, насытить рынок необходимыми рыночными товарами, предоставило возможность для развития «челночного» бизнеса, основанного на ввозе из-за границы товаров народного потребления, подержанных автомобилей и т. д. В свою очередь, слабая и устаревшая система органов контроля, отсутствие внятной государственной миграционной политики привели к возрождению на Дальнем Востоке России массового въездного потока нелегальной миграции [Друзьяка, 2008].

Миграционная ситуация в России в целом и в ее отдельных регионах характеризовалась увеличением межрегиональных потоков (для Дальнего Востока это был массовый отток населения в западные регионы страны и за границу), появлением беженцев и вынужденных переселенцев из национальных республик СССР, массовой экономической миграцией с сопредельными странами Азии (ИРС, рыночные торговцы, менеджеры и торговые представители фирм) [Ващук и др., 2002]. В обстановке спада промышленного производства, нарастания социально-политического кризиса и отсутствия эффективного центрального и регионального управления растущая въездная миграция воспринималась как вызов, способный дестабилизировать и без того шаткую ситуацию в стране.

Необходимо отметить, что СССР до 1991 г. фактически не участвовал в процессах глобального массового обмена миграционными ресурсами. В Российской империи, при всем ее огромном бюрократическом аппарате, так и не было создано специализированных органов, в основу компетенции которых были бы в полном объеме положены вопросы контроля над международной миграцией, а в СССР до 1990-х гг. такая система была основана на контроле принимающих организаций (субъектов ВЭД, туристических бюро, образовательных учреждений, предприятий, привлекающих ИРС, и пр.) и не была рассчитана на деятельность в условиях открытой границы.

Новые условия, связанные с резким увеличением внешнеэкономических связей, появлением новых границ в рамках бывшего Союза, появлением потоков беженцев и внутренних переселенцев, необходимостью формирования рынка трудовых ресурсов вынуждали государство экстренно реформировать соответствующую систему органов государственного регулирования и выработать новые основы государственной миграционной политики.

Прежде всего, в рамках республиканских, краевых и областных исполкомов, а в последствии администраций субъектов РФ появились органы, обеспечивавшие и координировавшие внешнеэкономическую деятельность (ВЭД) российских хозяйствующих субъектов, продвигавшие их интересы во внешней торговле и способствовавшие привлечению иностранной рабочей силы (ИРС) для использования на российской территории.¹ Контроль над ВЭД был передан администрациям субъектов РСФСР. Так, например, в Благовещенске в 1991 г. экстренное привлечение рабочих из КНР для окончания строительства областной клинической больницы было утверждено отдельным постановлением главы администрации Амурской области.²

¹ ГААО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 2. Л. 180; ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 111. Л. 22–25.

² ГААО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

Новую конфигурацию получила в это время и система федеральных контролирующих органов. В их числе можно назвать органы государственной безопасности, федеральной миграционной службы (ФМС России), паспортно-визовой службы МВД (ПВС МВД), федеральной пограничной службы (ФПС), государственной таможенной службы (ГТС), государственной службы занятости населения (ГСЗН), региональные представительства МИД и другие ведомства. Большинство из перечисленных органов в начале 1990-х гг. были созданы заново или кардинально реформированы с изменением штатов, функций и организационной структуры.

В первой половине 1990-х гг. наиболее продолжительной реорганизации были подвергнуты органы государственной безопасности, имевшие непосредственное отношение к регулированию процессов международной миграции. Длительная реформа органов государственной безопасности закончилась лишь в середине 1995 г. с образованием Федеральной службы безопасности (ФСБ РФ).³

1 апреля 1993 г. был принят Закон РФ «О государственной границе Российской Федерации», согласно которому соответствующие компетенции получили МИД, Министерство Безопасности РФ и Министерство обороны.⁴

30 декабря 1994 г. Указом Президента РФ была учреждена Федеральная пограничная служба РФ (ФПС РФ).⁵

Отделы Комитета по делам миграции населения, сформированные при учреждениях Министерства труда и занятости населения в конце 1991 г., 14 июня 1992 г. стали основой для учреждения Федеральной миграционной службы (ФМС РФ), которая имела социальный характер, однако обладала широким кругом контрольных и разрешительных функций, задач и направлений деятельности, в число которых входило согласование привлечения иностранных трудовых мигрантов.

Главной причиной ее создания стала необходимость упорядочения приема и устройства беженцев и вынужденных переселенцев, обеспечения законности трудоустройства российских граждан за рубежом, контроля над законностью привлечения и использования ИРС на территории субъектов РФ.⁶ В 1994–1995 гг. территориальные органы ФМС РФ были учреждены на Дальнем Востоке России.

С принятием в 1992–1993 гг. ключевых государственно-правовых актов в области внешней миграции, их компетенция существенно расширилась за счет ряда социально-обеспечивающих и контрольно-распорядительных функций в сфере миграции.⁷

Оживление внешнеэкономических связей, внешней торговли, международного туризма, массовое привлечение ИРС в региональную экономику поставили во-

³ Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ: с изменениями от 24 июля, 14 сентября 1995 г., 22 мая, 9 июля 1997 г. 30 декабря 1999 г., 7 ноября 2000 г. BestPravo. Информационной-правовой портал. [сайт] URL: <http://www.bestpravo.ru/fed1995/data03/tex15704.htm> (дата обращения: 11.06.2019).

⁴ О государственной границе Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 1993 г. №4730-1 // Ведомости Советов Народных Депутатов и Верховного Совета РФ [газета]. 1993. № 17. – Ст. 594.

⁵ История пограничной службы в России // Отечественные записки [газета]. 2002. № 6. URL: http://www.magazines.russ.ru/oz/2002/6/2002_06_33-pr.html (дата обращения: 10.05.2021).

⁶ О Федеральной миграционной службе России: Указ Президента РФ от 14.06.92 г. № 626 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ [газета]. 1992. № 25. Ст. 1422.

⁷ Положение о привлечении и использовании в Российской Федерации рабочей силы: утверждено Указом Президента Российской Федерации от 16.12.1993 г. № 2146. // Собрание актов Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента России (дата обращения: 10.05.2021).

прос о создании современных погранично-таможенных комплексов и обустройства новой инфраструктуры пропускных пунктов на границе (ПП). Как свидетельствуют документы того времени, в период 1988–1993 гг. материальная база и логистические возможности данных учреждений не устраивали ни участников ВЭД, ни органы государственной власти.⁸ Главной причиной такого несоответствия было признано отсутствие государственного финансирования реконструкции старых и создания новых пунктов пропуска и погранично-таможенных учреждений. В итоге финансирование их создания возлагалось на заинтересованные предприятия и организации, которые выделяли на эти цели часть своей прибыли.⁹

Необходимо заметить, что предпринятые до сегодняшнего дня попытки решить вопрос об обустройстве и строительстве за счет государственного бюджета новой, современной погранично-таможенной инфраструктуры и помещений для ПП на российско-китайской границе на Дальнем Востоке, на наш взгляд, дали минимальный эффект.

Большинство пассажирских ПП на дальневосточном участке российско-китайской границы сегодня по-прежнему находятся в ведении частных структур. По уровню обустройства помещений, благоустройства прилегающих территорий и материального обеспечения они резко контрастируют с соответствующими погранично-таможенными комплексами на сопредельной китайской территории. Не является в данном случае исключением и новейший логистический центр в районе российско-китайского автомобильного моста через Амур в районе Благовещенск-Хэйхэ, построенного на средства китайских инвесторов.

В начале 1990-х гг. потребовались также серьезные меры по обеспечению паспортно-визового контроля над пребыванием иностранцев, включавшие реорганизацию органов регистрации и обеспечения режима законного пребывания на российской территории.

В 1993 г. подведомственные МВД органы паспортного и регистрационного учета были реорганизованы на федеральном уровне в паспортно-визовую службу МВД РФ (ПВС МВД РФ).¹⁰ На ее подразделения были возложены функции по выдаче гражданам России внутренних и заграничных паспортов и пропусков на въезд в пограничную зону, регистрации граждан России и иностранцев, адресно-справочной работы, рассмотрения вопросов о принятии в гражданство иностранных граждан. Органы ПВС МВД должны были участвовать в реализации закона «О гражданстве Российской Федерации» от 1991 г., вследствие чего они стали главным натурализационным органом внутри страны (за границей решения о предоставлении иностранцам гражданства РФ принимали консульские учреждения МИД РФ).¹¹

Новый этап межгосударственных отношений, выпавший на начало 1990-х гг., вызвал необходимость более тесной координации деятельности в сфере внешней экономики на местном уровне путем создания на Дальнем Востоке региональных

⁸ ГАХК. Ф. 137. Оп. 22. Д. 2463. Л. 125–127.

⁹ ГАХК. Ф. 137. Оп. 22. Д. 2610. Л. 198–206; ГААО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

¹⁰ О реорганизации подразделений виз, регистрации и паспортной работы милиции в паспортно-визовую службу органов внутренних дел: Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 15 февраля 1993 г. № 124 // Официальный сайт Президента России (дата обращения: 10.05.2021).

¹¹ О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 // Ведомости СНД и ВС РФ [газета]. – 1992. – № 6. – Ст. 243.

представительств МИД РФ в Биробиджане и Хабаровске.¹² Соответствующие представительства появились также во Владивостоке, Благовещенске и других дальневосточных городах.

Изменения конфигурации системы миграционных органов совпали по времени с пиком дальневосточной внутренней и внешней миграции, ростом безработицы и криминализации общества, кардинальным изменением отношения центральных властей к развитию Дальнего Востока. В данных условиях расширение приграничной торговли воспринималось как способ решения многих социально-экономических проблем региона.

Причем в 1990-е–2000-е гг. на основе конфликта между соображениями безопасности и необходимостью привлечения иностранного труда и капитала фактически воссоздалась картина противоречий в восприятии миграции, характерных для досоветского периода и приведших в итоге к росту ее незаконного сектора.

Миграция в этот период воспринималась как негативный, дестабилизирующий фактор. Обеспечение общественной безопасности требовало все более жестких ограничений и контроля, а необходимость экономического развития отдельных городов и районов, а также потребность частных бизнес-проектов в привлечении дешевой рабочей силы нередко толкали работодателей и инвесторов на прямые нарушения миграционного законодательства.

Попытки сохранить контроль над мигрантами уже к 1992 г. натолкнулись на существенные трудности, вызванные увеличением количества субъектов ВЭД. В Амурской области их число к 1993 г. удвоилось по сравнению с 1992 г. и достигло 900.¹³ В Приморском крае в середине 1994 г. ИРС использовали 100 предприятий и организаций.¹⁴

Органы исполнительной власти, призванные контролировать внешнеэкономические связи, в 1991–1993 гг. были вынуждены ослабить контроль над осуществлением ВЭД и параметрами иммиграционных потоков на территории субъектов РФ в угоду конъюнктурным потребностям руководства ряда коммерческих предприятий и организаций, заинтересованных в массовом потоке мигрантов, а затем и вовсе утратили общий контроль над ними. В итоге на межправительственном уровне в конце 1993 г. было принято решение о введении визового режима с КНР.¹⁵

Потеря государственного контроля в 1990–1993 гг. в полной мере коснулась всех потоков мигрантов, прибывавших в Россию, т. к. последующее ужесточение визового режима и введение в конце 1993 г. нового разрешительного порядка привлечения ИРС заставили существенную часть из них невольно оказаться в теневом секторе занятости без какого-либо изменения с их стороны характера, направленности и масштаба производимой деятельности. Попытки ограничить и упорядочить поток ИРС путем введения ряда визовых и разрешительных процедур в 1993–2005 гг. привели к массовому въезду на Дальний Восток иностранных рабочих и торговцев под видом «туристов». В результате регуляризацию и «массовый выход из тени» для этих категорий с большим трудом удалось осуществить лишь с принятием ряда федеральных нормативных актов в 2005–2007 гг. [Друзьяка, 2008, 2010].

¹² ГАЕАО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 72. Л. 28.

¹³ ГААО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 154. Л. 8.

¹⁴ ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1, Д. 231. Л. 145–146.

¹⁵ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР «О визовых поездках граждан». 29.12.1993 г. // Официальный сайт Президента России (дата обращения: 10.05.2021).

Открытие границ и возрождение внешней миграции на дальневосточных границах в 1990-е гг. произошло при отсутствии адекватной правовой, материальной и организационной базы, без учета возможных последствий массовых потоков. Недостаточность законодательных и организационных мер и ресурсов системы государственного регулирования и контроля над отдельными миграционными потоками вызвала возрождение в регионе незаконной миграции, упорядочить которую удалось лишь к 2005–2007 гг.

Процесс реформирования и последующей деятельности системы органов регулирования и контроля над миграцией в течение 1992–2003 гг. был существенно осложнен общим комплексом административных трудностей, размытостью концептуальных задач, отсутствием современной нормативной базы и четкого взаимодействия с другими органами и структурами, организационной неразберихой, дефицитом кадров в регулирующих структурах [Друзяка, 2014].

По нашему мнению, отсутствие должной координации и дублирование контрольных функций в период 1993–2003 гг. нередко приводили к формированию особых региональных практик, находившихся в прямой зависимости от субъективных предпочтений губернаторов и руководителей федеральных ведомств. В частности, при региональных администрациях и даже на муниципальном уровне формировались различные межведомственные координационные структуры, которые оказывали непосредственное воздействие на характер мер поддержки или ограничения тех или иных потоков миграции.

В 2002–2004 гг. структура специализированных государственных органов, получивших более внятные задачи, систему координации и непосредственно включенных в процесс регулирования внешней миграции, опять подверглась реформированию в связи с принятием нового федерального законодательства о гражданстве и правовом положении иностранных граждан.¹⁶ Вместе с тем, направленность данной системы в начале 2000-х гг. окончательно приобрела официально-охранительный, репрессивно-сдерживающий характер. Наиболее отчетливо это проявилось на примере включения ФМС в состав органов МВД России, что окончательно лишило ее деятельности социального содержания. Сотрудник миграционной службы, ранее имевший задачу обустройства мигрантов и защиты их прав, обеспечения беженцев и переселенцев жильем и работой, окончательно перешел в категорию силовиков и в основном фигурирует в сюжетах об отлове «нелегалов» в ходе бесконечных облав и операций по обеспечению паспортного режима.

С 2007 г., когда был принят пакет законодательных мер, известных как «миграционная революция», и по настоящее время система миграционных органов России осуществляет регуляризацию потоков внешней миграции, привлечение ИРС на основе обоснованных квот, обеспечивает программы по переселению соотечественников на территорию Дальнего Востока и другие правительственные проекты. В частности, совместными усилиями была проведена регуляризация потока экономической миграции из КНР, существенно сокращен поток «нелегалов», налажен единый межведомственный учет на основе миграционных карт.¹⁷

¹⁶ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 №115-ФЗ // Российская газета. 14.01.2003; О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // Официальный сайт Президента России (дата обращения: 10.05.2021).

¹⁷ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ: Федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ // Российская газета. 20.07.2006.

В 2020 г. существенные изменения в практику осуществления миграционной политики в России внесли события, связанные с ограничениями, вызванными распространением пандемии COVID-19. В настоящее время присутствие мигрантов из КНР на Дальнем Востоке России минимально и обусловлено необходимостью поддержания деятельности предприятий, действующих на основе договоров долгосрочной аренды помещений, земель и ограниченного количества торгово-сервисных точек.

После падения курса рубля в 2014 г. и в процессе постепенного роста доходов, уровня жизни и заработной платы в КНР поток китайцев, желающих выехать в Россию на работу, снизился до минимума. В условиях карантинных мероприятий и закрытия границ (с КНР – с января-марта 2020 г. по настоящее время), ознаменовавших начало новой эпохи борьбы с пандемией COVID-19, крупнейшие объекты строительства региона испытывают дефицит иностранной рабочей силы, а качество и квалификация местных кадров не всегда удовлетворяет работодателей.

Ранее ряд регионов Дальнего Востока (в частности, Амурская область и Приморский край) избирают политику так называемой «нулевой квоты» на привлечение иностранцев в сельскохозяйственное производство, лесозаготовки, горнодобывающую промышленность, однако китайский капитал уже достаточно интегрирован в местную экономику и многие его проекты связаны именно с привлечением китайских работников. При этом с 2000-х гг. китайские предприниматели в качестве рабочей силы активно привлекают россиян. Среди всех регионов Дальнего Востока наиболее критическая ситуация с зависимостью от китайского капитала и трудовых ресурсов сложилась в сельском хозяйстве Еврейской автономной области, где китайский бизнес к 2019 г. обрабатывал до 80% посевных земель [Зуенко, 2020; Мищук, 2021].

В дальневосточном регионе сегодня остро ощущается дефицит рабочих рук, особенно в строительстве. В совокупности с другими факторами – в частности, с введением в действие федеральных программ льготного кредитования на приобретение жилья и ростом цен на строительные материалы, это стало одной из главных причин значительного роста цен на жилье, которые за прошлый год выросли на 80–90%.

В феврале 2021 г. самый дорогой квадратный метр на Дальнем Востоке был в Южно-Сахалинске (151 тыс. руб.). На втором месте – город Владивосток (144 тыс. руб.). Для сравнения: в это же время в Калининграде средняя стоимость жилья была в два раза ниже и составляла в среднем 74 тыс. руб. за 1 кв. метр. На третьем месте – Благовещенск (105 тыс. руб.). Хабаровск оказался на четвертом месте – 103 тыс. руб. Для сравнения: к примеру, в Краснодаре в новостройке можно приобрести жилье за 64 тыс. руб. за кв. метр, а средняя рыночная цена там составляет 74 тыс. руб.¹⁸

Повышение цен на недвижимость, без всяких сомнений, создает для ряда дальневосточников дополнительный стимул для продажи жилья и переезда в регион с более адекватными ценами на жилье. Другой важнейшей причиной миграции является выезд наиболее способных выпускников школ на учебу в столичные вузы, стимулирующий последующий переезд родителей. В последнее время это принимает массовый характер.

Несмотря на трудовые дефицит, в Амурской области продолжают крупные строительные проекты. Например, в г. Свободный сдан в эксплуатацию крупнейший газоперерабатывающий завод. В Благовещенске начато строительство второго моста

¹⁸ Все познается в сравнении: сколько стоит квадратный метр жилья в Приамурье, на Дальнем Востоке и в России. Информационное Агентство «Амур.инфо» [сайт]. URL: <https://www.amur.info/news/2021/02/09/184800> (дата обращения 09.02. 2021).

через реку Зея. В Тындинском и Зейском районах силами военнослужащих железнодорожных войск ведется строительство второй линии Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Выход из сложившейся ситуации руководство крупных корпораций видит в массовом привлечении на ротационной основе трудовых ресурсов из других регионов России, крупных контингентов ИПС из республик Центральной Азии и других стран, не входящих в АТР.

Выводы

Дальний Восток в текущий период испытывает трудности, связанные с острым недостатком трудовых мигрантов и с привлечением постоянных переселенцев в количестве, способном хотя бы в малой доле компенсировать отток населения и заполнить ниши на рынке труда.

В целом изучение комплекса исторически сложившихся трудностей миграционного регулирования на Дальнем Востоке позволяет выделить ряд закономерностей и сформулировать следующие выводы:

1. Осуществляемая системой государственных органов на Дальнем Востоке миграционная политика в различные исторические эпохи сохраняла общие черты. Главным ее приоритетом в имперский и советский периоды была деятельность по внутреннему переселению в приграничные районы Дальнего Востока, водворению и закреплению в регионе трудоспособного населения. При этом иммиграционная политика была подчинена интересам такого переселения и использовалась как инструмент его обеспечения.

2. Исторический опыт регулирования миграционных процессов на Дальнем Востоке указывает на то, что в периоды наибольшего притока иммигрантов, вызванного развитием экономики региона, российские административные органы зачастую утрачивали над ними контроль. Недостатки иммиграционного контроля, обусловленные слабостью и неэффективностью системы государственного регулирования иммиграции, приводили к рефлекторному ужесточению режима въезда и пребывания иммигрантов, связанному с сопутствующей идеологической кампанией, направленной против «засилья» этнических мигрантов.

3. Проводившаяся органами государственной власти на Дальнем Востоке в 1990-е гг. репрессивно-ограничительная иммиграционная политика, основанная на излишнем усложнении процедур легализации, способствовала возрождению явления нелегальной трудовой миграции и привела к утрате регионом миграционной привлекательности.

4. В современных социально-демографических условиях наметилась тенденция перехода от однобокой охранительно-сдерживающей миграционной политики к выработке комплекса мер по стимулированию притока русскоязычных мигрантов-соотечественников из республик СНГ, совершенствованию традиционных и разработке новых методов иммиграционного контроля и управления миграционными контингентами, либерализации законодательства о гражданстве для отдельных категорий мигрантов.

5. В настоящий момент российская миграционная политика имеет преимущественно ротационный характер и рассчитана на оперативное привлечение необходимых контингентов трудовых мигрантов. При этом, по нашему мнению, для принимающего общества Дальнего Востока более предпочтительной представляется

длительная и системная натурализационная политика по привлечению близкого по менталитету и культуре русского и русскоязычного населения из республик СНГ.

6. Одним из приоритетных направлений миграционной политики в регионе должен стать целевой поиск демографически значимых контингентов потенциальных мигрантов, способных надолго осесть на Дальнем Востоке. В качестве примера можно привести начавшуюся репатриацию русских староверов из стран Латинской Америки. «За пределами России численность старообрядцев может составлять более 8 млн человек. И если из них нашей стране удастся привлечь 300–500 тыс. человек, то уже к 2050 году численность населения Дальнего Востока (без Бурятии и Забайкалья) может увеличиться с 6,2 млн в 2019 г. до 8,2 млн.» [Ионцев, Субботин, 2019].

На протяжении всего периода возрождения в России массовых потоков внешней миграции миграционная политика государства отличается фактическим отсутствием понятной идеологии, современного и адекватного иммиграционного законодательства, усложненностью и бюрократическим характером репатриации соотечественников, отсутствием адекватной системы аккультурации и адаптации мигрантов. В числе этих проблем можно также назвать слабую координацию системы миграционных органов, во многом сложившихся в старой административно-охранительной парадигме, не отвечающей запросам современного социально-экономического развития страны.

На наш взгляд, большинство проблем регионального миграционного регулирования сложились под воздействием шоков, вызванных распадом советской системы регулирования внешней миграции и возникших в данной связи опасений, связанных с усилением влияния крупных региональных держав – в первую очередь КНР [Ларин, 2005, 2006, 2020; Друзяка, 2014]. Сегодня буквально на глазах происходит сокращение всех потоков миграции из Китая: привлечение рабочей силы в отдельные отрасли экономики, связанные с природопользованием (сельское хозяйство, золотодобыча, лесозаготовки), ограничено квотами, а в строительстве рабочие из КНР присутствуют в основном в проектах, организованных китайскими фирмами, с привлечением ими своих финансов, использованием своих материалов и технологий.

В условиях закрытых границ и ограничения притока трудовых мигрантов из стран АТР основной поток экономической миграции на Дальнем Востоке складывается из выходцев из стран СНГ, в основном это выходцы из Закавказья и Средней Азии.

По нашему мнению, на первый план выходит необходимость более эффективной интеграционной политики, основанной на поиске методов и практик адаптации мигрантов из Центральной Азии, включении их в социальную жизнь региона. Другим важным миграционным ресурсом остается привлечение мигрантов-соотечественников из Украины, русскоязычных жителей из других республик СНГ и других стран, для которых актуальными остаются первоочередное предоставление российского гражданства, включение в систему льгот, предусмотренных для жителей российского Дальнего Востока, максимальная свобода самореализации и деловой активности.

В этих условиях совершенно обоснованно поднимаются вопросы о новой миграционной политике, способной обеспечить региональное развитие. Ее разработке, как представляется, может содействовать как российский исторический опыт, так и опыт развития других иммиграционных стран.

Список литературы

Вацук А. С., Чернолуцкая Е. Н., Королева В. А., Герасимова Л. А., Дудченко Г. Б. Этномиграционные процессы в Приморье. – Владивосток, 2002. – 226 с.

Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С. В. Рязанцева. – М.: ЭконИнформ, 2019. – 79 с.

Друзьяка А. В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.) – Благовещенск: Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2010. – 290 с.

Друзьяка А. В. Миграционные вызовы – ответы российского государства в 1990-е гг. XX – начале XXI вв. // Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI вв.). – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – С. 99–156.

Друзьяка А. В. Незаконная миграция на российском Дальнем Востоке в 1993–2002 гг. (на примере Амурской области) // Вестник ДВО РАН. – 2008. – № 5 (141). – С. 32–37.

Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938). – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 380 с.

Зуенко И. Ю. Пандемия коронавируса и российско-китайское региональное сотрудничество // Известия Восточного института. – 2020. – № 2. – С. 15–28. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/15-28.

Ионцев В. А., Субботин А. А. Роль международной миграции населения в демографическом развитии России // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под редакцией Рязанцева С. В., Ростовской Т. К. – Москва, 2019. – С. 420–423.

Ионцев В. А. Современные особенности демографического развития России и ее регионов / Международный демографический форум. Материалы заседания. – Воронеж, 2020. – С. 37–42.

Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. – М., 2009. – 512 с.

Ларин В. Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 424 с.

Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). – М: Восток-Запад, 2005. – 390 с.

Ларин В. Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 9–27. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015.

Мицук С.Н. Трудовая миграция на Дальнем Востоке России: до и после 2020 года // Региональные проблемы. – 2021. – Т. 24. – № 2–3. – С. 171–174. DOI: 10.31433/2618-9593-2021-24-2-3-171-174.

Мотрич Е. Л. Миграция и этнические отношения на Дальнем Востоке России // Дальний Восток в зеркале этнополитики. Материалы Всероссийской научной конференции / Под редакцией Е. Н. Спасского, О. А. Рудецкого. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2019. – С. 98–102.

Петров А. И. История китайцев в России. 1865–1917 годы. – СПб: ООО «Береста», 2003. – 960 с.

Региональные особенности демографического развития России в XXI веке / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М. Экон-Информ, 2019. – С. 162.

Захарова О. Д., Рыбаковский Л. Л. Нелегальная иммиграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия / Институт социально-политических исследований РАН. – М., 1994. – 40 с.

Рязанцев С. В. Новые направления миграционной политики в контексте демографического развития России // II Всероссийский демографический форум с международным участием. Материалы форума. – Москва, 2020. – С. 236–239.

Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 512 с.

Сведения об авторе:

Друзьяка Андрей Викторович, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия.

Контактная информация: e-mail: druzyaka12@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7083-6298; РИНЦ Author ID: 746305; Scopus Author ID: 57190864168.

Статья поступила в редакцию 25.01.2021; принята в печать 30.03.2021.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

THE SYSTEM OF REGULATION OF EXTERNAL MIGRATION IN THE FAR EAST OF THE RUSSIAN FEDERATION (1991–2020)

Andrey V. Druzyaka,

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

E-mail: druzyaka12@mail.ru

For citation: Andrey V. Druzyaka *The System of regulation of external migration in the Far East of the Russian Federation (1991–2020). DEMIS. Demographic research.* 2021. Vol. 1. No. 3. P. 114–129. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.10

Abstract. *The article considers the system of regulation of external migration in the Russian Far East, which consists of bodies ensuring the entry and exit of Russian citizens and foreigners to the territory of Russia, the regime of their stay, registration, labor activity and naturalization. The periodization of the stages of the Russian migration policy in specific conditions determined by the political and economic conjuncture is given.*

The purpose of the article is to analyze the historical conditions, as well as the characteristic features of the creation, functional formation and organizational transformation of the bodies of the system of state regulation of migration control in the period 1991–2020. The problems of their functioning and the results of the implementation of migration policy in the Russian Far East are considered. This article will briefly present the main aspects of the formation of the system of state regulation of immigration in the 1990s, as well as the associated difficulties that manifested themselves in the implementation of the state migration policy during the period under study. Based on the analysis of the activities of a number of federal and regional social, administrative and law enforcement agencies, the experience of state regulation of external migration in the period 1990–2020 is considered, the analysis of the implementation of the functions of the migration authorities system and the results of their impact on individual external migration flows is given.

The opening of borders and the massive influx of migrants from Asian countries in the Far East in the 1990s coincided with the period of reforming the system of state control over migration, which was subjected to organizational changes, received a number of new functions and tasks. In the Russian Far East, the process of reforming this system was complicated by regional difficulties associated with the development of relations between federal and regional authorities with entrepreneurship and local self-government.

The weakness and insufficient coordination of the activities of migration control bodies, their lack of common and understandable goals, the transfer of the competence of naturalization and registration of migrants into the hands of law enforcement agencies, the loss of social orientation in working with migrants have largely caused failures in social policy towards migrants, the formation of closed criminal communities in their environment, which are the basis for the formation of extremist practices and xenophobic attitudes in the host Russian society on the territory of Russia.

As a result of the analysis of the results of the activities of the migration authorities system, general conclusions are made about the effectiveness of its work in the Far East, the successes achieved. At the same time, the article offers a number of proposals on improving work with foreign workers and immigrants, aimed at compensating for the loss of population and labor resources in the region.

The results of the study can be used to improve the migration control system, to develop the foundations of migration policy in the region. The issues raised in it can become the basis for a more in-depth study of the processes related to the activities of state, municipal and public bodies involved in the regulation of migration, in order to attract, settle and adapt migrants necessary for the Far East.

Keywords: *reforms, the Russian Far East, foreign economic activity, migration regulation, state bodies, migration policy, migrants, immigrants, naturalization.*

References

Vashchuk A. S., Chernolutskaia E. N., Korolyova V. A., Dudchenko G. B., Gerasimova L. A. *Ethnic and Migration Processes in Primorye Province in XX century.* Vladivostok: Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, 2002. 228 p.

Demographic situation in russia: new challenges and ways of optimization: national demographic report. Edited by Corr.-Member of the RAS S. V. Ryazantsev. M.: Ekon-Inform, 2019. 79 p.

Druzyaka A. V. Istoricheskij opy't gosudarstvennogo regulirovaniya vneshnej migracii na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (1858–2008 gg.). [Historical experience of state regulation of external migration in the South of the Russian Far East (1858–2008)] Blagoveshhensk: Izd-vo Blagoveshhenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2010. 290 p.

Druzyaka A. V. The migration challenges – the answers of the Russian state (the 1990s – the early XXI c. The historical problems of socio-political security of the Russian Far East (the second half of XX – the early XXI c.) Vol. 2. Migration challenges and the strategies of sociopolitical security of the Far Eastern territories. Vladivostok: IHAEPFE, 2014. P. 99–156.

Druzyaka A. V. Nezakonnaya migraciya na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1993–2002 gg. (na primere Amurskoj oblasti) [Illegal migration in the Russian Far East in 1993–2002 (on the example of the Amur region)]. *Vestnik DVO RAN*. 2008. No. 5 (141). P. 32–37.

Zalesskaya O. V. Kitajskie migranty' na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938) [Chinese migrants in the Russian Far East (1917–1938)]. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 380 p.

Zuenko I. Yu. Coronavirus Pandemic and Russo-Chinese Regional Cooperation. *Oriental Institute Journal*. 2020. No 2. P. 15–28. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/15-28.

Iontsev V.A., Subbotin A.A. Role of the international population shift in demographic development of Russia. The national demographic priorities: approaches and measures of realization. Series «Demography. Sociology. Economy». Vol. 5, No. 2. Under edition of the member correspondent of RAS Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K. Moscow: Econ-Inform, 2019. P. 420–423.

Iontsev V. A. Sovremennyy'e osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii i ee regionov. Mezhdunarodny'j demograficheskij forum [Modern features of the demographic development of Russia and its regions]. Materialy' zasedaniya. Voronezh, 2020. P. 37–42.

Larin A. G. Kitajskie migranty' v Rossii. Istoriya i sovremennost' [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. M., 2009. 512 p.

Larin V.L. In the Shadow of the Dragon Awaken: The Russian-Chinese Relations on the Boundary of the 20th–21st Centuries. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 424 p.

Larin V. L. Rossijsko-kitajskie otnosheniya v regional'ny'x izmereniyax (80-e gody' XX– nachalo XXI v.) [Russian-Chinese relations in regional dimensions (the 80s of the XX– the beginning of the XXI century)]. M: Vostok-Zapad, 2005. 390 p.

Larin V.L. «Chinese expansion» in the eastern regions of Russia at the beginning of the XXI century: through the prism of comparative analysis. *Comparative Politics Russia*. 2020; 11(2). P. 9–27. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015. (In Russ.).

Mishchuk S. N. Labor migration in the Far East of Russia: before and after 2020. *Regional'nye problemy*, 2021, Vol. 24, No. 2–3, pp. 171–174. DOI: 10.31433/2618-9593-2021-24-2-3-171-174. (In Russ.).

Motrich E. L. Migraciya i e'tnicheskie otnosheniya na Dal'nem Vostoke Rossii [Migration and ethnic relations in the Russian Far East]. Dal'nij Vostok v zerkale e'tnopolitiki. Materialy' Vserossijskoj nauchnoj konferencii / Pod redakciej E. N Spasskogo, O. A. Rudeczkogo. Xabarovsk: Dal'nevostochny'j gosudarstvenny'j universitet putej soobshheniya, 2019. P. 98–102.

Petrov A. I. Istoriya kitajcev v Rossii. 1865–1917 gody' [The history of the Chinese in Russia. 1865–1917]. SPb: «Beresta», 2003. 960 p.

Regional'ny'e osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii v XXI veke [Regional features of the demographic development of Russia in the XXI century]. Pod red. L. L. Ry'bakovskogo. M. E'kon-Inform, 2019. P. 162.

Zaxarova O. D., Ry'bakovskij L. L. Nelegal'naya immigraciya v prigranichny'x rajonax Dal'nego Vostoka: istoriya, sovremennost', posledstviya [Illegal immigration in the border areas of the Far East: history, modernity, consequences]. Institut social'no-politicheskix issledovanij RAN. M., 1994. 40 p.

Ryazantsev S.V. New directions of migration policy in the context of demographic development of Russia. II Vserossijskij demograficheskij forum s mezhdunarodny'm uchastiem : materialy' foruma (Moskva, 4 – 5 dekabrya 2020 g.) / Otv. red. S.V. Ryazancev, T. K. Rostovskaya ; FNISC RAN. – Moskva : Izdatel'stvo OOO «Ob`edinennaya redakciya», 2020. P. 236–239.

Chernolutskaya E.N. The forced migrations in the soviet Far East in 1920s – 1950s. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 512 p.

Bio note:

Andrey V. Druzyaka, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk. Russia.

Contact information: e-mail: druzyaka12@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7083-6298; RSCI Author ID: 746305; Scopus Author ID: 57190864168.

Received on 25.01.2021; accepted for publication on 30.03.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН ПО РЕГИОНАМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Рязанцев С. В.,

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: riazan@mail.ru

Храмова М. Н.,

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.11

Для цитирования: Рязанцев С.В., Храмова М.Н. Научная экспедиция сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН по регионам Дальнего Востока // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 130–137. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.11

С 7 по 24 июля 2021 г. группа научных сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН совершила экспедицию в несколько приграничных регионов Дальневосточного федерального округа. Экспедиция проведена в рамках проектов РФФИ № 19-29-07407 мк «Формирование человеческого капитала на Дальнем Востоке как фактор экономического роста и повышения конкурентоспособности России в условиях интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион» и № 20-11-00526 А «Международная миграция в приграничных регионах России: модели поведения населения и социально-экономические эффекты для развития территорий» (руководитель проектов – чл.-корр. РАН Рязанцев С. В.).

Ученые посетили Амурскую область, Приморский край, Сахалинскую область. Целью экспедиции являлось изучение демографической ситуации, человеческого потенциала, миграции и ситуации на рынках труда Дальнего Востока в период пандемии COVID-19. В экспедиции приняли участие 12 научных сотрудников Института: директор, чл.-корр. РАН С. В. Рязанцев, зам. директора М. Н. Храмова, зам. директора А. С. Лукьянец, зав. отделом миграции и миграционной политики Р. В. Маньшин, ведущий научный сотрудник А. А. Тер-Акопов, старшие научные сотрудники М. Афзали и С. С. Алхасов, младшие научные сотрудники Д. П. Зорин, Э. К. Вазиров, О. К. Касымов, стажеры-исследователи Н. Г. Кузнецов и А. И. Тышкевич.

Программа экспедиции была очень насыщенной и началась с посещения Благовещенска. В городе и области был собран обширный эмпирический материал, в том числе проведены социологические опросы (интервью) экспертов, мигрантов, местных жителей, приобретена научная литература по истории заселения, демографической ситуации и ситуации на рынке труда региона исследования.

9 июля в Благовещенском государственном педагогическом университете (БГПУ) состоялся круглый стол «Региональные рынки труда в период пандемии COVID-19»,

организованный БГПУ совместно с ИДИ ФНИСЦ РАН в рамках подписанного в начале 2021 г. соглашения о сотрудничестве. На круглый стол было вынесено несколько вопросов, в числе которых обсуждались изменения на региональном рынке труда вследствие пандемии, возможности для привлечения иностранной рабочей силы из Китая и стран СНГ, меры государственной поддержки населения и бизнеса в период ограничительных мероприятий, соотношение спроса и предложения рабочей силы в ряде отраслей экономики Амурской области, подготовка необходимых специалистов образовательными учреждениями области.

Модератором семинара являлся профессор кафедры истории России и специальных исторических дисциплин БГПУ С. А. Пискунов. От ИДИ ФНИСЦ РАН участие в семинаре приняли С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, А. С. Лукьянец, М. Афзали, З. К. Вазиров, С. С. Алхасов, О. К. Касымов и Н. Г. Кузнецов.

Для участия в семинаре был также приглашен заместитель генерального директора по производству одной из ведущих строительных фирм Амурской области «Амурстрой» В. Г. Абросимов. В ходе круглого стола Василий Григорьевич рассказал о деятельности фирмы, введении в строй нового жилья, особенностях привлечения рабочей силы на предприятие. Учитывая приграничное с Китаем расположение области, привлечение китайских бригад является распространенной практикой для строительной отрасли. В настоящее время из-за пандемии число китайских рабочих на строительных объектах значительно снизилось – в 2021 г. удалось привлечь лишь 27 китайских рабочих, а время на подготовку всех необходимых въездных документов составило почти пять месяцев. Заработные платы в строительной отрасли на фоне среднеобластных являются весьма конкурентоспособными, однако, как отметил В. Г. Абросимов, местное население неохотно идет работать на стройку, поэтому в отсутствие китайской рабочей силы отрасль испытывает дефицит кадров. Помимо китайских рабочих также привлекаются рабочие и из бывших союзных республик: Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана для выполнения монолитных работ и кирпичной кладки. Поиск кадров для строительной отрасли – задача весьма непростая, особенно в условиях пандемии, а дефицит присутствует не только в рабочих профессиях, но также не хватает грамотных прорабов, инженерно-технического персонала. Работодатель отмечал, что поиск сотрудников осуществляется и за счет привлечения квалифицированных работников из других регионов России. Им оплачивается переезд в Амурскую область, что фактически ложится дополнительной финансовой нагрузкой на фирму, и, как следствие, ведет к удорожанию объектов.

Стоит отметить, что Амурская область – не единственный регион России, где сложился дисбаланс спроса и предложения на рынке труда, когда, с одной стороны, есть вакансии с вполне конкурентоспособной заработной платой, но, с другой стороны, они не закрываются местным населением, в том числе выпускниками местных высших и средних профессиональных учебных заведений. Поэтому работодатели вынуждены привлекать рабочую силу из других регионов России или из зарубежных стран, неся дополнительные издержки по поиску и организации переезда сотрудников, оформлению документов для иностранных граждан. Одним из способов решения проблемы должно стать более тесное сотрудничество работодателей региона с образовательными организациями, проведение ярмарок вакансий и более широкое освещение перспектив трудоустройства местных молодых специалистов через СМИ.

Эти и многие другие вопросы обсуждались с коллегами из БГПУ, а также Дальневосточного государственного аграрного университета (ДГАУ). Наши коллеги поделились опытом трудоустройства своих выпускников, рассказали об ожиданиях молодых специалистов области от условий труда и заработных плат, мероприятиях, которые проводятся на базе ключевых образовательных организаций Амурской области по профессиональной ориентации и трудоустройству выпускников.

В Амурской области также состоялась поездка в с. Новгородка Свободненского района для встречи со староверами, которые по программе переселения соотечественников переехали в Россию из Уругвая, сначала в Приморский край, а затем в Амурскую область. В настоящее время в с. Новгородка живут четыре семьи, представляющие несколько поколений староверов. Все они отлично владеют русским языком, получили российское гражданство, сохранив при этом паспорта Уругвая. В беседе с сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН староверы рассказали об истории своей миграции в Россию, социокультурных и демографических аспектах своей жизнедеятельности, особенностях адаптации в Амурской области, а также миграционных планах своих знакомых и родственников, проживающих сейчас в Латинской Америке. Наши собеседники отмечали, что климатические условия в Амурской области являются для них более подходящими, нежели в Уругвае, в целом они вполне довольны своим новым местом жительства. Конечно, не обходится и без трудностей. Основные трудности для общины староверов связаны с тем, что для ведения сельского хозяйства им необходимо больше земли, а также больше техники для ее обработки. В то же время существующие банковские ставки по кредитам не позволяют закупать дорогостоящую технику. Вообще стоит отметить, что староверы производят впечатление очень открытых для общения с внешним миром людей, а тот жизненный опыт, который они накопили несколькими поколениями, является действительно обширным и уникальным.

Встреча со староверами, переехавшими в Россию по программе переселения соотечественников из Уругвая. Село Новгородка Амурской области
Meeting with Old Believers who moved to Russia under the program of resettlement of compatriots from Uruguay. Novgorodka village, Amur region

Перед встречей со староверами группа ученых ИДИ ФНИСЦ РАН также встретилась с главой Свободненского района Амурской области Э. С. Агафоновой. В ходе

встречи Эльвира Сергеевна рассказала об особенностях адаптации общины староверов в с. Новгородка, отметив, что в основном общение со староверами происходит без каких-либо проблем, но в вопросах, связанных с подготовкой различных документов (право собственности, регистрация по месту жительства и т. п.), обучением детей в школе, необходимости вакцинации, есть определенные затруднения. Например, в то время как в с. Новгородка из-за некомплектности местная школа была закрыта, для детей из общины староверов пришлось построить дополнительное помещение школы, а учителя к ним приезжают по специально составленному расписанию.

Также в ходе встречи были рассмотрены особенности демографической ситуации, тенденции миграционных процессов, трансформация занятости населения, ситуация с социальной поддержкой населения в районе.

Экспедиция продолжилась посещением Владивостока. Здесь было проведено несколько встреч с представителями органов власти, учеными ДВО РАН, сотрудниками иностранных дипмиссий. В Тихоокеанском институте географии (ТИГ) ДВО РАН директор института Ганзей К. С. рассказал о структуре и основных направлениях деятельности ТИГ, взаимодействии с другими научными и образовательными учреждениями края, становлении и развитии географической науки на Дальнем Востоке России, истории заселения и освоения региона. По итогам встречи была достигнута договоренность о подписании соглашения о сотрудничестве между ИДИ ФНИСЦ РАН и ТИГ ДВО РАН.

Встреча в Тихоокеанском институте географии ДВО РАН, г. Владивосток, 14.07.2021
Meeting at the Pacific Institute of Geography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, 14.07.2021

Также во Владивостоке состоялась лекция-экскурсия в Ботанический сад – институт на тему «История сельскохозяйственного и лесохозяйственного освоения Приморского края», которую провел директор Ботанического сада, чл. -корр. РАН Крестов П. В. История сельскохозяйственного освоения края в разные периоды вре-

мени была неразрывно связана с миграцией населения: каждая волна переселения, обусловленная различными политическими и социально-экономическими причинами, в дореволюционный, советский и постсоветский периоды приводила к привнесению новых растений, только часть из которых приживалась или была адаптирована под достаточно суровые климатические условия Приморья.

Для молодых демографов ИДИ ФНИСЦ РАН лекцию «Демографическая и миграционная ситуация на российском Дальнем Востоке» провел ведущий научный сотрудник ТИГ ДВО РАН Авдеев Ю. А. Его увлекательная лекция вызвала огромный интерес молодежи. Юрий Алексеевич рассказал о динамике демографических процессов в Приморском крае и других субъектах ДФО, половозрастной структуре населения и ее изменении под влиянием миграционных процессов. Особое внимание он уделил перспективным направлениям развития макрорегиона, основанным на уже существующей и потенциально возможной базе. В частности, рациональному использованию морских ресурсов и развитию портов, необходимости подготовки кадров с учетом региональной экономической специализации.

В рамках продолжающегося не первый год сотрудничества с Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики была проведена встреча с Гасанбалаевым Г. Д., во время которой он рассказал о том, как регион справился с вызовами пандемии, о занятости и безработице, ситуации на региональном рынке труда, перспективах и возможностях привлечения кадров нужной квалификации на Дальний Восток.

Встреча с руководителем Торгового представительства Социалистической Республики Вьетнам во Владивостоке господином Нгуен Хонг Тханем позволила получить информацию о численности граждан Вьетнама, проживающих на Дальнем Востоке, их занятости, взаимодействии с местным населением, положении вьетнамцев в Приморском крае и других регионах Дальнего Востока во время пандемии COVID-19, барьерах и возможностях развития различных аспектов российско-вьетнамского сотрудничества. Господин Тхань описал структуру товарооборота между нашими странами, выразил надежду на то, что в будущем активность российско-вьетнамского сотрудничества станет гораздо выше. Он отметил, что сам получил образование в России, и среди вьетнамцев по-прежнему сохраняется достаточно большой интерес к нашей стране, к изучению русского языка, но в последние годы многие вьетнамцы «смотрят на запад», предпочитая, чтобы их дети получали образование в американских, австралийских, новозеландских и европейских университетах.

Встреча с руководителем Торгового представительства Социалистической Республики Вьетнам во Владивостоке, господином Нгуен Хонг Тханем, г. Владивосток, 16.07.2021
Meeting with the head of the Trade Representative Office of the Socialist Republic of Vietnam in Vladivostok, Mr. Nguyen Hong Thanh, Vladivostok, 16.07.2021

Участниками экспедиции были взяты экспертные интервью у владельцев и управляющих бизнесом, предпринимателей во Владивостоке по проблемам использования иностранной рабочей силы из КНР, Таиланда, Индонезии, Вьетнама до и во время пандемии COVID-19. Была приобретена научная литература по историческим и современным особенностям миграции на Дальнем Востоке для библиотеки ИДИ ФНИСЦ РАН.

В Приморском крае также состоялась научная поездка в город Находка и его окрестности по изучению рынка труда и экологической обстановки.

В г. Южно-Сахалинск программа экспедиции продолжилась встречами в Правительстве области. Во встрече принимали участие зам. министра Министерства социальной защиты Сахалинской области Романец Т. В., а также ее коллеги из нескольких профильных департаментов и отделов Министерства социальной защиты и Министерства здравоохранения. На встрече обсуждались вопросы реализации в области Национального проекта «Демография», особенности демографической и миграционной ситуации в регионе в контексте российско-японских отношений, меры социальной поддержки различных категорий населения в период пандемии, в том числе семей с детьми, пожилого населения, развитие системы образования и подготовки специалистов для региональной экономики, вопросы доступности для жителей Сахалина поездок на материковую часть России.

На фото в центре – заместитель министра Т. В. Романец; также на встрече присутствовали представители нескольких департаментов Министерства социальной защиты и Министерства здравоохранения Сахалинской области

In the photo in the center – Deputy Minister T. V. Romanets; representatives of several departments of the Ministry of Social Protection and the Ministry of Health of the Sakhalin region also attended the meeting

В рамках образовательного блока экспедиции была проведена лекция – экскурсия об истории заселения и социально-экономического развития г. Южно-Сахалинск и г. Корсаков, поездка вдоль побережья Охотского моря в населенные пункты Долинск, Стародубское, Взморье, где ученые ИДИ ФНИСЦ РАН провели ряд экспертных интервью и получили дополнительный эмпирический материал по развитию региона. Стоит отметить, что на фоне большинства регионов ДФО Сахалинская область показывает весьма неплохие темпы социально-экономического развития, а внутрирегиональную транспортную инфраструктуру и состояние региональных дорог можно признать удовлетворительными. Тем не менее, вопросы связности территорий Сахалинской области и доступности других, в том числе, центральных регионов страны для жителей Сахалина стоят на повестке дня Правительства области. Недостаточное развитие социальной инфраструктуры и высокие тарифы на транспортные перевозки являются сегодня серьезным барьером для устойчивого развития области, включая развитие туристической сферы.

Полученные в ходе экспедиции уникальные материалы лягут в основу написания нескольких работ в рамках, выполняемых в ИДИ ФНИСЦ РАН научных проектов, поддержанных РФФИ.

Сведения об авторе:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России; Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; PИHЦ Author ID: 77673; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; Web of Science, Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Сведения об авторе:

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель директора по международной и образовательной деятельности, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; PИИЦ Author ID: 126144; ORCID ID: 0000-0002-0893-3935; Web of Science, Researcher ID: C-8107-2015; Scopus Author ID: 57195735740.

Благодарности и финансирование:

Выполнено по гранту РФФИ № 19-29-07407 мк «Формирование человеческого капитала на Дальнем Востоке как фактор экономического роста и повышения конкурентоспособности России в условиях интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион», также № 20-11-00526 А «Международная миграция в приграничных регионах России: модели поведения населения и социально-экономические эффекты для развития территорий» (руководитель проектов – чл.-корр. РАН Рязанцев С.В.).

Статья поступила в редакцию 27.07.2021; принята в печать 29.07.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

SCIENTIFIC EXPEDITION OF EMPLOYEES OF THE IDR FCTAS RAS TO THE REGIONS OF THE FAR EAST

Sergey V. Ryazantsev,

Institute for Demographic research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Marina N. Khranova,

Institute for Demographic research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

For citation: Sergey V. Ryazantsev, Marina N. Khranova. Scientific expedition of employees of the IDR FCTAS RAS of the Far East. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 3. P. 130–137. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.11

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head Department for Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: riazan@mail.ru; RSCI Author ID: 77673; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Bio note:

Marina N. Khranova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Deputy Director for International and Educational Activities, Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; PИИЦ Author ID: 126144; ORCID ID: 0000-0002-0893-3935; Web of Science, Researcher ID: C-8107-2015; Scopus Author ID: 57195735740.

Acknowledgements and financing:

The studies were carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-29-07407 мк «Formation of human capital in the Far East as a factor of economic growth and increasing Russia's competitiveness in the context of integration into the Asia-Pacific region, also No. 20-11-00526 А "International migration in the border regions of Russia: models of population behavior and socio-economic effects for the development of territories» (projects hand of the corresponding member. RAS Ryazantsev S. V.).

Received on 27.07.2021; accepted for publication on 29.07.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

СИБИРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН

Фомин М. В.,

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: mvfomin@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.12

Для цитирования: Фомин М.В. Сибирские экспедиции сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 138–142. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.12

В рамках реализации результирующего этапа гранта РФФИ «Моделирование сценариев пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России до 2030 года: особенности системы расселения» (2019–2021 гг.) в мае-июне 2021 года сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН были проведены три экспедиционные поездки в регионы Западной Сибири (в 2020 году две экспедиции в 4 субъекта Дальнего Востока, а в 2019 году – четыре экспедиции в 10 субъектов Сибири и Дальнего Востока).

С 23 по 28 мая 2021 г. сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН – в.н.с., к.полит.н. М. В. Фоминым, в.н.с., к.э.н. В. А. Безвербным и м.н.с. Т. Р. Мирязовым – была совершена научная экспедиция в Томскую область (г. Томск, г. Асино, г. Стрежевой).

В г. Томске прошла встреча с заместителем Мэра города по социальной политике К. И. Чубенко и начальником Экономического управления Администрации города И. М. Куприянец.

В г. Асино состоялась деловая встреча с Главой городского поселения А. Г. Костенковым и управляющим делами С. А. Кухаренко.

В г. Стрежевом прошла встреча с заместителем Мэра городского округа, Управляющим делами И. Л. Тимошенко.

С 6 по 11 июня 2021 г. сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН – в.н.с., к.полит.н. М. В. Фоминым и в.н.с., к.э.н. В. А. Безвербным – была проведена научная экспедиция в Омскую область (г. Омск, г. Тара, г. Калачинск).

В г. Омске прошла встреча с директором Департамента городской экономической политики Д. С. Гребенюком.

В г. Тара состоялась встреча с Главой Тарского городского поселения С. А. Мартыновым.

Так же прошли деловые переговоры с заместителем Главы Калачинского муниципального района М. С. Бендерским.

С 14 по 18 июня 2021 г. сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН – в.н.с., к. полит. н. М.В. Фомин, в.н.с., к.э.н. В. А. Безвербный и м.н.с. Т. Р. Мирязов совершили научную экспедицию в Кемеровскую область (г. Кемерово, г. Ленинск-Кузнецкий, г. Новокузнецк).

В г. Кемерово прошла встреча с Главой города И. В. Середюком.

В г. Ленинск-Кузнецком состоялась деловая встреча с заместителем Главы городского округа по экономике, промышленности и финансам О. А. Линкиной.

В г. Новокузнецк прошла встреча с Главой города С. Н. Кузнецовым.

Были проведены переговоры с начальником Управления экономического развития Администрации Анжеро-Судженского городского округа Э. Р. Хамидулиным.

*Деловая встреча участников научной экспедиции с Главой городского поселения
А. Г. Костенковым и управляющим делами С. А. Кухаренко в г. Асино*
*Meeting of the participants of the scientific expedition with the Head of the urban settlement
A. G. Kosenkov and the business manager S. A. Kukhareno in Asino*

*Деловая встреча участников научной экспедиции с Главой г. Новокузнецк
С. Н. Кузнецовым*
*Meeting of the participants of the scientific expedition with the Head of Novokuznetsk
S. N. Kuznetsov*

На состоявшихся рабочих встречах исследовательской группы ИДИ ФНИСЦ РАН с представителями муниципалитетов и администраций городов были представ-

лены и переданы в дар муниципалитетам новейшие научные издания ИДИ ФНИСЦ РАН. В ходе всех рабочих встреч были достигнуты договоренности о дальнейшем сотрудничестве и оказании экспертного содействия администрациям посещенных населенных пунктов Сибирского федерального округа (СФО).

Основные задачи экспедиций состояли в следующем: изучение демографических тенденций и особенностей трансформации системы расселения, миграционных предпочтений жителей, анализ социально-экономической ситуации и социальных аспектов жизнедеятельности населения, исследование проблем обеспечения предприятий трудовыми ресурсами и профессиональными кадрами в условиях миграционного оттока и депопуляции в СФО.

Для этого были подготовлены и осуществлены анкетные опросы в каждом населенном пункте, состоялась серия экспертных интервью и социологическое наблюдение текущей ситуации. Опрос проводился среди жителей в возрасте от 18 лет и старше, от 30 человек в каждом из 10 городов. Выборка – на основе модели с использованием ключевых характеристик генеральной совокупности – базируется на принципах квотно-пропорционального и территориального методов, является репрезентативной (ошибка не превышает 5%). Полученный объем составил 832 анкеты (n=832).

Эмпирическая модель была построена на основе анализа мнений жителей городов и поселений по трем главным направлениям:

- миграционные намерения (желание/нежелание переезда, место возможного переезда, его причины, отношение к дальнейшему проживанию детей, комментарии) и отношение к мигрантам (оценка ситуации с мигрантами, комментарии, причины);
- возможность комфортного проживания на постоянной основе в течение многих поколений (оценка, причины, комментарии);
- оценка актуального состояния социально-экономического развития поселения (экономическая ситуация, неравенство по доходам, перспективы работы предприятий, причины, комментарии) и его потенциала (степень освоения, недоиспользование, причины, комментарии).

Данные индикаторы в целом позволяют описать реальную картину жизнедеятельности местного населения (образ, уровень и качество), миграционных, трудовых и образовательных предпочтений, а также социально-экономическую ситуацию в городах и поселениях. Интервьюирование экспертов на уровне муниципальных образований из числа представителей органов власти, научного сообщества, предпринимателей осуществлялось с целью выявления динамики и структурных изменений занятости на региональных рынках труда, состояния инфраструктурной системы и пространственного каркаса.

Кроме того, ставилась задача выявить «выталкивающие» население факторы. В регионах Сибири остро стоит проблема экологии, занятости молодежи – прежде всего, отсутствие перспектив. Обозначился ряд проблем в пространственном развитии сибирских регионов: сокращение численности населения и миграционный отток в большинстве территориальных образований, высокий уровень миграционных настроений среди населения и вероятностные риски, связанные с притоком мигрантов (в настоящее время миграционный отток налицо во всех субъектах СФО, за исключением Республики Алтай и Новосибирской области). Впоследствии это приведет к дальнейшему сокращению населения и уменьшению демографического

потенциала. По средним прогнозам, к 2030 году численность населения СФО может сократиться на более чем 1 млн человек.

Вместе с тем, хотя значительное число респондентов высказались за переезд из своих регионов, подавляющее число жителей считает, что комфортное проживание возможно на постоянной основе в течение многих поколений. Для чего необходимо, прежде всего, повысить заработные платы, добиться снижения цен. Требуется обеспечить высокое качество и доступность здравоохранения, образования, культурной и досуговой сферы.

Для комфортного проживания нужно снизить цены на транспорт, особенно стоимость авиаперелетов, осуществить доступность жилья. Если строительство жилья сегодня ведется эффективнее, чем раньше, то проблему с покупательной способностью населения решить в данный момент не удастся.

Исследование моногородов СФО подтвердило необходимость проведения срочных и нетривиальных изменений. Большинство из них были созданы, благодаря наличию определенного типа природных ресурсов. В результате системных изменений 1990-х гг. моногорода стали территорией повышенного социально-политического риска. Высокий уровень безработицы и значительная доля населения, живущего за чертой бедности, могут привести не только к нарастанию социальной напряженности и росту преступности, но и, что крайне нежелательно, к усилению протестных настроений, тиражу стоп-акций, формированию экстремистских движений.

Особенно важно учитывать как действующую рентно-сырьевую экономическую модель, так и то, что Сибирь находится в состоянии сокращения населения, дефицита финансовых средств, инфраструктуры, сужения производственной базы. Если моногорода с рисками ухудшения ситуации распространены в Алтайском крае, а сравнительно стабильным развитием отличаются моногорода Красноярского края, то наибольшее количество кризисных моногородов находятся в Кузбассе. В целом, как ни странно, наиболее кризисные моногорода распространены главным образом на юге Сибири. Тогда как северные ресурсные моногорода отличаются сравнительной стабильностью.

Исследование состояния инфраструктуры и транспортной связанности регионов Сибири показало низкий уровень их развития в Омской и Томской областях, что значительно осложняет повышение инвестиционной и миграционной привлекательности. Для перелома негативных демографических и миграционных тенденций необходимы инновационные – прорывные проекты развития транспортных коммуникаций и сопутствующей инфраструктуры, способные остановить устойчивый миграционный отток трудоспособного населения в более развитые регионы страны.

К настоящему времени всего было проведено 9 экспедиций в 16 субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (в 47 городов и поселений). Выводы, полученные в результате состоявшегося исследования, могут быть полезны как при разработке политики государственного управления пространственным развитием на федеральном и региональном уровнях, так и для муниципального управления.

Сведения об авторе:

Фомин Максим Витальевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: mvfomin@mail.ru, ORCID ID 0000-0001-6685-1500; RSCI Author ID: 734762; Scopus Author ID: 57195836848; Web of Science Researcher ID: K-3541-2016.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке, проект №19-010-00836 А.

Статья поступила в редакцию 01.07.2021; принята в печать 05.07.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SIBERIAN EXPEDITIONS OF EMPLOYEES OF THE IDR FCTAS RAS

Maxim V. Fomin

Institute for Demographic research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: mvfomin@mail.ru

For citation: Fomin M. V. Siberian expeditions of employees of the IDR FCTAS RAS. DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No. 3. p. 138–142. DOI: 10.19181/demis. 2021. 1. 3. 12

Bio note:

Maxim V. Fomin, Candidate of Sciences (Political), Leading Research Fellow, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: mvfomin@mail.ru, ORCID ID 0000-0001-6685-1500; RSCI Author ID: 734762; Scopus Author ID: 57195836848; Web of Science Researcher ID: K-3541-2016.

Acknowledgements and financing:

The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-010-00836 А.

Received on 01.07.2021; accepted for publication on 05.07.2021.

The author has read and approved the final manuscript.